

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

В СЕТЯХ АФЕРЫ

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Annotation

Только детектив-экстрасенс Яна Милославская сможет распутать сложное дело о похищении и убийстве. Полиция бессильна, ведь у выжившей после кошмарных событий жертвы — шок и амнезия. Но Яна смело берется за дело, и ведет свое расследование с риском для жизни.

- [Анастасия Валеева](#)

-

Анастасия Валеева

В СЕТЯХ АФЕРЫ

* * *

Яна Борисовна Милославская наливала в чашку дымящийся кофе, только что сваренный ею. Серебряная джезва поблескивала, отражая назойливые утренние лучи. Яна проснулась совсем недавно, сегодня она позволила себе проваляться в постели дольше обычного, так как никаких важных дел сегодня у нее не предвиделось и можно было, наконец-то, как следует расслабиться.

Женщина поднесла к губам миниатюрную перламутровую чашечку, предвкушая, каким необыкновенным вкусом ей вскоре предстоит насладиться. Вдруг, совершенно неожиданно, во дворе раздался оглушительный собачий лай, разрывающий утреннюю тишину. Яна вздрогнула и нечаянно пролила на ставший любимым розовенький махровый халатик густо-коричневую массу.

— Джемма! — взволнованно закричала Милославская, выглядывая в маленькую оконную форточку. — А ну-ка, перестань! Что случилось?

Однако собака не торопилась униматься, так как чувствовала, что пожаловали чужие, к которым она относилась весьма скептически. Джемма была чистопородной полуторогодовалой среднеазиатской овчаркой, некогда привезенной для Яны из Туркмении. Хозяйка и питомица души друг в друге не чаяли, и последняя выражала свою любовь постоянной готовностью защиты Милославской от недоброжелателей. Джемма, будучи очень крупной, вполне могла справиться со взрослым человеком, что неоднократно уже происходило.

В конце концов раздосадованной хозяйке пришлось выйти во двор и, придерживая овчарку за ошейник, направиться в калитке, щеколдой которой кто-то начал настойчиво настучивать. Как оказалось, собака нервничала не зря.

Яна Борисовна жила в частном секторе района, называемого Агафоновкой. Сюда она перебралась не так давно, приобретя дом у двух старушек. Этот жизненный шаг был продиктован трагической гибелью ее мужа и сына. Несколько лет назад Милославские, ничего не подозревая,

спешили по неширокой загородной трассе на своей «шестерке», как вдруг, не по их вине, произошло столкновение с огромным КамАЗом, для которого «Жигули» — всего лишь букашка. Яна осталась жива, но она вряд ли была рада этому. Остаться одинокой, потеряв самых близких людей на свете — самое огромное несчастье на свете. Хотя с того дня минуло уже несколько лет, и женщина успела свыкнуться с новой жизнью, трагедия продолжала преследовать ее не только в реальных воспоминаниях, но и зачастую в сновидениях, особенно в полнолуние. Милославская сменила место жительства, пытаясь начать жизнь с чистого лица, и вот оказалась здесь, в Агафоновке.

— Кто там? — по привычке спросила Яна, отодвигая железный засов.

— Здесь проживает экстрасенс Яна Борисовна Милославская? — послышался надрывный женский голос, в котором чувствовалось чрезвычайное беспокойство. — Мы хотели бы воспользоваться вашими услугами. Пожалуйста, нам очень нужна помощь, — едва не плача, завершила незнакомка.

Яна с первых же ее слов поняла, что это очередная клиентка. Запланированный отдых, кажется, отменялся. Это, конечно, являло собой мало приятного, однако, Милославская недавно совершила небольшой шопинг, в результате чего «села на мель». А, как говорится, кушать хочется всегда, поэтому пришлось впустить клиентку и по меньшей мере выслушать ее.

— Добрый день, — учтиво произнесла Яна, непроизвольно окинув гостью оценивающим взглядом, — я Милославская. В чем дело?

— Нам нужно поговорить. Я могу пройти? Боюсь, разговор коротким не получится, — женщина умоляюще посмотрела на Яну.

— Да-да, конечно, — тяжело вздохнув ответила Милославская.

Джемма все это время любопытно поглядывала на визитершу, пытаясь понять, о чем же идет речь. Угадав доброжелательный настрой гостьи, она успокоилась и отошла в сторону.

Женщины молча прошли в дом.

— Да, извините, — взволнованно произнесла вдруг гостья, — я, кажется, забыла представиться. Меня зовут Наталья Евгеньевна Вершинина.

— Очень приятно, — Яна учтиво улыбнулась, — пройдемте в кабинет.

Наталья Евгеньевна послушно засеменила на хозяйкой. Войдя в кабинет, она присела на краешек дивана, обитого шикарным зеленым бархатом и стала оглядываться про сторонам. Даже в критический момент своей жизни женщина оставалась женщиной, поэтому ее не преставали

интересовать бытовые мелочи, любопытные для любой дамы. А в кабинете Милославской, действительно, было, чем полюбоваться. Сразу привлекал внимание изумрудный ковер с вышитыми катренами Нострадамуса, старинное кресло со спинкой из темной бронзы, оригинальная статуэтка египетской кошки и многие другие вещи, которые Наталья Евгеньевна просто не успела разглядеть, поскольку Яна обратилась к ней с вопросом:

— Может быть кофе? Я, честно говоря, еще не завтракала.

— Нет-нет, спасибо, — торопливо заговорила гостя, — извините, что помешала вам своим визитом. Завтракайте пожалуйста, я подожду.

— Хорошо, — кивнула Яна, — если вы не против, я принесу кофе сюда, вы будете говорить, а я — внимательно слушать. За кофе мне легче думается.

— Конечно-конечно. Как вам будет угодно.

Милославская отправилась на кухню, а Наталья Евгеньевна нервно теребила в руках носовой платочек и обдумывала в сотый раз, с чего начать разговор и чем его закончить. Она до смерти боялась, что Яна Борисовна ей откажет, так как все традиционные инстанции ею уже были пройдены, и Милославская являлась последней надеждой.

Для самой Яны подобные ситуации стали слишком знакомыми, можно сказать, банальными. К ней всегда приходили люди, потерявшие надежду найти помощь в лице милиции, обычных частных детективов и так далее. А она, экстрасенс, если соглашалась взяться за дело, то заканчивала его весьма успешно и, главное, быстро.

Методы, а вернее, метод, ведения дел, у Милославской был один — гадание на картах. Многие, услышав об этом, недоверчиво морщились, ассоциируя деятельность гадалки с проделками цыганок-мошенниц и полагая, что в ход пойдут такие понятия, как дальняя дорога, бубновый король, дама сердца и так далее. Однако, они и представить не могли, насколько были далеки от истины.

Карты Яны Борисовны представляли собой картонные прямоугольники, размером с обычные картонные игральные карты. Их Милославская изготовила сама, следуя таинственному внутреннему зову. Черной тушью она изобразила на картах магические символы, под каждым из которых скрывалось определенное содержание. Так на карте, называемой «Взгляд сквозь оболочку», был изображен человеческий глаз, отражающий в своем зрачке загадочный предмет. «Взгляд сквозь оболочку» помогал определить настроение человека и его стремления в данный момент или проявлял качества, близкие к названным.

С тех пор, как Яна обнаружила в себе таинственный дар гадания, оно

стало ее основным занятием, так как каждый сеанс отнимал много сил и энергии, а каждое расследование в целом — много времени. Поэтому совмещение работы экстрасенса с какой-либо другой деятельностью не представлялось возможным.

Дар же Милославской обнаружился не так давно, после ее клинической смерти. В этом состоянии она оказалась после той самой аварии, унесшей жизни ее мужа и сына. Наверное, дар был дан Яне свыше взамен огромной потери, и предназначением его являлось оказание помощи людям. Все свое время Милославская тратила на решение проблем других, это, наверное, и помогало ей, оставшись одинокой, держаться на плаву.

— Скучаете? — улыбнувшись, проговорила Яна, заходя в кабинет с чашечкой кофе.

Наталья Евгеньевна только улыбнулась в ответ, хотя глаза ее были полны неизъяснимой тоски и какой-то подавляющей горести.

— Вы курите? — обратилась Милославская к гостье.

— Нет.

Яна достала сигарету и, закурив, вновь заговорила с Натальей Евгеньевной:

— Я вас слушаю. С чем пожаловали?

— Не знаю, с чего и начать, — вздохнув, протянула Вершинина, хотя много раз прокручивала в голове возможные варианты предстоящего разговора. — В общем, у меня есть дочь, единственная дочь... — в глазах Натальи Евгеньевны показались слезы.

— Успокойтесь, — Милославская сделала глоток кофе, — я готова вас выслушать, не переживайте так, мы сумеем предотвратить несчастье, которое ей грозит.

— К несчастью, — Вершинина саркастически ухмыльнулась, — с этим мы уже опоздали.

Милославская несколько виновато кашлянула, поняв, что Наталья Евгеньевна сейчас — просто комок нервов, и говорить с ней надо как можно мягче. Уж Милославская-то непонаслышке знала, что значит боль, причиненная единственному ребенку.

— Понимаю, — тихо проговорила Яна, — чем же я могу вам помочь?

— Валерию нужно вернуть к нормальной жизни, помочь ей стать прежней!

— А... — осторожно начала Милославская, — что, собственно, произошло?

— Произошла трагедия, — дрожащим голосом ответила Вершинина, — преступление, страшное преступление, а совершивший его

остался безнаказанным! Моя дочь, чудом оставшаяся в живых, не может давать показания...

— Но почему? Боится?

— Нет... Она ничего не помнит.

— Ка-ак?

— Она пережила такой шок, что напрочь забыла все, что было связано с этой чудовищной трагедией. Как будто кто-то вычеркнул ее из памяти, оставив в душе кровоточащий след.

— Она что, и вас тоже не помнит? — ошарашенно протянула Милославская.

— Да нет же! Валерия не может рассказать ничего, что предшествовало убийству ее подруги. С чего все началось, как развивались события, кто вообще те изверги!

— Убийство? Нет, вы меня окончательно запутали, — Яна встала и стала прохаживаться по комнате, — давайте лучше рассказывайте все по порядку.

Вершинина на минуту закрыла лицо руками, наверное, пытаясь набраться сил внятно рассказать о том, что причиняло ей такую боль. Затем она глубоко вздохнула и, откинувшись на спинку дивана, поведала Милославской поистине шокирующую историю.

* * *

Дочь Натальи Евгеньевны, Валерия, на днях была обнаружена ремонтниками дороги достаточно далеко от города. Девушка брела навстречу мужчинам по обочине шоссе, страдальчески сложив на груди руки. Она приближалась молча, но ее заметили издалека, поскольку выглядела Валерия ужасающе: разорванная в клочья одежда, растрепанные волосы, отсутствие обуви, и, главное, — она была вся в земле, даже в волосах запутались влажные комья. Ремонтники разом оставили работу и стали смотреть на приближающуюся девушку.

Когда Валерия подошла ближе, ремонтники увидели ее лицо, исполненное ужаса. Из широко раскрытых глаз девушки смотрел страх, дикий страх. Наконец, один из мужчин, опомнившись, спросил:

— Что произошло? Что с вами?

— Перебрала малость! — воскликнул один из присутствующих и зашелся идиотским смехом.

Однако, неловкого шутника никто не поддержал, поскольку все

чувствовали и понимали — произошло что-то ужасное, непоправимое. Молоденький работяга сделал шаг навстречу Валерии, но она, наверное, испугавшись только что раздавшегося издевательского смеха, резко отпрянула назад, издав еле слышный стон.

Тут все всерьез насторожились, и кто-то даже присвистнул.

— Спокойно, — продолжал приближаться к Валерии парень, — я не причиню вам зла, я хочу помочь.

Девушка недоверчиво подняла на него глаза и стала указывать рукой куда-то в сторону лесной полосы.

— Там... — еле слышно шептала она измученным голосом. — Там.... Ирина... Идемте...

В этот момент все поняли, что шутки здесь, действительно, неуместны.

— Мужики, идемте, — хрипло проговорил самый старший и стал спускаться с обочины дороги вниз, туда, куда указывала девушка.

Несколько человек остались, а остальные поступили так же, как и старший. Спустилась с обочины и Валерия. Она молча повела мужчин за собой. То, что открылось их взорам через некоторое время, испугало даже видавших виды. На маленькой лужайке, окруженной со всех сторон деревьями, находилась свежая могила. Правда, то, что это была могила, присутствующие поняли несколько позже. Поначалу они восприняли представшее их взорам как обыкновенную свежеврытую яму, но, присмотревшись, обнаружили очертания тела, местами выглядывающего из-под земли. Ветер еще даже не успел подсушить землю, раскиданную рядом.

— Ирина... — указывая на могилу, с ужасом в голосе произнесла Валерия.

Мужчины, разом смекнув, в чем тут дело, сразу же стали предпринимать решительные действия. Двое из них кинулись назад, на дорогу, чтобы доехать до ближайшего населенного пункта и вызвать милицию. Вскоре один из них вернулся с лопатой и предложил раскопать могилу, надеясь увидеть живой и вторую жертву, которую Валерия называла Ириной. Мнения здесь разошлись. Кто-то кричал, что надо дожидаться милицию и оставить все, как есть, кто-то утверждал обратное.

— Что произошло? Кто это сделал? — стали они хором обращаться к Валерии, но она только с ужасом пожимала плечами и молчала.

Милославская до этого момента сосредоточенно слушала гостью, но теперь вынуждена была прервать ее, потому что походу разговора у нее возникали вопросы и их накопилось так много, что она боялась окончательно запутаться.

— Подождите-подождите, я не могу понять, что же все-таки произошло с вашей-то дочерью? — взволнованно заговорила Яна.

— Точно этого мы сами до сих пор не знаем, — вытирая слезы, произнесла Наталья Евгеньевна. Я же говорю, Валерочка ничего не помнит. Она пережила невероятный шок! Это просто чудовищно! У меня нет слов! Как установила приехавшая милиция, Валерия тоже была погребена.

— Заживо? — ахнула Милославская.

— Нет, преступники не собирались оставлять ее в живых. Но они просчитались. Выстрел, к счастью, закончился только ранением. Придя в себя, девочка под необъяснимым воздействием шока обнаружила нечеловеческие силы и выбралась из-под земли. Благо, яма не была глубокой. А вот Ирина... Увы, ее участь еще более печальна.

— Кто такая Ирина?

— Подруга Леры. Самая близкая. Нет, вы себе представляете? — вдруг громче и взволнованнее обычного заговорила Наталья Евгеньевна. — Представляете? Очнуться под землей, лежащей на окровавленном труп?

— Представляю, успокойтесь, — Милославская поднялась с кресла, достала из тумбочки упаковку валерианки и протянула ее Вершининой.

— Так вот, — продолжала Наталья Евгеньевна, проглотив разом три таблетки, — две беззащитные девушки каким-то образом оказались в лесу один на один с настоящим извергом или извергами. Закончилось все это, как вам уже известно, трагически. И в этом уравнении больше неизвестных, чем хотелось бы. Мы наслышаны о тех поистине чудодейственных результатах ваших гаданий, которые многим помогли. Надеемся, что поможете вы и нам.

— А милиция? Что, больше нет никаких шансов?

— Если бы Лера вспомнила все, то они бы, безусловно, были. А так... И зацепиться-то не за что. Может быть, вы посредством гаданий поможете девочке восстановить в сознании события и тогда легче будет вычислить преступника, который до сих пор разгуливает на свободе абсолютно безнаказанный.

— Знаете ли... — задумчиво протянула Яна. — Это несколько не мой стиль. Вы, наверное, имеете в виду те сеансы, когда под воздействием гипноза человек заново переживает те события, о которых забыл или которые требуется вспомнить более обстоятельно? Простите, но я этим не

занимаюсь.

— Нет-нет, — поспешила возразить Вершинина, — я совсем не то имела в виду. Мы уже прошли таких психологов или, как их там, психотерапевтов. Результата нет. Ничего не помогает! А вот на ваш метод есть надежда. По крайней мере, если сама Валерия все не сможет вспомнить, то ваши видения все равно помогут раскрыть преступление! Поверьте, мы не ждем от вас того, что вы сделать не в силах или что не в ваших принципах.

— М-да... — прикуривая, протянула Яна. — Как сейчас ваша девочка?

— Как вам сказать? Как может себя чувствовать человек после таких событий? Лучше, конечно, чем сначала, но, тем не менее, теперь это совершенно другой человек. Молчит все время, плачет. Ее как там нашли, в больницу сразу отправили. Травма — то была и психическая, и огнестрельное ранение. Лера поначалу и не говорила совсем. Психологи помогли немного.

— А вам не кажется, что для нее гораздо лучше не помнить всех деталей произошедшего? — глядя Вершининой прямо в глаза, выпалила Яна.

Наталья Евгеньевна не сразу нашлась, что ответить, но по-видимому, она все-таки уже думала об этом.

— Все детали, на самом деле, может быть, и ни к чему... Но мы должны знать, в чем вообще причина произошедшего! Ведь все под покровом тайны. А если случится еще что-то более страшное, пусть не с Лерой, а с другими? Преступник свободен, и он чрезвычайно опасен! Поэтому... я вас очень прошу...

— Я вам помогу! — перебила Милославская гостью. — Теперь давайте поговорим по существу, о фактах. Что вообще известно? Милиция, наверное, давно опросила соседей, друзей, близких, знакомых и так далее?

— Опросить-то опросила. Только вот толку от этого... Никто ничего существенного не сказал. Известно только, что девочки, Валерия и Ирина Черненко, в тот вечер отправились в библиотеку, взять материал для написания реферата.

— Стоп. Откуда это известно? — вновь прервала собеседницу Яна.

— От соседки, Надежды Петровны. Валерия ей заносила ключи от квартиры и сказала об этом. Надежда Петровна, знаете ли, пенсионерка, никуда не ходит, мы ей ключи оставляем. Кошечку там покормит, когда целый день нет никого, да и ключа у нас два, а в семье — трое. Дубликат никак не сделаем.

— Та-ак. А что за реферат? Что за библиотека?

— Валерия и Ирина — студентки университета. Недавно ими стали. Библиотека — Научка, так они ее называют. Но на самом деле, они или не дошли до библиотеки, или просто направлялись не туда. Милиция выяснила у библиотекарей, что девочки в этот день за книгами не обращались.

— А Надежда Петровна ничего необычного в поведении девушек не заметила?

— Да нет. Говорит, такие же, как всегда. Веселые были, разговорчивые.

— Угу, — произнесла Яна, делая про себя какие-то выводы, — ну, что ж, — заключила она через некоторое время, — сейчас нам лучше всего расстаться. Я должна все как следует обдумать и приниматься за работу.

— Так вы беретесь за работу? — неуверенно спросила Вершинина.

— Да, я же сказала.

— Сколько это нам будет стоить?

— Давайте поговорим об этом позже. Я еще плохо себе представляю, какую работу придется проделать. Дайте день-два... Но не переживайте, я не беру с людей больше, чем они в силах дать. Помните же и о том, что я тоже на что-то должна существовать.

— Да-да, конечно, — кивнула Вершинина.

Милославская проводила гостью до калитки, обещая связаться сразу же, как только у нее появятся какие-либо сведения. Яне, на самом деле, прежде, чем браться за гадание, нужно было остаться одной и как следует все обдумать. Тогда информация разместились бы по полочкам, сами собой сформулировались бы какие-то цели, которые пока еще отсутствовали.

На данный момент она представляла себе произошедшие с Валерией Вершининой события неким преступлением, ставшим в последнее время, к несчастью, банальным. Молоденькие девушки приглянулись парням или взрослым мужчинам, которые их либо уговорили идти с ними, либо силой заставили, закончилось знакомство, как известно, весьма печально. Конечно, чтобы утверждать справедливость или, наоборот, ошибочность этого предположения, предстояло проделать еще много работы, но прежде всего не помешало бы выяснить, что вообще из себя представляли Валерия и ее подруга. Спрашивать об этом у Натальи Евгеньевны было бы глупо, поскольку трудно на земле найти такого родителя, который бы мог дать своему ребенку объективную оценку, тем более после такой трагедии, какая произошла с Лерой. «Хорошая, воспитанная, порядочная, добрая,» — вот набор тех качеств, о которых вероятно пришлось бы в таком случае услышать. Поэтому Яна стала раздумывать о возможном источнике

информации.

По словам Натальи Евгеньевны, Валерия — студентка университета. Из этого можно сделать вывод, что основной круг знакомств, основное времяпрепровождение девушки было связано именно с этим учреждением. Но Яне также было известно, что студенткой Вершинина стала недавно. Поэтому вряд ли среди однокурсников можно было бы найти человека, способного дать Валерии исчерпывающую характеристику. А характеристика Милославской требовалась именно исчерпывающая, имеющая под собой неоспоримые доказательства, факты, проверенные временем. Вследствие этого вариант посещения ВУЗа отпал, по крайней мере, пока.

Милославской вскоре пришла мысль, что неплохо было бы посетить школу, в которой учились некогда девушки. Студентками они стали совсем недавно, скорее всего, обучались на первом или, максимум, на втором курсе, поэтому в школе их должны помнить еще достаточно хорошо и знать гораздо больше, чем в институте.

Ведь сколько событий происходит в жизни человека за десять лет, сколько трагедий, радостных потрясений он успевае пережить, в скольких затруднительных ситуациях оказывается, сколько конфликтов разрешает! Десять лет — немаленький период человеческой жизни, так как не всякий доживает и до семидесяти лет. Важно здесь и то, что именно в школьном возрасте происходит формирование характера человека, и это позволяет увидеть те его стороны, которые в будущем, возможно, спрячутся где-нибудь в глубинах души. А главное — трудно скрыть что-либо в своем характере, от людей, знающих педагогику и психологию по роду своей профессии.

Перебрав все плюсы и минусы возможных предстоящих шагов, Яна остановилась на последнем и решила, не откладывая визит на потом, сразу же посетить школу, где некогда Валерия была ученицей. В разговоре Наталья Евгеньевна как-то вскользь обмолвилась о местонахождении школы, поэтому гадалке не пришлось ничего выяснять по этому поводу. Данный район она знала достаточно хорошо, и четко себе представляла, куда ей предстоит направиться.

Разговор с матерью пострадавшей оставил в душе Милославской какой-то тяжелый, необыкновенно неприятный след, поэтому прежде, чем приступить к работе, она приняла душ, прохладный, освежающий, бодрящий и сразу почувствовала прилив новых сил, энергии, утраченной и будто бы поглощенной несказанным злом при разговоре. Правда, кроме прилива сил, гадалка почувствовала и голод, но решила по пути заскочить в

какое-нибудь кафе-бистро и наскоро перехватить что-нибудь. Вообще Яна не была любительницей приготовления пищи, особенно блюд, требующих особых усилий и времени. Гораздо меньше отрицательных эмоций вызывали у нее полуфабрикаты и рецепты, работа по которым занимала не более пятнадцати-двадцати минут.

Возможно, все это объяснялось недостатком времени и бессмысленностью корпения над приготовлением чего-нибудь супернеобычного. Ведь Милославская жила одна, и удивлять ей было некого. Сама она при желании могла посетить какое-нибудь недорогое кафе или ресторанчик и там вдоволь насладиться тем яством, до приготовления которого у нее не доходили руки.

Яна открыла шифоньер и, не долго думая, достала оттуда удобные джинсы-стреч и не менее удобный легкий вязаный пуловер. Не сказать, чтобы Милославская была поклонницей спортивного стиля в одежде, но сегодня этого требовало настроение, к тому же она предполагала, каким непредсказуемо трудным может оказаться день. Ведь не раз случалось такое, когда осуществляя при расследовании самые безобидные действия, Милославская попадала в передряги, достойные внимания режиссера боевиков-триллеров.

— М-м-м-э-у, — хрипло позевнула Джемма, поглядывая из угла комнаты на торопливые сборы хозяйки.

— Спать хочется? — Яна присела возле любимицы и ласково потрепала ее по шерсти. — Ничего, отоспишься, пока меня не будет. Я ухожу. Во сколько вернусь, не могу сказать.

Джемма сразу встала и любопытно посмотрела на гадалку.

— Нет-нет, — отреагировала Милославская строгим голосом, — возражений не принимаю. Иду в общественное место, там с собаками, к сожалению, не принимают.

Джемма смотрела так жалостливо, что Яна смягчилась и решила потратить еще несколько минут на выгул собаки. Овчарка радостно кинулась на улицу, как только хозяйка приоткрыла калитку. Джемма схватила зубами первую же попавшуюся палку и принесла ее хозяйке, умоляющим взглядом прося поиграть с нею. Гадалка всякий раз старалась закидывать корягу как можно дальше, чтобы Джемма успела хоть в какой-то мере реализовать накопившуюся потребность в беге и активных действиях. Происходящее умиляло Яну, и, как и всегда, поднимало настроение. Джемма была для нее единственным близким существом, готовым к тому же приложить все усилия для поднятия настроения хозяйки.

— Притормозите здесь, наверное, — задумчиво протянула Милославская, пристально присматриваясь к улице через окно машины.

— Так наверное или притормозить? — добродушно шутя, ответил пожилой, но молодцеватый водитель такси.

— Да-да, остановите, — подтвердила Яна, — убедившись, что прибыла на нужное место.

— Вам куда нужно-то? — поворачивая к обочине, спросил таксист.

— Мне в сто пятую школу.

— Небось сорванец ваш натворил чего, вызывают теперь, нотацию о тактике воспитания прочесть хотят? — хитро прищурясь, продолжал мужчина.

— Д-да... — упоминание о мальчишке-сорванце задело Милославскую за живое и она, чтобы побыстрее отвязаться от излишне общительного водителя, утвердительно кивнула головой.

Однако это его только раззадорило.

— Нечего вам поэтому поводу переживать! Хотите я пойду? А что? Скажу — де-едушка!

Яна не стала ничего отвечать, и вышла из машины, положив на сиденье почти новенькую сторублевку. Она пошла вперед не оглядываясь, слыша за собой благодарственные причитания пожилого таксиста:

— Сдачи не надо, да? Ну что ж, благодарствую, благодарствую. Поеду-ка восвояси, пока вы не опомнились.

На самом деле, дорога от Агафоновки до центра на такси стоила недешево, но сто рублей за эту услугу было, действительно, многовато.

Недавно выкрашенные лестницы, голубенькие стены, то там, то здесь увешанные разнообразными стендами — все это Милославской напомнило ее собственное детство-отрочество. В сознании гадалки сразу всплыл образ худенькой девочками с двумя торчащими в разные стороны, черными, как смоль, косичками, и ей почему-то взгрустнулось. Назойливо стали лезть мысли о быстротечности жизни, о ее бессмысленности, и Яна, стараясь как можно дальше уйти от них, заспешила вперед, где на одной из дверей висела табличка с надписью «Учительская».

Стукнув несколько раз по деревянной круглой ручке, Милославская приоткрыла дверь и заглянула внутрь. За одним из обшарпанных полированных письменных столов сидела седоволосая, постриженная под «каре» женщина в спортивном костюме, очевидно, учитель физкультуры.

Тут вдруг Яна подумала о том, что в школе, вообще, на удивление тихо и пусто.

— Здравствуйте, — обратилась Милославская к незнакомке, — у вас сегодня случайно не выходной? Что-то пусто везде.

— Субботник, — устало вздохнула учительница, поправляя прядь волос, упавших на глаза, — вернее понедельник, или... не знаю, как его лучше и обозвать, сегодня ведь понедельник...

Яна все так же стояла в дверях, не зная, как продолжить разговор, но женщина, помолчав с минуту, сама обратилась к ней:

— А вы что, собственно, хотели?

— Мне бы характеристику получить, двух ваших недавних выпускниц.

— Кого? — с живым участием поинтересовалась учительница.

— Валерии Вершининой и Ирины Черненко.

— Вы из милиции? — переменившись в лице, продолжала задавать вопросы незнакомка. — Я Надежда Анатольевна Бедная, учитель физкультуры этой школы.

Милославская хотела было объяснить, кто она есть и какие цели преследует, но Надежда Анатольевна опередила ее.

— Мы все просто ошеломлены этой трагедией! Ужас какой-то! Скоро станет и на улицу страшно выйти! У Ирины вся жизнь еще была впереди, и пожить-то совсем не успела...

— Вы их классный руководитель? — спросила Милославская, обрадовавшись, что сразу нашла на нужного человека.

— Нет-нет. Вам нужна Катрич Надежда Федоровна, учитель английского языка. Но она сейчас с классом, на уборке территории, в сквере.

— Далеко?

— Да нет. Но вам, наверное, лучше подождать. Все-таки там не самое удобное место для таких разговоров. Надежда Федоровна скоро должна подойти.

— Хм-м-м... — задумчиво протянула Яна.

— А у нас и самовар как раз скипел! — резко поднявшись, воскликнула Бедная и прошла к столу, на котором, на самом деле во всю бурлил старенький небольшой самоварчик.

На Яну он почему-то произвел какое-то умиление, напомнив собой старые добрые времена, семейные чаепития вокруг пыхтящего огромного самовара.

— Я и сама только что с уборки вернулась, — суется вокруг самовара, объяснялась Надежда Анатольевна, — теперь можно и чайком

побаловаться. Угощайтесь.

Учительница пододвинула Яне небольшую фарфоровую чашечку, из которой шел головокружительный аромат.

— Уф-ф-ф, — глубоко, с наслаждением вздохнула Милославская, — у вас великолепный чай! Как называется?

— Коллеги назвали его «Принцесса Надя». Знаете такие марки «Принцесса Нури» и так далее?

— Да... Слышала что-то наподобие, — сделав глоток, отвечала Яна.

— Так вот. Я люблю чай собственного приготовления, из целебных трав. Учителя знают это мое хобби и ценят его. Недавно я праздновала день рождения, и в числе других подарков мне приподнесли огромную коробку с разными лекарственными растениями, назвав все это в целом чаем «Принцесса Надя», потому что меня зовут Надежда.

— Оригинально! — одобрительно кивнув головой, произнесла Милославская.

— Учителя принесли, кто что мог, — с увлечением продолжала Надежда Анатольевна, — кто боярышник, кто шиповник, кто ромашку, кто тысячелистник... И вот теперь я их этими отварами потчую. Ведь правда вкусно?

— Безусловно!

— А как полезно!

В этот момент дверь учительской распахнулась и с громким вздохом облегчения в помещение вошла женщина, увидев которую, Бедная воскликнула:

— А вот и она. Надежда Федоровна Катрич.

— Кто? Что? — непонимающе захлопала глазами женщина.

— Надежда Федоровна, к вам из милиции, — кивнув на Яну, пояснила Бедная.

— По какому вопросу? — сразу как-то собравшись, парировала Надежда Федоровна.

— Вообще-то я веду частное расследование, — сразу поправила учителя физкультуры гадалка, — и мне хотелось бы получить характеристики Вершининой Валерии и ее подруги, Ирины Черненко.

— Какое частное расследование? — почти в один голос спросили женщины.

— Я веду это дело по просьбе матери Валерии, Натальи Евгеньевны, которую работа уголовного розыска пока не удовлетворяет.

— Хм... — протянула Катрич и стала прохаживаться из одного угла учительской в другой. — Интере-есно...

— Валерии требуется помощь, — видя сомнения преподавателей, — пояснила Милославская.

— Нет-нет, я, в общем-то ничего не имею против ответов на ваши вопросы. Просто и директора сейчас нет, печать у него в сейфе.

— Какая печать? — не поняла гадалка.

— Ну, на характеристике по всем правилам должна стоять печать и штамп, — Надежда Федоровна развела руками.

— Да мне и бумага-то не нужна, — рассмеялась Милославская, — сгодится и характеристика в устной форме. Я веду частное расследование и отчитываться, слава богу, не перед кем не должна. Память меня пока еще не подводила. Так что...

— Да? Ну хорошо, тогда можно приступать к беседе, — Катрич присела рядом с Яной.

— Подождите, подождите, — прервала собеседниц Надежда Анатольевна, — Надежда, ты еще чай не пила. Думаю, беседа всегда лучше удаётся во время чаепития.

Бедная вновь наклонилась к самовару и стала наливать чай коллеге.

— Давайте и вам кипяточку подолью, — обратилась она к Милославской, — а то у вас остыло совсем.

— Не откажусь, — гадалка пожала плечами, — ваш напиток поистине великолепен. Да, я, кстати, еще и не представилась.

Учителя переглянулись.

— Яна Борисовна Милославкая, экстрасенс, — продолжала гадалка.

— Да-а... — недоверчиво покачала головой Катрич. — Интересная у вас профессия, очень современная... Подождите минутку, я скоро вернусь.

Сказав это, Надежда Федоровна скрылась за дверью учительской, оставив гостью наедине с преподавателем физкультуры. Буквально через минуту затренькал телефон, что свидетельствовало о наличии параллельного аппарата, по которому кто-то сейчас упорно названивал. Милославская улыбнулась, так как она сразу же угадала намерение Катрич подтвердить личность гадалки или, по крайней мере, выяснить у Натальи Евгеньевны Вершининой, не нанимала ли та для расследования преступления гадалку.

Вскоре Надежда Федоровна вернулась с выражением облегчения на лице, и Яне сразу стало понятно, что в своих подозрениях она оказалась права.

— Ну что ж, приступим, — доброжелательно произнесла она, беря в руку чашечку с чаем.

Далее Яна получила весьма обстоятельную характеристику девушек.

Ей даже не пришлось задавать вопросов, поскольку информация о бывших ученицах Катрич и без того была исчерпывающей. Как и было положено, Надежда Федоровна начала рассказ со сроков обучения подруг в данной школе, с того, на какие оценки они успевали и с прочих мелочей, не имеющих для гадалки абсолютно никакого значения. Тем не менее, не желая показаться невежливой, Милославская слушала рассказ, к тому же в практике Яны бывали случаи, когда самая, на первый взгляд, незначительная деталь оказывалась важной зацепкой.

Надежда Федоровна самозабвенно рассказывала о достоинствах ее бывших учениц. В характере Валерии она особо выделила такое качество, как коммуникабельность. Девушка на удивление легко вступала в общение, располагала людей к себе. Когда в классе появлялись новенькие, именно Вершининой удавалось самой первой сдружиться с ними. Планируя школьные или классные внеурочные мероприятия, при выборе кандидатуры ведущей, останавливались на Валерии, поскольку речь ее была развитой, и она легко находила, что сказать в любой непредвиденной ситуации, легко и удачно импровизировала, если вдруг забывала слова, предписанные по сценарию.

Катрич также указала на высокую степень ответственности Валерии и Ирины. Она, как классный руководитель, всегда могла положиться на них, поскольку к поручениям подруги относились очень серьезно. Будь то дежурство по классу или оформление очередной стенгазеты — ко всему девушки относились с ответственностью и никогда не подводили ни учителей, ни одноклассников.

Не менее подробно Надежда Федоровна остановилась на доказательстве того, что ее выпускницы были очень порядочными. Учитель привела чуть ли не десяток примеров, после которых любой мог стать на все сто уверенным в сказанном, поскольку примеры эти были на самом деле убедительными.

В этот момент в учительскую вошла преподавательница русского языка и литературы, которая став невольной свидетельницей разговора, скоро присоединилась к нему и стала с упоением говорить, какими начитанными и умными были Валерия и Ирина.

Яна слушала все это и вспоминала фразу из известного кинофильма, ставшую крылатой: «Спортсменка, комсомолка и просто красавица!» Тем не менее, постепенно классный руководитель перешла к характеристике взаимоотношений пострадавших со сверстниками. Как оказалось, с представительницами женского пола у подруг были хорошие дружеские отношения. А вот к одноклассникам-парням они относились весьма

пренебрежительно, предпочитая им более старших. И непросто старших, а тех, кто уже имел достаточный авторитет, вес в обществе, был обеспеченным, можно даже сказать, входил в категорию пресловутых новых русских.

Особенно тянуло к таким мужчинам Валерию. Она считала, что только они являются возможными кандидатами на роль ее женихов или даже просто любовников, друзей. Только в людях такого типа она видела качества, которыми, по ее мнению должен обладать настоящий мужчина. На школьных вечерах она скучала, ожидая, когда явится кто-нибудь, способный заинтересовать ее. Первое, что привлекало Валерию в мужчинах, было наличие автомобиля, причем новенького, а не прошедшего огни и воды.

Сказанное как-то насторожило Милославскую. Здесь в ее сознании стали рождаться какие-то идеи и предположения. Вершинина была найдена довольно далеко от города. Пешком добраться туда являлось делом весьма проблематичным, да и бессмысленным. Поэтому, вероятно, Валерия и Ирина имели общение с какими-нибудь крутыми парнями, которые катали их на завораживающем дух авто. Потом по неизвестной пока причине и неизвестными пока лицами произошло убийство. Многое между тем еще предстояло выяснить и доказать.

Милославская настолько глубоко ушла в свои размышления, что последних фраз и не услышала.

— Яна Борисовна! Яна Борисовна! — долетело до нее будто бы откуда-то издалека.

— А? Да... Я слушаю... — ответила она рассеянно учителям, которые в два голоса обращались к ней.

— Что же вы чай совсем не пьете? — спросила Надежда Анатольевна. — Не понравился?

— Нет-нет, что вы?! Напротив, я от него в восторге! — стала оправдываться гадалка. — Просто заслушалась, задумалась...

Сказав это, Яна почти залпом допила остывший чай и поспешила попрощаться, дабы поскорее приступить к дальнейшим пунктам расследования. Поблагодарив учителя физкультуры за оригинальный чай, а классного руководителя за исчерпывающую характеристику, она медленно побрела по просторным коридорам школы, погруженная в глубокие раздумья. Несколько позади школы находился тот самый сквер, в котором, по-видимому только что и проходила уборка. Все уже разбрелись по домам, сквер опустел, и только тлели кое-где угольки в кучках сожженного мусора и листья. Непроизвольно Милославская направилась в сторону сквера и,

очутившись в нем, присела на одну из недавно выкрашенных лавочек.

Она наслаждалась терпким запахом костерков и думала о том, как прекрасна все-таки жизнь, и как рано она закончилась для юной Ирины Черненко. Где-то недалеко звучала веселая зажигательная музыка. Посмотрев направо, Милославская увидела ярко расписанную вывеску кафе, на которой жирными расплывчатыми буквами было написано «Юбилей». Яна вспомнила, что кроме утреннего кофе и недавнего чая, она ничего еще не ела, хотя время приближалось к обеду. Потянувшись, она поднялась со скамейки и быстрым шагом направилась в сторону кафе.

В меню, предоставленном гадалке официантом, оказались и весьма экзотические блюда. Рисковать Яна не любила, поэтому решила заказать то, что уже некогда пробовала.

— Спаржу с филе форели, — холодно произнесла она, не глядя на официанта, старательно высматривающего клиентов, способных дать хорошие чаевые.

— Пить что будете? — с деланной любезностью спросил тот.

— Пожалуй... стакан белого вина. Только хорошего.

— Минутку, — отчеканил официант и удалился.

Через десять минут перед Милославской стояла тарелка, устланная листьями салата, на которых красиво лежали редис, спаржа и кусочки форели, обжаренные, судя по отменному запаху, в топленом масле. Все это было полито совершенно невероятным соусом из майонеза и горчицы, смешанных с мелко нашинкованным луком, яйцом, огурцами и кресс-салатом. Слегка охлажденное вино оказалось на самом деле вкусным и, сделав пару лотков, Яна приступила к обеду.

Приятное чувство сытости заставило расслабиться и даже вызвало чувство дремы. Поразмышляв немного, Милославская приняла решение отправиться домой, передохнуть и во второй половине дня вновь приступить к работе.

* * *

— Ав! Уав! — Яна, открывая калитку, услышала раздраженный лай Джеммы.

На нее лаять собака просто не могла, и это гадалку насторожило. Войдя в дом, она увидела, как овчарка, встав передними лапами на край тумбочки, на которой на данный момент находился телефон, настойчиво пыталась заглушить своим лаем его повторяющиеся звонки. По-видимому,

кто-то уже давно пытался дозвониться до гадалки, и Джемме это порядочно надоело, поэтому она и решила принять посильные меры, оказавшиеся, увы, тщетными.

— Джемма-а! — умиленная увиденным, ласково произнесла Яна и сняла трубку. — Да. Слушаю, — спокойно проговорила она.

— Черт бы тебя побрал, Яна Борисовна! Проще дозвониться до вождя африканского племени тумба-юмба, чем до тебя! Где тебя носит? — раздался в голосе нарочито сердитый голос давнего друга Милославской, Семена Семеновича Руденко.

Руденко работал в милиции. Был он уже мужчиной зрелого возраста, однако только недавно стал капитаном, до этого долгие годы нося звание старшего лейтенанта. Дело не в том, что Семен Семеныч относился к работе спустя рукава. Нет, напротив, он был весьма и весьма добросовестным. Просто есть такая категория людей, которые в силу своего характера, и, возможно, недостаточной смысленности, а, может быть, и просто по невезению, до самой пенсии сидят-посиживают на одной и той же ступени служебной лестницы. Получив новое, более высокое звание, Руденко стал очень им гордиться, внушая себе, что только благодаря собственному старанию он стал теперь капитаном. В этом была значительная доля правды. Однако, в глубине души Семен Семеныч понимал — если бы не Яна Борисовна, ходить бы ему до неизвестной поры в старлеях.

Милославская, на самом деле, сыграла немаловажную роль в карьерном росте приятеля. Она не стремилась к этому, все вышло само собой. Расследуя дела, вверенные ей клиентами, Яна часто прибегала к помощи Руденко, поскольку услуги, оказание которых было по силам только сотрудникам органов, гадалке требовались довольно часто. Это могли быть банальные отпечатки пальцев, фоторобот, какая-нибудь экспертиза, — в общем все, чем старший лейтенант милиции имел право пользоваться в своей работе. Так женщина самой необыкновенной профессии, экстрасенс, гадалка и обыкновенный российский мент начинали тесное сотрудничество, оказывающееся выгодным не только Милославской, но и Семену Семенычу.

При всем этом, в общении с Яной он никогда не преследовал корыстных целей. Напротив, почти всегда относился к ее призывам до самого последнего, решающего момента очень скептически, не веря, что гадание, на самом деле, может помочь расследованию. Руденко много раз убеждался в действенности и результативности Яниных методов ведения дел, но тем не менее, каждый раз брался за дело без удовольствия, бурча

себе поднос нелицеприятные слова в адрес карт, используемых гадалкой.

Несмотря ни на что, между приятелями царили теплые дружеские отношения. Яна была одинока, а Руденко — женат, но это не мешало их общению, поскольку никакой любви, кроме дружеской, между этими мужчиной и женщиной не существовало.

— Семен Семеныч? Ты? — весело спросила Милославская, хотя сразу узнала голос приятеля.

— Я! Кому ж еще быть?! — сменив сердитость на дружелюбие ответил тот.

— В чем дело? Что-то случилось? — спросила Яна, обеспокоенная настойчивостью приятеля.

— У меня-то ничего. Я думал у тебя что-то случилось! Звоню-звоню, ты трубку снимешь и бросаешь, и все дела. Что еще за безобразие? Что происходит?

— Сема, да ты что? Я только зашла! — засмеявшись, протянула гадалка и, догадавшись, в чем дело, посмотрела на Джемму.

Вероятно, она, взбешенная повторяющимися звонками, решила утихомирить надоевший телефон и стала зубами или еще каким-нибудь доступным собаке способом снимать трубку аппарата. Не отходя от трубки, Милославская приласкала любимицу и продолжила беседу с приятелем:

— Как жизнь?

— Да вот хотел заскочить к тебе, пока часок-другой освободился, посидеть, все-таки давно не виделись.

— Да? Хорошо. Я не против! — обрадовалась Яна. — Заодно поделюсь соображениями.

— О чем? — заинтересовался Семен Семеныч.

— Да так... — многозначительно протянула гадалка. — У меня новое дело.

— Интере-есно! — ухмыльнулся Руденко. — Ну ладно! Скоро буду, тогда и поговорим. Портвейну захвачу? — несмело обратился к подруге Семен Семеныч.

— Ты же знаешь, я к твоему «Три Семерки» абсолютно холодна! — парировала гадалка. — Да и у тебя весь день еще впереди, работа. Ты же на машине?

— Работа... — разочарованно вздохнул Руденко, — черт бы ее побрал! Ну все, еду!

Семен Семеныч имел необыкновенное пристрастие к портвейну «Три Семерки» и употреблял его не только по праздникам, но и когда душа того требовала. Коллеги по работе знали о такой редкостной верности человека

одному и тому же напитку и даже наградили Семена Семеныча одноименной кличкой — Три Семерки. Поначалу будучи не очень довольным прилипшим прозвищем, Руденко постепенно привык к нему и даже невольно стал откликаться, когда кто-то позволял себе такого рода панибратское отношение к сослуживцу. Яна тоже иногда использовала эту кличку, и Руденко, к счастью, нисколько не обижался.

Милославская знала, сколько примерно времени занимает дорога от места работы Семена Семеныча до ее дома. В эти свободные двадцать-тридцать минут она решила переодеться, немного подправить макияж и сварить кофе, чтобы встретить приятеля свежим горячим напитком, который ему очень нравился. Да и редкий гость оставался равнодушным к Янину кофе, поскольку готовила она его просто отменно. Некоторые предполагали, что весь секрет заключается в серебряной джезве, которую Милославская не меняла и не собиралась менять на современные кофеварки, заполонившие прилавки магазинов. Ответ на этот вопрос гадалка и сама не знала, но, наверное, здесь играла роль и та частица души, которую женщина каждый раз вкладывала, готовя ароматный напиток.

Сменив джинсы и пуловер на домашний халат, в котором гадалка не считала зазорным появиться перед Руденко, она подошла к зеркалу и жесткой массажной щеткой стала расчесывать густые, блестящие черные волосы. Ими Яна была одарена от природы, поэтому она и знать не знала, что такое краска для волос. Клиенты, приходящие к Милославской, часто обращали внимание на ее волосы, видя в их угольной черноте признак чего-то необыкновенного, сверхестественного, магического.

Припудрив лицо и слегка подкрасив губы нежной персиковой помадой, гадалка отправилась на кухню и принялась за варку кофе. Не прошло и получаса с момента, когда позвонил Семен Семеныч, как он самолично пожаловал. Яна услышала звук изрядно тарахтящего мотора, выглянула в окно и увидела знакомые «поношенные» руденковские «Жигули». «Шестерка» капитана милиции, на самом деле, прошла огонь и воду, и медные трубы. Она доставляла своему владельцу великое множество хлопот, однако существования без нее Три Семерки все-таки не представлял, поскольку по долгу службы да и по семейной надобности ему постоянно требовалось доступное, находящееся под рукой средство передвижения.

— Хозяюшка-а, встречай, — выйдя из машины, Руденко заголосил, нарочито окая так, как это делают невольно жители Горьковской области.

Джемма пару раз недовольно тяфкнула и спокойно растянулась на коврике в углу кухни, так как чуяла хорошо знакомого гостя.

— Пара-ра-парам! — Семен Семеныч, разуваясь, напевал какую-то незатейливую мелодию. — Пара-ру-ра-ам...

— Что, Сема, жизнь весела стала что ли? — Милославская вышла в коридор и, посмеиваясь, глянула на друга.

— Не жалуемся, не жалуемся, — самодовольно проговорил тот, поглаживая рукой погоны.

— Ой-ой-ой! — иронично произнесла Яна. — Начальник никак похвалил?

— Похвалил, похвалил. Должна же быть когда-нибудь и у кота масленица!

— А по поводу жестокого убийства и последующего погребения молодой девушки ничего не сказал? — с ходу озадачила Руденко Яна.

— Это ты про что? — выпучив глаза, испуганно произнес Семен Семеныч.

Милославская начала было рассказывать историю, поведенную ей недавно Натальей Евгеньевной, но Три Семерки довольно скоро перебил ее.

— А-а-а! Так бы и сказала! А я-то думаю!

— А я как сказала? Разве не так? — удивилась Яна.

— Ну не понял я сразу, не-по-нял! — по слогам продекламировал Руденко.

— Слушай, а тебе это откуда известно? В прессе вроде не было ничего и на телевидении тоже...

— Я этим сейчас занимаюсь.

— То есть как?

— Так. Расследую это дело. Мать оставшейся в живых потерпевшей пожелала воспользоваться моими услугами.

— Вот те на! — громко захохотав, воскликнул Семен Семеныч. — Ничего себе совпадение!

— В чем дело? — ничего не понимающая Яна беспомощно развела руками.

— Я тоже расследую это дело, — четко проговаривая каждое слово, заявил Три Семерки, — не теми способами, которые используешь ты, конечно, но, тем не менее, мне поручено принимать в этом деле самое деятельное участие.

— А что ж ты тогда сразу ничего не мог понять? — удивилась Милославская.

— Да знаешь, я это все, честно говоря, как-то не очень держу в голове, — пренебрежительно поморщившись, произнес Руденко. —

вообще, у нас и так куча серьезных дел, а тут приходится заниматься всякими там изнасилованиями.

— Изнасилованиями? — от удивления Милославская раскрыла рот.

— Ну да. Это такие банальные истории, что невольно забываешь подробности каждой из них. Ужасно, конечно, но такое сейчас происходит везде и всюду.

— Подожди, подожди, — гадалка жестом руки остановила приятеля, давай по порядку.

— Зачем? Ведь ты занимаешься этим делом и, наверное, и так все знаешь?

— Д-да... Но... Но об изнасиловании я, честно говоря, услышала только от тебя. Мать потерпевшей не сказала об этом, а с самой Валерией я пока не виделась.

— Вот это да? Что ж она не рассказала?

— Не знаю. Возможно, не захотела вдаваться в подробности, потому что это вновь причиняет ей уже испытанную боль, — предположила Яна, — а может быть, она просто считает, что знать об этом — дело милиции, а экстрасенсу важны другие детали...

— Не знаю, не знаю, — Три Семерки с сомнением покачал головой.

Помолчав немного, Руденко поведал подруге ужасающую историю о том, что несчастным девушкам пришлось вынести. Над ними измывались, зверски издевались, и неудивительно, что пережитый Валерией шок привел к потере памяти. Наверное, это было защитой организма, который знал, что душа, сердце человека, в отличие от его тела не в силах вынести все это. Милославская, скрепя сердце, выслушала рассказ до конца.

— Чего же от тебя хочет Наталья Евгеньевна? — спросил Семен Семеныч, закончив.

— Помочь ее дочери вспомнить все. Ведь это значительно облегчит работу следствия?

— Да.

— И вообще, родители потерпевших не могут смириться с тем, что преступник до сих пор разгуливает где-то безнаказанно.

— Милиции они что же, не доверяют? — с чувством уязвленного самолюбия тихо произнес Руденко.

— Дело не в этом, — вздохнув, ответила Милославская, — одна голова, как говорится, хорошо, а две... сам знаешь... Да и с каждым днем надежды у них становится все меньше и меньше, а в моих методах они видят шансы на успех.

— Ну что ж, это их дело, — заключил Руденко.

— Ты что это приуныл? — глядя другу в глаза, спросила гадалка.

— Не приуныл я! — раздраженно ответил Три Семерки.

— Сем, а Сем, давай сотрудничать, а? — вкрадчиво протянула Яна. — Знаю наперед, мне твоя помощь понадобится...

— Понадобится, так помогу, — отрезал Три Семерки, все, хватит об этом, давай лучше о чем-нибудь более приятном.

— О приятном, так о приятном, — согласилась Милославская и пригласила друга пить кофе, который уже практически остыл.

С полчаса они говорили о том-о сем, об общих знакомых, минувших удачных делах и прочем. Яна не забыла поинтересоваться здоровьем жены Руденко, Маргариты Ивановны, и успехами его сына. О домочадцах Семен Семеныч говорил с удовольствием, он искренне любил их и был хорошим семьянином, хотя редкие вечера ему доводилось проводить в стенах своей квартиры. С женой Руденко повезло, поэтому ему не приходилось выслушивать упреки за это. Маргарита Ивановна для него была просто подарком судьбы. Профессия требовала от него огромных усилий, рабочий день был ненормированным, часто случались какие-нибудь неприятности, после которых Три Семерки долго ходил злой и раздраженный. Однако дома его всегда ждал теплый прием, ласковые слова, понимание и ужин, приготовленный с душой. В общем, жена Руденко была не только истинной хранительницей семейного очага, но и своеобразным антистрессовым средством.

Чему уж поистине завидовали сослуживцы и друзья Руденко, так это тому, что даже если он приходил домой, предварительно уговорив на работе бутылку любимого портвейна, Маргарита Ивановна хмурилась, бурчала, но через несколько минут от ее рассерженности не оставалось и следа.

Маргарита Ивановна с годами не утратила своей былой красоты, и даже появившиеся с годами морщинки не лишали ее облик неповторимого обаяния и привлекательности. Глядя на таких, как она, всегда думается, что некоторые люди с течением лет только хорошеют. Возможно, причина этого кроется в неутомимом оптимизме, жизнерадостности и редком человеческом радушии, которые, такие, как Маргарита Ивановна, не теряют даже в самые критические моменты жизни.

Поговорив о близких, Семен Семеныч вновь пришел в прежнее, веселое расположение духа и вновь стал смотреть на мир глазами оптимиста. Милославская решила воспользоваться этим, поэтому предложила:

— Ну что, теперь за работу?

— За какую работу? — удивился Три Семерки.

— Едем к Вершининой? Ведь я еще с ней не познакомилась.

— Не-ет. Уволь, — Руденко отрицательно покачал головой, — на данный момент у меня другие планы. Было свободных два часа, я тебя навестить решил, а далее все пойдет по заранее предначертанной схеме. Завтра... или даже послезавтра с утра я к твоим услугам, а сейчас — извини, занят.

— Нет, Сема, ждать я не могу, не имею права. Возьмусь за работу прямо сейчас. Приехала домой передохнуть, а тут ты позвонил. Поговорила вот с близким человеком и будто заново родилась. Чувствую вновь порыв к деятельности. Ну а ты... подвезешь хотя бы?

— О чем речь?! — Три Семерки загремел ключами, лежавшими на столе, и встал, чтобы направиться к выходу.

— Семен Семеныч, я скоро. Минут пятнадцать подождешь? Мне одеться надо.

— Давай по-шустрому, — буркнул Руденко и вышел из дома.

* * *

«Шестерка» Руденко спешила по одной из нешироких улиц, то и дело ловко обгоняя другие автомобили. Машина, конечно, была старой, зато Семен Семеныч показывал себя первоклассным водителем. К тому же, всю жизнь проработав в милиции, он отлично знал город, поэтому, не задумываясь, летел вперед от самой Агафоновки до центрального Октябрьского района, где по правилам полагалось снизить скорость.

Яна Борисовна здесь тоже стала смотреть в окно внимательнее, раздумывая, где ей лучше выйти, чтобы побыстрее добраться до указанного на смятом листочке адреса. Наталья Евгеньевна, уже выйдя за калитку, продиктовала его Яне, точно также, как номер своего рабочего и домашнего телефона. Улица, на которой проживали Вершинины, не была центральной, поэтому Милославская недостаточно хорошо себе представляла, где именно на ней находится дом под номером двадцать пять дробь один.

— Семен Семеныч, — вдруг обратилась она к Руденко, — останови.

Справа от дороги на одном из пятиэтажных домов виднелась вывеска — магазин «Смарагд». Объясняя местонахождение дома, Наталья Евгеньевна сказала, что ориентироваться надо именно на этот магазин.

— Прибыли? — спросил Руденко.

— При-ибыли, — протянула Яна, — ну, что, до встречи? Увидимся?

— Увидимся или созвонимся, — ответил Три Семерки, улыбаясь.

Милославская хлопнула дверью и отправилась в сторону «Смарагда». Она быстро, пока на светофоре горел зеленый, пересекла дорогу и вскоре очутилась перед магазином. Из любопытства разглядев сверкающие витрины, Яна стала медленно брести вдоль дома, пока не дошла до угла. Посмотрев вверх, она обнаружила на доме табличку с названием улицы, которая ей и была нужна.

Экстрасенс вновь зашагала вдоль здания, пока вновь не дошла до его угла. Дом здесь не заканчивался, а заворачивал. Гадалка предположила, что он построен в форме буквы «Г». Но вскоре выяснила, что ошибалась. Дом вновь заворачивал. Однако нигде не было видно арки, проникнув в которую, человек мог оказаться во дворе постройки.

Пройдя немного вперед, Милославская обнаружила железные ворота, выкрашенные светло-голубой краской. На них крупными черными буквами было написано: «Посторонним въезд и вход воспрещен». Ворота оказались распахнутыми, но за ними находилась небольшая, застекленная сверху будка, в которой сидел старик, зорко следящий за тем, что творилось на улице. Однако, отчаиваться было не в правилах Яны. Подняв голову, она увидела, что прямо навстречу ей спешит прохожий.

— Извините, — остановила его гадалка, — как мне найти дом под номером двадцать пять дробь один по улице Токмаковской?

— А это он и есть, — ответил прохожий, кашлянув.

— Да, но я видела табличку с названием этой улицы совершенно с другой стороны.

— Ну и что? Весь дом относится к этой улице! — прохожий удивленно пожал плечами и пошел дальше.

Яна хлопала глазами, обескураженная таким положением дел. Без подсказки знающего человека здесь вряд ли смог сориентироваться даже самый смысленный. Эта запутанность с адресом почему-то показалась гадалке символичной. «Наверное, — пронеслось у нее в голове, — и дело окажется таким же запутанным».

Теперь Яна понимала — нужный ей дом, наконец-то, найден. Однако, предупреждающая надпись на воротах не внушала никакого желанья входить во двор. На сегодняшний день в городе построили множество элитных домов, в которых имелись шикарные холлы, охраняемые, как и весь дом, несколькими вооруженными мужчинами. Гадалка предположила, что и эту старую пятиэтажку решили модернизировать подобным образом и отказалась от попытки пройти в ворота. Обойти же дом не представлялось возможным, поскольку с обеих сторон к нему были

пристроены другие. В одном месте оставался узенький прогал, протискиваться по которому было бы просто неприлично. «Вот накуралесили!» — сердито вспомнила гадалка перестаравшихся строителей.

Вдруг на углу противоположного дома Милославская заметила таксофон, и у нее возникла неплохая, в общем-то, спасительная мысль. Позвонив Вершининым, она получала шанс выяснить, как же в конце концов до них добраться. Поднимая трубку телефонного аппарата, Яна бормотала:

— Если начало дела такое, то каким же будет его продолжение?!

После пары длинных гудков, на том конце провода послышался незнакомый гадалке девический голос. Милославская предположила, что это и есть Валерия, но она не знала, с чего начать разговор с ней и как вообще представиться.

— Наталью Евгеньвну можно? — спросила она наконец.

— Ее нет, — ответила девушка меланхолично.

— А с кем я говорю? Это Валерия? — осторожно произнесла Милославская.

— Да. Кто это?

— Яна Борисовна Милославская. Сегодня ваша мама была у меня. Она вам обо мне говорила?

— Вы гадалка?

— Да.

— Да. Мама мне сказала о вас.

— Валерия, я бы хотела с вами поговорить, но не могу найти вход в дом.

— Где вы находитесь?

— Напротив каких-то голубых ворот.

— Вы в правильном месте. Зайдите в ворота. Дверь нашего подъезда, в отличии от других, без кодового замка.

— А как же вахтер? — поинтересовалась Милославская.

— Это формальность, — ответила Валерия и положила трубку.

Оглядевшись, Яна быстро перешла дорогу и направилась прямо к воротам. Сказанное Валерией позволило ей держаться уверенно, поэтому вахтер-старик лишь любопытно оглядел ее, не предъявляя никаких претензий.

Миновав определенное количество ступенек грязного зловонного подъезда, Милославская оказалась перед дверью с нужным номером. Она протянула руку к кнопке звонка и осторожно нажала ее пару раз. Раздался

переливчатый звук, напоминающий соловьиную трель. Вслед за этим дверь почти сразу же отворилась. Вероятно, Валерия сидела в ожидании гостя.

Перед экстрасенсом стояла высокая стройная девушка с очень бледным лицом. Казалось, она перенесла какую-нибудь тяжелую болезнь, оставившую после себя заметный след. Валерия стояла молча и поправляла пряди волос, упавшие на лицо. Она была крашеной блондинкой, обесцвеченной до такой степени, что волосы ее стали похожими на стекло.

В глазах Вершининой стояла какая-то неизъяснимая грусть, всеобъемлющая тоска, отчаяние, разочарование. Человеку неосведомленному, наверное, показалось бы странным такое выражение лица у юной, довольно привлекательной леди. Милославской же многое было ясно.

— Добрый день, я Яна Борисовна Милославская, — стараясь выглядеть как можно более добродушной, произнесла гадалка.

— Я Валерия. Заходите, — произнесла девушка.

Валерия молча последовала по длинному коридору в направлении одной из комнат. Не дожидаясь приглашения, Яна прошла за ней. Она так же по-хозяйски расположилась в кресле и достала из сумочки пачку сигарет. От Вершининой веяло таким холодом, ужасом, что все внутри у Милославской сжималось от боли и сочувствия, и, хотя это и нарушало правила этикета, она закурила.

— Вы позволите? — спросила гадалка, когда конец ее сигареты уже светился багряным огоньком.

— Да... Пожалуйста, — ответила Валерия, которой сейчас, казалось все было безразлично.

— Ну что ж тогда начнем? — произнесла гадалка нерешительно улыбнувшись.

— Начинайте, — несколько саркастически отозвалась Вершинина.

Она положила ногу на ногу, от чего запах ее длинного махрового халата немного приоткрылся, и в нем мелькнула нога, на которой зиял иссиня-черный огромный синяк. Милославская от ужаса, охватившего ее, поморщилась, и это не ускользнуло от взгляда Валерии, однако она промолчала и никак не отреагировала на мимику гадалки.

— Валерия... — после этого слова Яна немного замялась, но, помолчав, все-таки продолжила: — Я глубоко сочувствую трагедии, произошедшей с вами, и, поверьте, всем сердцем желаю помочь.

— Пожалуйста, — Вершинина сделала предупреждающий жест рукой, — давайте без лишних слов, я в них не нуждаюсь.

— Хорошо, — Милославская кивнула головой.

Говорить и даже находиться здесь ей было необыкновенно тяжело, как было бы тяжело любому человеку найтись в подобной ситуации.

— Я прошу вас быть искренней и говорить начистоту, — продолжала экстрасенс, — чтобы помочь вам, я должна быть в курсе всех, даже мельчайших деталей.

— Боже мой, — возопила Валерия, закрыв лицо руками, — я об этом уже столько говорила: не помню, я ничего не помню! Что вам всем от меня надо?! Как еще объяснять то, что вся эта ужасная история для меня начинается с того момента, как я выбралась из-под земли! Как я попала в то место, какие события предшествовали этому — не помню, хоть убейте, не помню.

Валерия зарыдала и откинулась на спинку кресла, по-прежнему закрывая лицо руками. Яна не знала, как себя вести, но девушка вдруг неожиданно успокоилась и, глядя гадалке прямо в глаза скороговоркой проговорила:

— Уходите. Пожалуйста, уходите! Я столько уже перенесла от этих тупых, как пробка ментов, от бездарных психотерапевтов, которые говорили со мной только из любопытства, как с под опытным кроликом! Я, в конце концов, просто хочу побыть одна!

Милославская резко затушила сигарету и поднялась, чтобы уйти. Слова Валерии ее нисколько не обижали, поскольку она слишком хорошо понимала положение несчастной девушки. Яна решила пока отказаться от разговора, отложив его на некоторое время.

— Не думайте, — вдруг переменяв тон, заговорила Вершинина, — не думайте, что это я лично против вас так агрессивно настроена. Нет. Просто я в отчаяньи! Мне страшно!

— Я понимаю. Я хорошо вас понимаю. Успокойтесь Валерия. Поговорим позже. Нам нужно побеседовать хотя бы о том, что вы помните: о вашем прошлом.

— Да, я знаю. Но сейчас уходите. Пожалуйста.

Яна сочувственно вздохнула и направилась к выходу. Вершинина ее не провожала, поэтому гадалке пришлось самой открывать дверь этой, чужой ей, квартиры.

Милославская вышла из подъезда с каким-то тяжелым, необъяснимым чувством. Она всегда глубоко переживала трагедии тех, кто обращался к ней с просьбой о расследовании, но в этот раз груз сочувствия огромным камнем лежал на ее сердце. Гадалка решила поехать домой и прибегнуть к единственно возможному сейчас и целесообразному методу ведения дела — гаданию.

Кофе оказался слишком горячим, и пройдя с остывающей чашечкой в комнату, Милославская взяла в руки пульт дистанционного управления телевизором и стала переключать кнопки разных каналов в поисках чего-нибудь веселенького. Ей хотелось отвлечься от грустных раздумий хотя бы во время наслаждения любимым напитком. Она надеялась остановить свой выбор на какой-нибудь развлекательной или, что было бы еще лучше, юмористической передаче. Однако, поиски не увенчались успехом, поскольку в это время дня подобных шоу не транслировалось.

Яна оставила телевизор включенным на том канале, где показывали мультфильмы, так как это было, на ее взгляд лучшим из всего имеющегося. Кто-то другой, возможно, обрадовался бы многочисленным сериалам-боевикам, идущим по разным каналам. Но гадалка их не просто не любила, она испытывала подлинное чувство отвращения при одном упоминании о нескончаемой серии убийств, расстрелов, взрывов и тому подобного.

Недолго пронаблюдав за проделками ловкого и находчивого диснеевского Вудди, Яна незаметно для самой себя вновь обратилась к размышлениям о деле Валерии Вершининой. На экране во всю хохотал победивший врагов мультгерой, а гадалка смотрела в телевизор, но ничего этого не видела и не слышала, не осознавала.

Кофе уже не обжигал губ, он возбуждал, волновал кровь, воображение и мышление. Карты лежали рядом, на журнальном столике. Милославская протянула руку и взяла колоду. Она машинально стала перетасовывать ее, думая, какой из карт лучше воспользоваться на этот раз.

Пока все было слишком неясно и непредсказуемо, и поэтому Яна остановила свой выбор на столь же непредсказуемой карте, информация от которой всегда была непонятной — «Джокере». Милославская еще называла эту карту «Сюрпризом», что говорило само за себя. «Джокер» всегда удивлял гадалку, он давал информацию, на первый взгляд, не поддающуюся расшифровке, но потом обязательно выяснялась решающая роль этого видения в разгадке преступления.

Яна бережно взяла «Сюрприз» и положила его отдельно от колоды, на журнальный столик. Затем она накрыла «Джокер» своей ладонью. Так гадалка делала всегда, независимо от того, с какой картой она работала. Постепенно в ладони должно было начинаться чувствоваться тепло, и если это происходило, то в ближайшее время оно переходило в какое-нибудь видение. Однако нередко случалось и так, что ладонь желанного тепла

почувствовать не могла, как бы экстрасенс этого не хотела. Тогда приходилось откладывать колоду в сторону до следующего, более благополучного случая.

Каждый сеанс гадания, даже неудавшийся, отнимал у Милославской море сил, поэтому она не могла использовать две карты подряд. Единственным исключением являлся «Джокер», и в этом был его несомненный плюс. Работая с «Джокером», гадалка всегда могла повторить неудавшуюся попытку, еще раз приложив руку к «Сюрпризу».

Поэтому действия гадалки на этот раз ни в чем не отличались от обычных. Чтобы лучше расслабиться, она прислонилась к спинке кресла, запрокинула на нее голову и закрыла глаза. Теперь нужно было приложить все усилия для того, чтобы сосредоточиться. А сосредоточиться следовало не только мысленно: для работы с картой требовалась прежде всего концентрация энергии и тех сил, которые были даны гадалке свыше.

Постепенно Милославская все глубже и глубже уходила в себя. Она даже перестала слышать телевизор, который забыла выключить. И вот, спустя пять, или немногим более, минут, в кончиках пальцев почувствовалось долгожданное покалывание, быстро перешедшее в ощущение тепла. Тепло шло по ладони нежной непрерывной волной, способствующей расслаблению и вместе с тем сосредоточению на этом тепле всего Яниного тела.

Вдруг искрящаяся мгла, стоящая в закрытых глазах, рассеялась, сменив собою картину, напоминающую реальность. Милославская сначала смутно увидела очертания непонятого предмета, но вскоре поняла, что этот предмет — телефон. Аппарат был серого цвета, глянцево-сверкающий, будто бы совершенно новый или натертый заботливой рукой до сияния. Гадалка ожидала развития действий: она предполагала, что сейчас кто-то начнет звонить по телефону, что удастся увидеть лицо какого-либо человека или по меньшей мере запомнить номер телефона адресата. Однако все ее предположения оказались ошибочными. Картина не двигалась с места, и в ее центре продолжал оставаться только телефон.

Экстрасенс стала внимательно присматриваться к каждой его детали, надеясь увидеть что-то особенное, наводящее на размышления. Но и эти попытки являлись тщетными. Так видение само собой стало угасать. Банальный и в то же время загадочный предмет обихода продолжал оставаться единственным, что «показал» гадалке «Джокер».

Яна уже чувствовала себя вернувшейся к реальности, но она по-прежнему не открывала глаз. «Что бы это могло значить?» — этот вопрос настойчиво терзал сознание Милославской. Однако, ответа на него не

находилось. Все возможные варианты разгадок видения, приходящие в голову, были настолько несостоятельными, что Яна брезгливо морщилась, подумав о них.

Гадалка испытывала гнетущее чувство неудовлетворения проделанной работой, поэтому успокоиться на этом не могла. Она поднялась с кресла и стала прохаживаться по комнате взад и вперед, размышляя вслух. Ей казалось, что так проще соблюдать логику в соображениях. Однако, каждая мысль заканчивалась фразой: «Какая чушь!» или чем-то вроде этого.

Яна подошла к окну, слегка отодвинула тюлевую занавеску, искусно расшитую белыми шелковыми узорами, и стала отрешенно смотреть вдаль, продолжая мысленно анализировать недавнее видение. Но и эта попытка не увенчалась успехом — никакой мысли, за которую можно было бы зацепиться, у нее не возникало.

Вдруг ее осенило — она использовала «Джокер», а это давало ей шанс на его повторное применение. На самом деле, отчаявшись найти ответ на главный в данный момент вопрос, Милославская и не осознала, что в ее организме еще достаточно сил, необходимых для работы с картами.

Резко отвернувшись от окна, экстрасенс направилась к креслу, на котором лежал «Джокер», взяла его и, полная надежд, плюхнулась на диван, стоящий рядом. На этой карте изображался полумесяц, выпускающий воздушную струйку на колокольчик, болтающийся на его собственном кончике.

Почувствовав, что это положение не слишком удобно, гадалка уже закрыв глаза, вытянула ноги, под голову сунула маленькую плюшевую думочку, руки положила вдоль туловища и приготовилась к таинственному сеансу. Ладонь ее накрывала карту, поэтому Яна целиком и полностью сосредоточилась на всем, что ей было известно о случившемся с Вершининой. Конкретного вопроса она не формулировала, так как видения от «Джокера» никогда не зависели от заданного ему вопроса. Гадалка просто спокойно перебирала в мыслях известные ей факты, одновременно думая о том, что все неизвестное обязательно нужно прояснить.

Поначалу Милославская ничего, предвещающего наступление видения, не чувствовала. Но, тем не менее, спустя некоторое время ладонь все-таки окутало приятное тепло. Рядом тикали часы, и в абсолютной тишине звуки, производимые ими, казались очень громкими. Шли минуты, однако, темнота в глазах не сменялась никаким видением. Яна попыталась отключиться от всех посторонних ощущений. Постепенно она перестала чувствовать даже собственное тело. Казалось, состояние, в котором она находится — невесомость. И вот в этой темноте, где-то далеко-далеко,

послышалось жужжание. Видения гадалки редко сопровождалась звуками, поэтому она насторожилась. Милославская предположить не могла, чего от него следует ожидать и что он вообще значит.

Между тем звук усиливался, и через пару минут экстрасенс поняла, что это далеко не жужжание. Теперь оно больше напоминало позвякивание, а вскоре стало совсем ясно — слышался телефонный звонок. Это немало удивило Яну. «Джокер» второй раз пытался подвести ее к какому-то одному выводу, а значит аппарат, представший перед ней в прошлом видении, не был случайным и бессмысленным. Телефон прозвонил несколько раз, достаточно громко и отрывисто, затем все потухло. Потухли необъяснимые ощущения, возникающие всегда во время гадания, и Милославская открыла глаза. Она чувствовала не только необыкновенную усталость во всем теле, но и какую-то опустошенность, принесенную видением.

Яна привстала. Голова слегка закружилась, но гадалка понимала, что сейчас не время для расслабления. Напротив, вопреки всему надо принять решение, касающееся дальнейших шагов расследования.

— Что же ты мне подсказываешь, «Джокер»? — проговорила экстрасенс. — К чему подталкиваешь?

Милославская посмотрела на свой телефонный аппарат и вновь, только уже более серьезно, стала размышлять над возможными вариантами развития событий. Возле телефона лежала домашняя потрепанная записная книжка. Яна вдруг встала и необыкновенно возбужденно воскликнула:

— Как же я об этом сразу не подумала! Хотя... Может быть, опять ошибаюсь? Тем не менее, я должна все проверить!

Гадалке просто-напросто пришла мысль о том, что, возможно, печальные события, произошедшие с Валерией и Ириной, повлек за собой какой-либо важный разговор, состоявшийся недавно по телефону между подругами и их неизвестным пока знакомым. Это могло также быть случайное телефонное знакомство и последовавшая за ним встреча, увенчавшаяся трагическим финалом. Подобных вариантов в сознании Яны было несколько. Она не стала раздумывать сейчас над тем, какой из них более правдоподобен, так как главным в ее недавно возникшем плане на данный момент являлась работа с записными книжками девушек. Милославская надеялась, пролистав их, найти какую-нибудь более или менее существенную зацепку.

Действия следовало начинать как можно скорее, поскольку результаты любого промедления могли оказаться плачевными. Яна вспомнила встречу с Валерией. Мысль о том, что сегодня ей придется еще раз пережить уже испытанное щемящее душу чувство, была более, чем неприятна. Однако,

сложилась ситуация, не терпящая возражений, поэтому выбирать не приходилось.

— Ну и дене-ок! — протянула гадалка, покачивая головой. — Сегодня я похожа на бумеранг, отправляющийся вперед и возвращающийся обратно!

В комнату вошла Джемма, которая все это время, наверное, дремала в одной из других комнат.

— Да, Джемма? — обратилась к любимице Яна. — Сколько я раз сегодня ездила в город?

Джемма непонимающе смотрела на Милославскую, пытаюсь догадаться, чего от нее хотят. Затем собака подошла вплотную к хозяйке и стала ласково тереться о ее ноги.

— И тобой-то некогда заняться, — по-детски выпятив губы, протянула гадалка, — идем погуляем?

Эта фраза, по-видимому, Джемме была понятна как никакая другая, потому что она стремглав бросилась к порогу и, толкнув передними лапами незапертую дверь, распахнула ее. Она стала, как оголтелая, носится из одного угла двора в другой, ненарадуясь предоставившейся свободе. Яна со счастливой улыбкой наблюдала за собакой, которой она сегодня, на самом деле, практически не уделяла внимания. Джемма между тем, немного опомнившись, подбежала к калитке и стала с тоской смотреть на нее, давая хойке понять, что нуждается в более просторной территории для выгула.

— А знаешь что? — произнесла гадалка, окликнув Джемму. — Наверное, я возьму тебя с собой в город!

Овчарка начала радостно поскуливать, энергично виляя хвостом и с благодарностью глядя на Милославскую.

— Только тебе сначала надо подкрепиться. Чаппи!

Последнее слово подействовало на Джемму, как магическое заклинание, и она пулей бросилась обратно в дом, откуда скоро принесла хрустящий пакет с собачьим кормом.

— Нет-нет! Идем к миске!

Собака подчинилась. Пока она ела, Милославская привела себя в порядок и была готова к очередному путешествию в Октябрьский район города. Конечно, она намеревалась взять с собой Джемму не только по причине необходимости как следует ее выгулять. Возвращение гадалки вполне могло быть поздним, а вследствие этого небезопасным. По вечерам улица, ведущая к дому Яны, пустовала, к тому же ни один фонарь ее не освещал. Так что сопровождение сильной, смелой и преданной собаки здесь не являлась лишним.

Как только Милославская открыла калитку, овчарка кинулась вперед. Яне же пришлось идти довольно медленно, поскольку пологая в начале улицы дорога неподалеку от дома гадалки начинала круто забирать вверх, и подниматься по ней было довольно тяжело, а спускаться неудобно. Мелкий щебень, попадавший кое-где, временами начинал осыпаться, выскальзывал из-под ног, и порой в этот момент удержаться на ногах оказывалось невозможным.

Яна переступала потихоньку с ноги на ногу и думала о том, к кому же ей сначала отправиться. Посещение только Вершининой было бы неоправданным, поскольку вполне могло оказаться, что важная информация находится в блокноте Ирины Черненко. И хотя вновь появиться на пороге Валерии представлялось Яне как нечто малоприятное, прийти к родителям погибшей девушки с расспросами значило бы проявить настоящее кощунство. Тщательно взвесив все «за» и «против», гадалка решила поехать к Вершининой, надеясь на этот раз застать дома Наталью Евгеньевну и воспользоваться ее помощью в сближении с семьей Черненко. В конце концов, последние просто могли не знать о Янином участии в расследовании и наотрез отказаться беседовать с ней.

Погруженная в раздумья, Яна и не заметила, как достигла более или менее оживленной дороги, на которой, хотя и не с первой попытки, но все же можно было поймать такси. Она стала голосовать, но водители, очевидно, ошеломленные видом огромной собаки, прибавив скорость, пролетали мимо. Тогда Милославская выпустила из рук поводок. Джемма сразу же кинулась в сторону, обрадованная вновь предоставившемуся шансу насладиться свободой. Гадалка махнула рукой перед новенькой сверкающей «девянсто девятой», и она сразу же остановилась.

— До Токмаковской довезете? — вежливо спросила Яна.

— А где это? — развязно произнес водитель.

— В Октябрьском, — Милославская отрешенно вздохнула.

— Семьдесят, — тоном, не терпящим возражений, ответил мужчина и равнодушно зевнул.

— Джемма! — громко позвала Милославская.

Собака сразу же отозвалась и в один момент запрыгнула в машину.

— Э-э-э-э! К-куда это? Убери свою вшивую псину!

Джемма весьма бурно отреагировала на эту фразу, разразившись оглушительным хриплым лаем.

— Да она чистая. И вообще спокойная, — виновато объяснялась Яна, но ее слов за лаем практически не было слышно.

Водитель же, перепуганный поведением собаки, нажал на газ, и

машина резко рванула с места.

— Понимает все, сволочь! — недовольно пробурчал он себе под нос.

На самом деле, конечно, Джемма просто-напросто уловила интонацию, которая по ее мнению могла таить в себе опасность для Милославской, и принялась активно предупреждать потенциального обидчика своей хозяйки. Яна же, видя, что мужчина смирился, дернула собаку за ошейник, заставляя ее успокоиться. Раздосадованный водитель гнал во всю мощь, но гадалке это было только на руку — нужного места она достигла очень быстро.

— Возьмите, — протянула она шоферу договоренную сумму.

— А за моральный ущерб? За пуделя твоего платить кто будет? — выпучив глаза, брызгая слюнями, ответил тот.

— Разве это положено? — как всегда сдержанно и вежливо произнесла Милославская.

— Па-а-ло-о-жено! — заорал доведенный до бешенства спокойствием женщины злополучный колымщик.

Джемма в этот момент уже успела обежать машину и, просунув морду в открытое водительское окно, рывкнула ошалевшему мужику прямо в ухо. Тот от неожиданности вытянулся в струну и вплотную прижался к сиденью.

— Джемма! — позвала Яна. — Ко мне!

Собака посмотрела на хозяйку и, видя ее широкую улыбку, которую та не могла сдержать, глядя на побелевшего мужчину, отошла от окна. Как только она это сделала, «девяносто девятая» со скрипом колес дернулась с места и полетела вперед с явным превышением положенной скорости. Тот, кто имел несчастье поравняться с удаляющейся машиной, слышал отборный мат, исходящий из уст водителя, наверное, до самого конца этого невеселого для него дня.

* * *

— Добрый вечер, Наталья Евгеньевна, можно? — учтиво произнесла Милославская, как только открылась дверь квартиры Вершининых, и перед ней предстала мать Валерии.

— Вы? — удивленно протянула та.

— Я. А что, не ждали?

— Да нет. Неожиданно как-то... Что же вы стоите, проходите, проходите скорее!

— Да я, знаете ли, не одна. Вот, это Джемма, — Яна указала рукой на высунувшую из-за двери голову собаку.

— Ничего страшного, — подумав, ответила Вершинина, хотя по ее виду нетрудно было догадаться, что присутствие овчарки доставляет ей мало удовольствия.

Милославская переступила порог, потянув за поводок Джемму.

— Сидеть! — приказала она ей и последовала за хозяйкой.

— Ну что, Яна Борисовна? — спросила Наталья Евгеньевна, поправляя заколотые шпильками густые светло-русые волосы. — Есть что-то новое?

— Как вам сказать... — задумчиво произнесла гадалка, усаживаясь по жестовому приглашению Вершининой в старинное плетеное кресло-качалку. — А что, ваша дочь ничего обо мне не сказала?

— Н-нет, а что? — удивленно произнесла Наталья Евгеньевна и вслед за этими словами перешла на шепот. — Она сегодня из комнаты своей даже не выходит. Закрылась и сидит. Я уж не беспокою, сами понимаете, какая у нее теперь депрессия. Я ей и яблочков, и апельсинчиков, и того, и другого, но ничто ее не радует, — в глазах женщины заблестели слезы.

— Я сегодня приходила, Наталья Евгеньевна, — начала Яна, чтобы побыстрее отвлечь Вершинину от этих мыслей.

— Да? У вас новости? — оживилась женщина.

— Нет. Просто хотела поговорить с Валерией, познакомиться, узнать, не вспомнила ли она чего.

— Яна Борисовна-а! Я же вам говорила: это уже несколько раз делали и милиционеры, и психотерапевт. Неужели и вы способны только на это? Скажите, неужели у нас нет надежды? — женщина не могла скрыть ноток раздражения в своем голосе.

— Надежды никогда нельзя терять. У меня есть факт, дающий толчок дальнейшим действиям.

— Что за факт?

— Произошедшее с вашей дочерью как-то связано с телефонным разговором.

— Да? Откуда вам это известно?

Милославская вкратце, не вдаваясь в подробности, поведала женщине о двух гаданиях, которые настойчиво, хотя и завуалированно, сообщали ей об одном и том же. Вершинина была удивлена. Ничего подозрительного в телефонных разговорах дочери и даже в ее поведении, предшествующем трагедии, она не замечала.

— У меня есть предложение, вернее убедительная просьба, —

покачиваясь в кресле, произнесла гадалка.

— Какое?

— Может быть, это покажется вам нескромным, но мне нужно просмотреть записную книжку вашей дочери. Я должна проверить всех адресатов.

— Не зна...

В этот момент дверь соседней смежной комнаты открылась, и из нее вышла Валерия. Она была так же бледна, волосы ее растрепались, запутались, очевидно, от долгого пребывания в постели.

— Пожалуйста, — сказала она и протянула Милославской маленький блокнотик в кожаном переплете темно-бордового цвета, — невольно я подслушала ваш разговор. Возьмите блокнот. Только пусть мама обо всем рассказывает, она прекрасно знает всех моих приятелей.

Дверь также неожиданно закрылась, как и открылась, и девушка исчезла за ней. Впрочем, Яна не сочла это за невежливость, так как поведение Валерии было вполне объяснимыми и понятным. Главное — она сделала шаг к сотрудничеству, и это являлось первой удачей на начатом пути.

Гадалка, сразу принявшая записную книжку, молча стояла у двери комнаты.

— Вот видите, — прошептала Наталья Евгеньевна.

— Ничего, все нормально.

— Я боялась, что она будет против. А перечить ей сейчас я не в силах.

— Понимаю, — гадалка немного помолчала и продолжила: — Ну что ж, за работу?

— Идемте на кухню, за чаем и поговорим, — Вершинина встала и стараясь ступать как можно мягче отправилась на кухню.

Последовала за ней и Милославская. Кухня у Вершининых была маленькая. На ней всего-то и умещалось небольшой квадратный обеденный столик, две табуретки да вдоль стены пара шкафов. Наталья Евгеньевна, полная и неповоротливая, с трудом протиснулась между обеденным столом и одним из шкафов и со вздохом облегчения села. Затем она стала сидя разливать чай, который, по-видимому, ею был недавно вскипячен и еще не остыл.

Милославская в это время уже просматривала блокнот Валерии. Он содержал не так уж и много записей, поэтому работа над ними должна была уложиться в оставшиеся часы этого вечера. Некоторые адреса, по всей видимости, девушка внесла в свою книжку уже давно. Гадалка заметила это без особого труда, так как свежие пометки по цвету пасты

ручки, нажиму и прочим нюансам заметно отличались от тех, которые Вершинина сделала ранее или очень давно. Многие из последних она, вероятно, за ненадобностью вычеркнула.

— Скажите, Наталья Евгеньевна, это единственный блокнот вашей дочери, и вообще имела ли она привычку заносить в него номера телефонов и адреса приятелей, знакомых? — обратилась Яна к хозяйке, когда та сообщила, что чай готов.

— Конечно, — с особой выразительностью ответила Вершинина-старшая, — Лера вообще с ним не расставалась, носила везде с собой, даже в ВУЗ. Носила, потому что постоянно возникала необходимость им воспользоваться.

Это окончательно убедило Милославскую в правильности выбранных шагов. Она стала задавать Наталье Евгеньевне вопросы относительно каждой записи, содержащейся в книжке. Вершинина, судя по всему, не ограничивала свободы Валерии, но, тем не менее, она была прекрасно осведомлена о всех ее дружеских или просто приятельских связях, знала, что это за люди, что они из себя представляют, чем занимаются. В ее ответах чувствовалась необыкновенно теплая атмосфера взаимоотношений между матерью и дочерью.

Среди хозяев адресов были, конечно, те, о ком Наталья Евгеньевна не могла отозваться положительно, но при этом ни один из них не подходил на роль жестокого извращенного убийцы. Тем более, среди знакомых парней Валерии, тех, чьи номера здесь присутствовали, не оказалось ни одного, кто бы имел собственную автомашину. Под руководством Милославской Вершинина-старшая перебрала все возможные варианты причастности этих лиц к случившемуся, но ничего, всерьез заслуживающего внимания, не нашлось.

Валерия по-прежнему находилась в своей комнате, а женщины вели интенсивную работу. Наталье Евгеньевне пришлось заново подогреть чай, поскольку недопитый прежний совсем остыл: единомышленницы настолько увлеклись аналитической беседой, что напрочь забывали обо всем остальном.

— У меня к вам просьба, — произнесла, наконец, Милославская.

— В чем она заключается?

— Понимаете, это дело несколько щекотливое. Обработка только Лериного блокнота недостаточна... — Яна на минуту замолчала. — Я имею в виду Ирину. Нужно проверить и ее записную книжку, вдруг там найдется зацепка. Вы могли бы посодействовать в этом?

— Как именно? — нерешительно произнесла Вершинина.

— Спросить у них блокнот. Понимаете, я посторонний для них человек. И, когда у людей такое горе, тревожить их совсем незнакомой женщине настоящее кошунство, тем более, придется всколыхнуть самое большое, сыпать соль на рану.

— М-да... — понимающе промычала Вершинина. — Это, конечно, так.

— Вы им ближе, и вас объединяет общая беда. Вас они поймут, — Яна делала особое логическое ударение на слове «вас».

— Да-да, конечно, — Наталья Евгеньевна утвердительно закивала головой.

— Как вы думаете, они согласятся нам помочь? — поинтересовалась гадалка.

— Думаю, да. Тем более, о вас я им говорила, мою затею Черненко приняли с одобрением. Если мне тяжело осознавать, что преступник ушел безнаказанным, то представьте, каково им.

Милославская тяжело вздохнула и задумалась.

— Наталья Евгеньевна, это лучше сделать прямо сейчас. Едем? — помолчав, проговорила Яна.

— Сейчас? Ну конечно. Да. Да. Я согласна, — женщина стала торопливо выбираться из-за стола, по-видимому осознав, что быстрое раскрытие преступления в ее же интересах.

Вообще, она во время этого разговора с гадалкой как-то ожила, приободрилась. По-видимому, энергичность, серьезность в отношении к работе, безупречная логика Яны обнадеживали ее.

— Вы сидите, я с-щас, — находу произнесла Вершинина и скрылась в комнате.

Джемма, видя, что ее хозяйка закончила работу, поднялась на лапы и в полной готовности стояла у порога. Милославская подправила макияж и стала обуваться.

— Наталья Евгеньевна, — крикнула гадалка из коридора, — я жду у двора.

— Хорошо, — отозвалась та, — я уже иду.

Яна Борисовна, выйдя из подъезда, отпустила Джемму, чтобы осуществить обещанное в ее отношении. Ведь по сути, собака так и не погуляла, замученная поездкой с грубияном-водителем и одиноким пребыванием в углу чужой прихожей. Милославская подобрала с земли толстую короткую палку и стала бросать ее вдаль, отдавая команды Джемме. Та в свою очередь с радостью выполняла их. Вскоре со стороны подъезда послышалось чье-то недовольное бурчанье, а вслед за ним

выплыла Наталья Евгеньевна.

— Все лампочки повыкручивали! — недовольно восклицала она. — Ой, а на улице-то уже темнеет! Жаль, муж сегодня в ночь работает, а то бы он нас проводил! — с досадой добавила она.

— Бросьте вы, — посмеиваясь отзвалась Яна, — в сопровождении такой умницы, — она кивнула на Джемму, — нам нечего бояться.

Вершинина недоверчиво глянула на собаку и нехотя согласилась с высказыванием Милославской. Женщины молча зашагали вперед, а овчарка послушно семенила сзади.

— Поймаем такси? — предложила Милославская.

— Лучше прогуляемся, — возразила Вершинина, — здесь совсем близко.

— Да? Ну тогда хорошо, — согласилась гадалка, — Джемма, — обернувшись, воскликнула она, — у тебя еще несколько минут для прогулки, поздравляю!

— Вы с ней прямо, как с человеком, — удивленно сказала Вершинина.

— А с кем же мне так еще? — печально произнесла Яна, и, помолчав поведала женщине историю гибели своих близких.

Милославская не любила говорить об этом и делала это редко. Но в данный момент она чувствовала, что горе Натальи Евгеньевны в чем-то сродни ее личной трагедии, она знала: этот человек поймет ее и искренне посочувствует, а ей, Яне станет немного легче.

На самом деле так и произошло. Наталья Евгеньевна расчувствовалась и даже всплакнула, потом она взяла Яну под руку, и они, словно подруги, зашагали по улице. Милославской необыкновенно светло стало на душе в этот момент, ведь она, хотя и была в своем роде чем-то необыкновенным, и радость, и горе, чувствовала и переживала так же, как это делает каждый из нас. Будучи сильной женщиной, она, как и любой человек, порой не находила сил сдержать эмоции и слезы.

Дорога до дома, в котором проживала семья Черненко, на самом деле, оказалась недолгой, и вскоре женщины прибыли в нужное место. Яна решила подождать у подъезда и поручила разговор с матерью погибшей Наталье Евгеньевне. Та не стала возражать и покинула гадалку. Милославской пришлось около получаса провести на улице. От скуки и в то же время нетерпения она стала прогуливаться туда-сюда, уже не обращая внимания на баловство Джеммы, пока, наконец, не послышались шаги Вершининой.

Яна быстрым шагом направилась ей навстречу, не в силах сдержать интерес к произошедшему разговору.

— Ну что? — взволнованно спросила она.

— Фу-у-у, — выпятив губы тяжело выдохнула Наталья Евгеньевна.

— Тяжко?

— Угу. Впрочем, они сразу согласились отдать блокнот, но смотреть на них так тяжело... Это невыносимо!

— Понимаю, — с грустью произнесла гадалка, — тем не менее, медлить нам нельзя, — Яна огляделась по сторонам, где увидела мерцающие вывески кафе и магазинов, — забежим с какое-нибудь кафе?

— Зачем? Я сыта.

— Да я тоже, в общем-то. Просто там удобнее работать над записной книжкой.

— Идемте к нам, — непонимающе произнесла Вершинина.

— Да что туда-сюда ходить. Вон, смотрите, «Гриль» прямо напротив, а до вас еще идти надо. Время сэкономим... Возьмем что-нибудь легкое для виду...

— Ладно, только давайте договоримся: я угощаю! — категорическим тоном заявила Вершинина. — Нет-нет, — воскликнула она, увидев, что Яна собирается возразить, — никаких отговорок быть не может, идемте, — женщина потянула Милославскую за рукав, и той пришлось подчиниться.

Перейдя дорогу, единомышленницы очутились у входа в кафе, находящее в небольшом подвальчике. Из помещения шел ароматный запах гриля, и доносились громкие возгласы принявших на душу посетителей. Спустившись по крутой каменной лестнице, Яна увидела скучающего охранника и, сунув ему пару десятирублевых купюр, попросила присмотреть за собакой. Тот охотно согласился, очевидно, вспомнив о своей мизерной зарплате.

Пока Милославская занималась этим, Наталья Евгеньевна, опередив ее, уже стояла у стойки бара и, загибая пальцы, делала заказ. Милославская расположилась за одним из свободных столиков и стала ожидать возвращения Вершининой, любопытно поглядывая по сторонам. Вид официанта, с трудом держащего на поднятой руке тяжелый поднос, изумил ее, поскольку предполагаемая легкая закуска таковой не оказалась. На тарелках дымились солидные куриные окорочка, политые, судя по запаху, чесночным соусом, а между ними сиротливо стояла бутылка неизвестного красного вина.

— Ну, Наталья Евгеньевна, — покачивая головой, протянула гадалка, — вы, кажется, переборщили! У меня еще ваш чай не переварился!

— Тоже вздумали мне, чай! Это разве еда? Нет! Вода, вот что это

такое! — Вершинина деловито уселась за стол и стала раскладывать перед гадалкой приборы, отослав официанта.

Пока гриль остывал, Яна не медлила. Сверяя записи в блокнотах девушек, она стала вычеркивать из книжки Ирины то, что уже видела в записях Валерии. Многие знакомые у давних подруг оказались общими. Таким образом, предстоящая работа сократилась наполовину.

— Наталья Евгеньевна, я переживаю, сумеете ли вы мне на этот раз помочь? — озабоченно произнесла Яна Борисовна.

— В смысле? — отламывая кусок курицы, спросила Вершинина.

— Ну... Близкие Иры вам не так хорошо известны, как друзья вашей дочери?

— Кто-то, может быть и нет, но в основном... — женщина задумалась. — Я Ирину знаю с детства. Я и ей, и Валерии была другом, они со мной всем делились, так что, думаю, мое присутствие не должно быть бесполезным. Я и их близких родственников знаю. Не так, чтобы очень, конечно, но, тем не менее...

Яна протянула Наталье Евгеньевне блокнот, и та стала комментировать некоторые записи, в своей осведомленности относительно которых была стопроцентно уверена. В конце концов осталось всего несколько наименований, рядом с которыми Милославская поставила крупный знак вопроса. Яна намеревалась поразмышлять над ними дома, оставшись в тишине. Во всяком случае, она имела шанс позвонить по указанному номеру или же все-таки обратиться к родителям погибшей.

— Ну что ж? — с некоторой грустью в голосе произнесла Наталья Евгеньевна. — За успех? — она взяла бутылку и наполнила бокалы вином.

— За успех! — согласилась Яна и сделала несколько глотков.

Женщины продолжили трапезу и больше не говорили о деле. Вино слегка кружило голову и поднимало настроение, усиливало надежду на лучшее. Яна допила до дна, а от второй порции отказалась, зная, что дома ей еще сегодня придется поработать. Наталья Евгеньевна поступила так же, и покончив с курицей, сказала:

— На выход?

— Пожалуй, — согласилась Яна.

Милославская пообещала известить Вершинину сразу же, как только что-то прояснится, на этом они и расстались.

Таксист довез гадалку прямо до калитки, поэтому ей не пришлось спотыкаться о многочисленные ухабы, коими эта улица была чрезвычайно богата. Джемма всю дорогу обиженно смотрела в окно, наверное, печально вспоминая, какому искушению и тяжкому испытанию подверглась она в кафе «Гриль», и как невыносимо было ей так долго ощущать душераздирающие запахи. Милославская потянула ее за поводок, и та нехотя медленным шагом последовала за хозяйкой.

На улице уже совсем стемнело, и гадалке пришлось зажечь фонарь, чтобы увидеть замочную скважину. Она переступила порог и, не разуваясь, уставшая упала в кресло.

— Джеммуль, — умоляюще обратилась она к собаке, — тапочки, а?

Джемма искоса посмотрела на хозяйку и побрела за тапками. На ее морде, казалось, было написано: «Так уж и быть!».

— У-умница! — принялась гадалка благодарить собаку, когда та вернулась. — Ложись отдыхай, а я поработаю еще.

Овчарка будто поняла ее и растянулась здесь же, в ногах у хозяйки. Яна немного еще просидела в кресле, затем отправилась в спальню, где сменила надоевшую одежду на удобный домашний халат. Теперь можно было вновь приступить к работе.

Гадалка достала из сумочки блокнот и стала перелистывать его. В принципе, внимания заслуживали только три телефонных номера. Два неизвестных пред этим экстрасенс откинула, так как под ними стояла подпись «ЧЕРНЕНКО». Не трудно было догадаться, что речь идет о ком-то из родственников этой семьи. А вот по поводу оставшихся трех даже всеведущая Наталья Евгеньевна ничего не смогла сказать.

Вообще же оказывалось, что девушки не водили сомнительных знакомств, хотя, судя по характеристике, данной им в школе, они к ним и стремились. Скорее всего, они были не во вкусе тех, кто был в их вкусе. Поэтому, особой надежды найти подозреваемых в лице оставшихся адресатов, у гадалки не было. Тем не менее, проверить следовало все.

Взглянув на часы, Милославская недовольно поморщилась, но все же подошла к телефону. Она понимала, что звонок позднее двадцати одного часа — нарушение всех правил приличия, но не это сейчас являлось главным. Она набрала первый номер — 23-45-69. Под ним указывалось: Погребняк А.К. Глядя на фамилию, нельзя даже было установить, о лице какого пола идет речь, и это несколько затрудняло предстоящий разговор.

Услышав ответный голос, Яна Борисовна решила говорить начистоту. Не представившись, она заявила:

— Я от Валерии Вершиной.

Хотя записная книжка принадлежала Ирине, назваться ее именем, по понятной причине, было нельзя, поэтому Милославская пошла на риск.

— Да? Как она там? — слышались сочувствующие возгласы. — Мы ей и модуль прощаем, вернее, переносим на более поздний срок, и сроки курсовой тоже...

Дальше следовал поток слов, подобных этим, из которых стало понятно, что собеседник — один из ВУЗовских преподавателей, курирующих написание Валерией курсовой работы. Не дожидаясь конца реплики и не объясняясь, Яна положила трубку и стала задумчиво смотреть на запись, под которой значилось «Котик».

Это слово, употребленное в уменьшительно-ласкательной форме заинтриговало гадалку и она набрала указанный под ним номер.

— Алло, — голос был несколько жеманным, каким-то избалованным.

— А можно Котика? — нашла Яна.

— Какой котик в это время суток? Имейте совесть!

Гадалка и тут не растерялась:

— Извиняюсь, но мне срочно. Очень срочно.

— А вам какого — перса или ангорского? Я и того, и другого могу предложить. И вообще — мальчика или девочку? И какой окрас вас интересует?

С этим тоже все было понятно. Вероятно, Ирина питала особые симпатии к братьям нашим меньшим и намеревалась приобрести какого-нибудь породистого симпатичного кота, обратившись к даме, промышляющей этим делом. Милославская так же, как и в предыдущий раз, без объяснений бросила трубку.

Позвонив по следующему номеру, гадалка услышала автоответчик. После пары любезных фраз, он сообщал, что по вопросам репетиторской помощи студентам обращаться с девяти утра до тринадцати часов дня. Теперь окончательно стало ясно: записные книжки вряд ли могут помочь в этом деле. Этот вывод, конечно, несколько огорчил экстрасенса, поскольку на проверку данной версии она потратила довольно приличное количество времени. Потянувшись, Яна поднялась с кресла. Она решила принять душ и отправиться спать, так как глаза ее уже слипались, и все тело ныло от усталости.

Многочисленные струйки горячей воды, пышным фонтаном брызгающие из лейки душа, помогали расслабиться и забыть тревоги и заботы минувшего дня. Милославская наслаждалась ими и старалась не думать ни о чем другом. Немного пронежившись таким образом, Яна достала с белой пластиковой полочки флакон с гелем для душа и нанесла

несколько капель на круглую паролоновую губку. Аромат, разнесшийся по всей ванной доставлял невероятное удовольствие, и гадалка даже незаметно для себя улыбалась.

Однако стоило ей закончить эту процедуру и пройти в спальню, как мысли, словно назойливые мухи, вновь стали лезть в голову. Гадалка облачилась в шелковую, расшитую кружевом, сорочку, легла в постель и закрыла глаза. Но, хотя она и хотела спать, раздумья о минувших и дальнейших этапах расследования мешали ей сделать это. Яна поворачивалась то на один бок, то на другой, то ложилась на спину и вытягивала руки вдоль тела, начинала выполнять аутотренинговые упражнения, помогающие обычно преодолеть бессонницу. Но голова по-прежнему была забита тягостными раздумьями. По-видимому, ощущение безрезультатности прожитого дня являлось тому причиной, и Милославской пришла мысль еще раз взяться за карты.

Сегодня она работала только с «Джокером», и это ей давало шанс попробовать еще раз получить интересующую информацию. Яна вновь поглядела на часы. В принципе времени с момента предыдущего гадания прошло достаточно, общение с «Сюрпризом» можно было отнести ко вчерашнему дню.

Милославская откинула одеяло и, быстро сунув ноги в мягкие, но остывшие тапочки, пошла за картами. По всему телу побежали мурашки, и Яна поспешила вновь скрыться под одеялом. Положив подушку повыше, она облокотилась на нее спиной и принялась перетасовывать колоду, думая, на какой же из карт остановить свой выбор. Самой целесообразной, на ее взгляд, должен был оказаться «Взгляд в прошлое», так как именно оно и было покрыто необыкновенным мраком тайны. Отложив все остальные карты в сторонку, гадалка положила на колени нужную, опустила на нее ладонь и закрыла глаза. Про себя она твердила: «Какое прошлое предшествовало случившемуся с Валерией?»

Видение пришло на удивление быстро. Неожиданно для самой себя Милославская вдруг увидела Валерию и другую девушку, по всей вероятности, Ирину. Она была невысокого роста, темноволосая, постриженная под «каре». Ирина широко улыбалась, и от этого, ее, и без того узенькие глаза, превращались в настоящие щелочки. Зато улыбка обнажала великолепные, белые, аккуратные, словно маленькие жемчужины, зубки.

Впрочем, девушки обе были чрезвычайно веселы. Никаких звуков Милославская не слышала, но мимика подруг подсказывала, что они смеются от души и находятся в наилучшем расположении духа. Валерия с

Ириной сидели на заднем сиденье автомобиля, который, безусловно, не стоял на месте, а ехал, но ехал в неизвестном направлении. Гадалка содрогнулась при мысли о том, каким скорее всего, являлся этот пункт назначения. Кто вел автомобиль, находились ли кроме девушек в нем другие пассажиры — Яна не видела, как она не старалась сконцентрировать энергию.

Гадалке захотелось проникнуть за пределы этой машины и хотя бы увидеть ее марку. Такая информация могла дать существенный толчок к дальнейшим действиям. Сосредоточившись, она попыталась представить себе, как ее невидимая оболочка покидает автомобиль и оказывается на улице. К счастью, попытка оказалась удачной. Взгляду экстрасенса предстали «Жигули» необыкновенно редкого цвета — цвета морской волны. Но видение позволило Яне узнать о том, чего она даже не ожидала. Машина, как игрушечная, вдруг повернулась к ней задней частью, и Милославская четко увидела ее номерной знак — С 523 АР.

На этом все прекратилось. Больше не было видно ничего: ни девушек, ни их попутчиков, ни «Жигулей». Гадалка открыла глаза и не могла сдержать возгласа удивления. На самом деле, повод для этого существовал, и довольно веский. Во-первых, судя по словам Натальи Евгеньевны, знакомств такого плана Валерия и ее подруга не водили, хотя, возможно, и активно стремились к этому. Во-вторых, ехали они, вероятнее всего, к тому месту, в котором произошла трагедия. Яна же из слов Вершининой-старшей да и из рассказа классного руководителя поняла, что врагов девушки не имели, напротив, окружающие относились к ним дружелюбно, более того — они всегда являлись душой компании. Из всего этого напрашивался вывод: злодей новый человек в жизни Валерии и Ирины.

Эти соображения заставили Яну глубоко задуматься над тем, как ей лучше действовать дальше. Она встала с постели, накинула поверх сорочки махровый длинный халат, взяла из сумочки сигареты и направилась к выходу. Джемма, спящая всегда чутко, тут же открыла глаза и посмотрела на хозяйку. Увидев, что та собирается выйти из дома, она сразу же поднялась на лапы и последовала за ней. Яна открыла дверь, перешагнула порог и присела на одну из ступенек. В такую пору ей всегда хорошо думалось. На улице было необыкновенно свежо, прохладно, но тихо. Утомонившийся ветер уже не тербил начинавшую желтеть листву. Один только неустанный сверчок никак не мог закончить свою однообразную песню.

Милославская с радостью думала о том, что ей теперь известна марка машины предполагаемого убийцы и ее номера. Это значительно упрощало

дальнейшее расследование, а, возможно, и вело к его финалу. Ясно сейчас было одно — гадалке требуется профессиональная милицейская помощь, ибо только сотрудники органов могли добыть по известным ей фактам информацию о владельце автомобиля. Конечно, Яна сразу же подумала о Семене Семеныче. Именно он в подобных ситуациях являлся палочкой-выручалочкой. Однако звонить ему сейчас значило не просто разбудить в нем зверя, но и отбить у него охоту в каком-либо сотрудничестве с гадалкой. Поэтому волей-неволей Милославской приходилось взять себя в руки и отложить все планы на утро.

Яна затушила очередную сигарету, крикнула Джемму, сонно бродившую по двору, и пошла домой. Теперь, наконец, она хоть с каким-то чувством удовлетворения могла лечь в постель. Сеанс гадания окончательно лишил ее сил. Наверное, поэтому, на этот раз, Милославская уснула почти сразу же, как закрыла глаза.

* * *

— Доброе утро, Семен Семеныч! — с притворным простодушием и веселостью произнесла Яна Борисовна.

— Кто? Что? Кто это? Яна, ты что ли? — восклицал тот заспанным голосом.

Милославская проснулась рано. Перед сном она специально завела будильник, надеясь, пораньше позвонив Руденко, застать его дома. Как видно, ожидания ее оправдались.

— Я, Семен Семеныч, — теперь уже виновато ответила гадалка.

— Да ты что, очумела? Ну е-мое! Раз в жизни хотел отоспаться и то не дали! — разочарованно протяжным голосом протянул Три Семерки.

— Ну вот видишь, сам признаешь, что дома тебя можно застать только с утра, да и то раз в жизни. При твоём ненормированном рабочем дне эту поимку можно сравнить разве только с золотой рыбкой.

— Ла-адно тебе опра-авдываться, — пренебрежительно промямлил Руденко, — что там у тебя, выкладывай. Ой, нет, подожди, подожди, перейду в другую комнату, а то Рита проснется, — быстрым шепотом добавил он, и разговор на минуту прервался.

— Я по тому делу, — начала Милославская, услышав в трубке сопенье приятеля.

— Ну. Чего? Что-то новое?

— В общем-то, да. Мне требуется информация о владельце кое-какого

автомобиля.

— С чего это вдруг?

Милославской пришлось изложить все детали своего недавнего видения. Руденко сначала слушал без какого бы то ни было оптимизма и периодически произносил недоверчивое «М-м-м...» Потом он как-то оживился и даже задал пару вопросов. Однако в целом его реакцию на Янину затею нельзя было назвать положительной. Тем не менее, какую-то работу Руденко, как человек, имеющий непосредственное отношение к данному расследованию, должен был проводить, а поскольку других зацепок он пока не нашел, пришлось согласиться на предложение Милославской.

— Ну что ж... — многозначительно протянул он и замолчал. — Попробую помочь, попробую...

— Семен Семеныч, надеяться-то хоть можно? Будет луч света в темном царстве?

— М-м-м... — вновь протянул Три Семерки. — Ты знаешь, я думаю, что можно. Цвет, как ты говоришь, морской волны, на самом деле, очень редок, можно даже сказать исключителен. И я вообще удивляюсь, что такой цвет имеют «Жигули». Ты не ошибаешься?

— Нет, Сема, что ты! — поспешила переубедить Яна приятеля. — Я все видела на редкость четко, знаешь, так, будто это явь, а не видение!

— Виде-ение, — передразнил Три Семерки, — по сути дела, я не имею права на это опираться!

— Понимаю, Семен Семеныч, но все же не в первый раз, — Яна сделала тонкий намек на успех минувших дел, разрешенных при непосредственном ее участии и исключительно благодаря ей. — Как ты думаешь, это много времени займет?

— А ты, как всегда, в нем ограничена?

— Конечно!

— Не думаю, — размышляя вслух, ответил Руденко, — цвет редкий, таких машин в городе немного. Вычислим всех. Девочке сделаем очную ставку, и все дела!

— Ой! — испугалась Милославская. — Для нее это так болезненно!

— А как иначе? — возмущился Руденко. — Жизнь пройти не поле перейти! Заявление ее лежит, значит она предполагает, что с этим ей неминуемо придется столкнуться! Так что...

— Понятно, понятно, — перебила Яна, ей хотелось побыстрее перейти от разглагольствования к делу, — давай поступим так: ты вычисляй водителей, взаимодействуй с ГИБДД, а я подготовлю Валерию.

— Каким образом? — не понял Три Семерки.

— Расскажу о своем видении. Может, она вспомнит чего. Все-таки всплыли важные детали!

— М-да... — Руденко задумался. — Было бы неплохо. А то мне еще придется этим заниматься! Ты же знаешь, не выношу женских слез!

— То-то и оно! — воскликнула Яна, обрадованная согласием на взаимодействие. — Ну что, тогда до встречи? Отдыхай.

— Отдыхай! Разве я теперь усну! Придется встать. Эх, еще бы целый час мог блаженствовать! — на этих словах Три Семерки повесил трубку.

Милославская, довольная удачным исходом разговора, напевая популярную мелодию, отправилась на кухню. Джемма уже хрустела в углу кусочками сухого собачьего корма, не дожидаясь, когда ее хозяйка тоже примется за завтрак. Яна достала джезву и принялась за приготовление кофе. Еще не было и семи часов, поэтому ничего, кроме этого, она принимать не собиралась.

Гадалка предполагала, что к Вершининым ей следует явиться прямо с утра, поскольку несколькими часами позже Наталья Евгеньевна да и сама Валерия могли куда-нибудь уйти. Около часа Яна рассчитывала потратить на сборы, почти столько же на дорогу, так что времени у нее в запасе было немного.

Наскоро перекусив небольшим бутербродом с ветчиной и запив его чашкой ароматного кофе, гадалка оделась и вышла во двор. Неподалеку слышалось тарахтенье машинного мотора. Торопливо закрыв дверь, Милославская выглянула из калитки на улицу и увидела одного из своих соседей, готового отъехать от своего дома.

— Яков Борисыч! — крикнула она и замахала рукой, зная, что тот работает где-то в центре и сейчас, скорее всего, направляется туда. — Яков Борисыч, — повторила она, увидев, что ее заметили, — вы в город?

Мужчина закивал головой.

— Захватите? — крикнула Яна, на ходу запирая калитку.

Тот заулыбался и поманил ее пальцем. Честно говоря, гадалка его недолюбливала, но сейчас поездка с ним являлась меньшим из зол. Якову Борисычу хотя и перевалило за пятьдесят, он славился своим непрекращающимся донжуанством. Причем находил особ гораздо себя моложе и довольно привлекательных. Сам же он был лысоватым, с двумя пучками торчащих редких седых волос по бокам. Жена Якова Борисыча всю жизнь несла на своих плечах груз измен супруга, которым она и счет потеряла. Поговаривали, что в молодости она даже травилась уксусом, в

результате чего стала пожизненным инвалидом, а он каким был, таким и остался. Поэтому к машине Милославская шла скрепя сердце. Яков Борисыч, как-то завидев ее в элегантном черном обтягивающем платье стал бросать на нее недвусмысленные взгляды.

— Как же такую красотку не подвезти! — нараспев проговорил он, расплывшись в широкой улыбке.

— Спасибо вам огромное! — усаживаясь на переднее сиденье, торопливо произнесла Яна.

— Эх, — Яков Борисыч многозначительно вздохнул, — спасибо в карман не положишь!

— Сколько я вам должна? — притворяясь непонимающей, наивно спросила гадалка.

— Нисколько! Это я так, — мужчина махнул рукой и нажал на газ.

Машина медленно спускалась по крутой дороге. Яна молчала, зато Яков Борисыч не умолкал:

— Как же не подвезти такой цветок-лепесток! Да это же просто счастье — соприкоснуться с такой нежной и изысканной дамой! Таких искать — не сыскать! Конечно, подвезу, о чем речь!

Дальше следовал поток слов в этом духе. На светофоре Яков Борисыч притормозил и протянул руку к Янину сиденью. Она вся замерла в ожидании того, что же за этим последует. Престарелый Казанова указательными пальцами стал щекотать прямо возле левой ягодицы гадалки. От возмущения и ужаса она не находила слов, способных выразить все ее негодование и отвращение. Однако, Яков Борисыч опередил ее.

— Это ваше? — спросил он и протянул ей пару закатившихся подушечек «Орбита».

— М-мое! — сама не своя ответила Милославская.

Из маленького кармашка ее сумочки, оказавшейся перевернутой, высыпались жевательные резинки и упали рядом, здесь же, на сиденье. Яков Борисыч умело воспользовался этим моментом, впрочем, наглеть он совсем не собирался, а легкий флирт с симпатичной молодой женщиной оказался ему по душе. Всю дорогу в разговоре он придерживался одной-единственной излюбленной им темы, а о состоянии Милославской нетрудно догадаться. Хорошо или плохо, но через двадцать пять минут гадалка оказалась в нужном месте. Наскоро поблагодарив неугомонного соседа, она выскочила из машины, он же еще долго кричал ей вслед:

— Может, в гости как-нибудь зайти? На чай-кофе? А?

Яна не отвечала, делая вид, что ничего не слышит. Она заспешила по узкой асфальтированной дорожке, ведущей к дому Вершининых. Застать ей

удалось только Валерию, впрочем это и требовалось. Девушка, по-видимому только что встала: поверх ночной сорочки на ней был одет простенький ситцевый халат.

— Вы? — удивленно протянула она и пошире открыла дверь, пропуская Милославскую в квартиру.

— Как себя чувствуешь? — разуваясь, спросила Яна.

— Спасибо, ничего.

— Как настроение?

— Лучше, чем вчера, если вас это успокоит.

— Да, меня это успокаивает, — тем же тоном произнесла гадалка, — успокаивает, поскольку имею к тебе серьезный разговор.

— Да вы проходите, что же у порога стоять, — заговорила Валерия уже более дружелюбно.

Хозяйка и гостя прошли в зал. Вершинина села на диван, а Яна в уже ставшее ей знакомым кресло-качалку.

— Разговор касается случившегося с тобой, — начала гадалка, — ты к нему готова?

— Говорить об этом мне будет трудно всегда, так что начинайте без заминок, раз уж пришли.

Милославская по порядку, очень медленно, останавливаясь после каждой фразы, поведала Валерии о своем видении. Та слушала внимательно, молча.

— Понимаете, мне начинает казаться это все знакомым. Больше я ничего не могу сказать. Это вроде знакомое, но какое-то далекое. Нет конкретики...

— Подожди, подожди, перебила Милославская, это уже плюс, это уже успех!

— Но до вашего рассказа я не испытывала такого чувства, это значит, что я ничего не вспоминаю!

— Не все сразу. Продвижение есть? Есть! Не надо терзать себя. Попробуем еще раз?

Валерия согласилась, и Милославская стала еще раз описывать картину своего видения. Лицо Валерии постепенно стало светлеть.

— Кажется... кажется... — шептала она, но не могла закончить фразы. — что-то вот здесь, — она показывала на грудь, — совсем рядом.

Яна еще раз прошла по всем деталям.

— Еду! — закричала Вершинина. — Я еду в машине. С Ирой!

— Что? — радостно воскликнула Милославская. — Вспоминаешь?

Но Валерия вдруг неожиданно расплакалась.

— Кроме этого — ничего! Ничего-о-о-шеньки-и! — всхлипывая, произносила она. — Помню себя и Ирину. Едем в машине. А куда, с кем, зачем — не помню-у!

— Тихо, тихо, — стала успокаивать Милославская, — не все сразу. Главное — впереди.

Тут Яна поведала девушке о работе, которую на данный момент должен был проделывать Руденко. Вершинина сосредоточенно слушала, а когда Яна закончила, она задумчиво и тихо произнесла:

— Мне страшно! Я их боюсь! Их всех! Вдруг там он!

— Вас никто не будет видеть, — столь же тихо объяснила Милославская, — конечно, это все тяжело, но неминуемо.

— Да, я знаю, — Валерия закрыла лицо руками, — сейчас собраться? — сказала она через некоторое время.

Яна объяснила, что Вершининой лучше сейчас побыть дома и морально подготовиться к предстоящему испытанию. Руденко вряд ли мог успеть осуществить какой-либо важный пункт дела, поэтому отираться с этих пор в милиции было бы просто бессмысленно. Она приложила все усилия для успокоения девушки и та, наконец, перестала плакать.

— Ну что ж, — вздохнула Милославская, — я пойду?

Валерия молча кивала головой.

— Будьте наготове. Как только я позвоню, приезжайте.

Гадалка на всякий случай назвала место нахождения отделения милиции, в котором должен был ждать ее Руденко, и, попрощавшись на этом, ушла.

Неподалеку находился небольшой сквер. Он ничем не отличался от десятков других, рассыпанных по городу, но все же привлекал своей тишиной, уютom, запахом листвы. Не отдавая себе отчета, Яна медленно побрела туда. Неизвестно, какое время бездействия ждало ее впереди, ведь следовало дожидаться того момента, когда Три Семерки сообщит ей о результатах своей работы. Гадалка присела на одну из старых покосившихся лавочек и стала глядеть по сторонам. Многочисленные толпы прохожих, спешащих на работу, к этому часу уже рассеялись, но все же город кипел разными звуками, жизнь бурлила в нем.

Навстречу неторопливой походкой шел чумазый мальчуган, несший в руках стопку разных газет. Завидев Яну, он прокричал:

— Самые интересные сканворды в свежей газете «Угадай-ка!»! Всего за три с полтиной!

Глядя на застиранную рубашонку с размахрившимися обшлагами, Милославская прониклась жалостью к недетской участи этого

обездоленного ребенка и, сунув ему десятку, взяла одну газету.

Мальчик, довольный удачно совершенной продажей, вприпрыжку двинулся дальше. Яна долго с грустью смотрела ему вслед, пока, наконец, он не скрылся из виду. Делать было нечего, поэтому Милославская сразу решила приступить к разгадыванию сканвордов. Это ей всегда давалось легко, поскольку ее уровень эрудированности явно превышал средний. Тем не менее, занятие, для многих в последнее время ставшее банальным, пробуждало в гадалке живой интерес и благородный азарт.

Расстегнув молнию на кармашке сумочки, она стала рыться в нем в поисках авторучки, которую Яна всегда носила с собой. Но там ее не оказалось, поэтому гадалка стала вести поиски в другом отделении сумки. Сверху лежали карты. С ними Милославская тоже расставалась исключительно редко. Яна надолго задержала взгляд на колоде, а потом, напрочь забыв о своем первоначальном намерении, вытащила заветную стопочку картонок и, как замороженная, стала перетасовывать ее.

Левой рукой она сняла карты на себя и перевернула верхнюю. Ей оказался «Взгляд сквозь оболочку». На карте были изображены две полосы, испещренные загадочными зигзагами, похожие на стрелы, которые стремительно проникали в огромный черный человеческий зрачок и исчезали в нем. Обычно данная карта помогала распознать намерения какого-либо объекта на данный момент.

Яна смотрела на «Взгляд сквозь оболочку» и думала о том, что намерения злодея, зверски обошедшегося с девушками, на самом деле, оставались самым животрепещущим неизвестным во всей этой истории. Неизвестно, какой мотив им руководил на тот момент, и какие планы он сейчас строит. Для карты это была задача не из легких, однако хотя бы на один из вопросов она должна была ответить.

Внезапно дунул ветер и унес лежавшую подле газету, но Яна даже этого не заметила, поскольку глубокие размышления увели ее далеко от реальности. Она положила ладонь на выбранную карту и попыталась сосредоточиться. На улице было довольно прохладно, поэтому ожидание таинственного тепла в руке являлось вдвойне желанным. Сегодня Милославская оделась не по погоде легко, поэтому легкий озноб заставлял ее поеживаться.

Гадалка смотрела в одну точку, на трепыхающийся на ветру листочек. Она практически не моргала, и от этого глаза ее заволокла мутная пленка, через которую листок теперь казался непонятным бесформенным предметом. Яна возлагала на карту огромные надежды, поэтому с нетерпением ждала начала видения, которое, возможно, хоть сколько-

нибудь могло приоткрыть завесу тайны.

Постепенно стало чувствоваться тепло в ладони. Казалось, кто-то невидимый, спрятавшийся под картой, снизу дышит на руку, пытается согреть ее. Представив себе маленького сказочного гнома в сверкающей шапке-невидимке, Милославская улыбнулась, однако, то, что тут же предстало ее взору, резко переменяло настроение экстрасенса.

Она увидела газету. Обыкновенную, провинциальную, полную незатейливых статей и всевозможных объявлений. Газета бесшумно раскрылась перед Яной. Произошло это так быстро, что гадалка не успела заметить название издания. «Впрочем, — оптимистично подумала она, — раз это так, то оно, наверняка не играет решающей роли.»

Газета раскрылась как раз посередине. Милославская ожидала, что за этим последуют более существенные факты, но этого не происходило, и она стала присматриваться к напечатанному. Обе страницы были посвящены объявлениям. Это несколько смутило гадалку, и она вновь решила немного подождать, предполагая в скором времени увидеть перед собой какую-нибудь сенсационную статью, имеющую к произошедшему с Вершининой непосредственное отношение. Однако и на этот раз видение не двигалось с места, упорно настаивая на своем.

Теряясь в догадках относительно того, к чему все это, но, тем не менее, зная, насколько важными могут оказаться малейшие детали, Яна решила попристальнее взглядеться в содержание объявлений. На левой странице были помещены объявления под заглавием «Работа». Они содержали как спрос, так и предложение. Милославская бегло просмотрела взятый в рамочку столбик и не нашла ничего необычного. Как всегда, требовались рекламные агенты, которыми почему-то упорно никто не хотел работать, распространители подозрительной косметики, которая иным способом не продавалась, молодые энергичные люди на неопределенную работу, которым в объявлении предлагалось одно, а на деле предоставлялось совсем другое. В общем, ничего такого, что могло бы возбудить подозрение или, по крайней мере, интерес.

Яна переключила внимание на вторую страницу, где крупным шрифтом значилось «Недвижимость». С трудом разобрав мелкие неразборчивые строчки о продаже квартир, домов и нежилых помещений, она тоже не нашла ничего особенного. Здесь были те же «хрущевки», «сталинки», «чешки» и так далее, и тому подобное. Цены ничем не отличались от общепринятых, шокирующих практически для любого честного труженника.

Эта картина продержалась достаточно долго: Милославская успела

достаточно четко все рассмотреть. Но в конце концов, она стала угасать, пока совсем не исчезла. Листок, на который все это время был направлен взгляд гадалки, вновь стал виден отчетливо. Экстрасенс положила карту в колоду, а колоду в сумочку, поскольку усилившийся ветер рад был подхватить любую более или менее легкую вещь и нести ее далеко-далеко до тех пор, пока ему не надоедало играть с ней.

— Да... — задумчиво промолвила Яна. — Загадка из загадок!

Мимо проходил маленький сгорбленный старикашка, который, заслышав голос Милославской, возмущенно протянул, очевидно, решив, что она обращается к нему с какой-то претензией:

— Чи-и-во-о?

В этот же момент он приподнял свой засаленный бадик и замахнулся на гадалку, не находящую сил сдержать улыбку. Однако намерения старика, по всей видимости не были шуточными, так как он стал приближаться к Яне. Не решаясь вступить в объяснения, Милославская встала с лавочки и молча побрела в противоположную сторону. Несчастный долго еще кричал ей вслед всяческие проклятия, раздосадованный нежеланием незнакомки вступить с ним в передряги и этим дать выход его накопившейся отрицательной энергии.

Яна брела по скверу, думала и не могла найти ответ на вопрос, откуда в людях столько зла и ненависти, всегда это было так или теперяшняя сложная жизнь тому причиной. Так или иначе, эти мысли вновь привели ее к раздумьям над случившимся с Валерией, ведь мотивы того жестокосердца ей так и остались непонятными. Она вспомнила об объявлениях, предлагающих работу, и задалась вопросом, могла ли Вершинина заниматься поисками такого рода. Судя по обстановке, увиденной гадалкой в доме этой семьи, Валерия вряд ли остро нуждалась в деньгах, а следовательно, поиски работы были ей не к чему. К тому же она находилась еще в том возрасте, в котором трудно найти что-либо приличное, подходящее для девушки ее круга. Да и образования никакого, кроме школы, Валерия не имела. Ведь человеком с неполным высшим считается тот, кто закончил по меньшей мере три курса, Вершинина же еще до этой ступени не дошла.

Милославская вспомнила свое студенчество: вечная беготня, холодные неуютные читалки, пустой желудок, неистощимое желание отоспаться. Не хватало времени на полноценное выполнение всех заданий, а о чем-то постороннем или дополнительном и речи быть не могло. Конечно, некоторые от сессии до сессии поживали весьма весело и праздно. Многие из таковых до финиша так и не дошли. Им труднее было улучшить минутку

на корпенье над какой-нибудь научной статьей, нежели отказаться от очередной пышной вечеринки.

При таком образе жизни, безусловно, возможность дополнительного заработка не исключалась. Но, судя по характеристике, данной подругам, они были девушками далеко не той категории, к учебе относились прилежно, глубоко переживали вынужденные пропуски и порой сидели на лекциях с температурой, боясь отстать от остальных. Таким образом, вариант о работе отпадал.

Оставалась недвижимость. Однако, версия какой-либо причастности риэлтэрских фирм к трагедии, произошедшей с девушками, Яне казалась еще более нелепой. Конечно, операции с недвижимостью замешаны на больших деньгах, а в последнее время они очень часто бывают переплетены с криминалом, как мелким, так и ужасающим по своим масштабам. Но ни о каких сделках такого рода Наталья Егеньевна не обмолвилась. Да и могли ли они иметь отношение к жизни ни в чем неповинных, совершенно юных и только начинающих жить созданий! Бывает, конечно — наследство и все такое прочее, но мать потерпевшей на вопрос о возможных мотивах преступления пожала плечами, жила, мол, мирно, никому поперек дороги не становилась. Так что и этот вопрос оставался без ответа.

Яна уже несколько раз доходила до конца короткой асфальтированной дорожки, разворачивалась и брела обратно. Возле нее остановилась укутанная не по погоде женщина. Она поставила на землю ведро, обмотанное разным тряпьем, и, отойдя в сторону, вытащила из-за соседней скамейки деревянный ящик. Милославская стала невольной свидетельницей этой банальной картины. Женщина распаковала ведро, достала оттуда чашку с крупными, пышущими жаром семечками, и стала располагать ее на ящике, что-то приговаривая себе под нос. Милославская вспомнила детство и ей ужасно захотелось этих горячих, слегка посыпанных солью, семечек. Однако впереди предстоял трудный и, скорее всего, долгий день, явка в общественные места и так далее, так что это желание оказывалось сейчас неосуществимым. Яна Борисовна все же купила большой стакан с немерением насладиться незатейливым кушаньем дома. Она ссыпала семечки в небольшой бумажный кулек и, поскольку у нее разыгрался внезапно аппетит, она собралась заглянуть в какое-нибудь ближайшее кафе.

Воробы, привлеченные скоро распространившимся ароматом, стайкой окружили насупившуюся торговку. Некоторые из них, самые задиристые и смелые, порхали в воздухе в надежде при удобном случае утащить

семечку-другую. Милославская, умиленная этим зрелищем, вновь достала из сумки кулек, раскрыла его и бросила на землю приличную горсть. Перепуганные вначале птицы с радостью накиннулись на щедрое угощенье и, отталкивая друг друга, принялись хватать зерна. Яна же побрела дальше, не прекращая удивляться тому, как все-таки во всем живом разумно заложена борьба за жизнь, которая, иногда, к несчастью, оказывается тщетной.

* * *

— Девушка, от вас позвонить можно? — заправляя за ухо упавшую прядь волос, громко произнесла Милославская.

Из двух бухающих колонок вырывались заглушающие все и вся звуки, которые сложно было назвать музыкой.

— Девушка! — громче повторила Яна, предполагая, что ее вопрос не услышали.

Однако справа от нее встал усатенький молодой человек, он обратился к бармену с просьбой о продаже еще одной бутылки пива, и она сразу же отреагировала. Яна уже закончила со своей трапезой, состоявшей из стакана минералки и легкого капустного салата, и намеревалась связаться с Руденко, с целью узнать у него, не выяснил ли он чего и не появилась ли необходимость ей явиться с Валерией.

— Девушка, я заплачу, — подвинувшись к усатому повторила гадалка.

— Мне что с метровым плакатом что ли стоять? — рывкнула та и ткнула пальцем в заляпанную табличку, скотчем приклеенную к столу.

Яна посмотрела вниз и с трудом разобрала надпись: «Один звонок — 2 рубля. Продолжительность разговора не более трех минут.»

— Понимаю, у вас особая тактика работы с клиентами, — Яна не удержалась от иронии, — исключительно мягкая и добросердечная. — Мне наверняка захочется заглянуть к вам еще разок... когда вздумается поднять настроение и поучиться любезности, — Милославская положила на пластиковую тарелочку двухрублевую монету и набрала номер Руденко.

Бармен хотела было что-то сказать, она несколько раз открывала рот, но, видимо, приходившие на ум фразы казались ей недостаточно остроумными, и она замолкала. Когда же, наконец, девица созрела для бурного высказывания, гадалка уже говорила с приятелем и никого, кроме него не слышала.

— Милиция?

— Да.

— Семен Семеныч?

— Да, слушаю.

— Это Яна.

— Узнал.

— Ну как дела? — Милославская закрыла одной ладонью ухо, надеясь, что это поможет ей лучше слышать собеседника: музыка по-прежнему гремела.

К счастью, в этот момент закончилась кассета и менять ее никто пока не собирался, поэтому Яна могла спокойно выяснять у Руденко, все, что ее интересовало.

— Где девчонка? — с нетерпением заговорил Три Семерки. — Можно приступить уже, а тебя не разыщешь! Дома телефон не отвечает...

— Ты что уже всех нашел? — удивилась Милославская.

— Нет... Но... Скоро это будет решено! Ребята работают.

— Пока вы работаете, мы тоже не дремем! Сейчас как раз соберемся, приедем, и у вас там все решится, так что Валерии ждать не придется, видеть всю эту вашу тамошнюю обстановку.

— А ну тебя с твоими нежностями! В общем, давай, быстро, не задерживайся!

Яна, не желая вновь вступать в разговор с барменом, молча положила ей на стол еще два рубля и принялась набирать номер Валерии. Девица, краем уха уловившая разговор гадалки, из которого было понятно, что беседует она с представителем органов и сама имеет отношение к какому-то расследованию, сразу же переменилась в лице и стояла в ожидании новой просьбы Милославской. У Яны же давно отпала всякая охота к общению с данной особой.

— Валерия? — ласково произнесла гадалка, услышав знакомый голос. — Ты готова?

— Давно уже, — отвечала та, — думала, вы и не зайдете!

— Ну что ты! Мы же договорились! Ну так как? Приедешь?

— Что-то одной неловко как-то... Может вы заедете за мной?

— Так... — Яна задумалась. — Заезжать я не буду. Я здесь рядом, в кафе. Нам лучше встретиться где-нибудь.

— Где?

— Скверик у вас есть здесь небольшой...

— На кольце восьмерки?

— Кажется... Не наю точно, как он называется.

— Да-да, скорее всего вы его имеете в виду, он здесь единственный

поблизости, — торопливо объясняла Вершинина.

— Вот и прекрасно. Жду тебя там. Знаешь, где женщина семечками торгует?

— Угу, она там всегда стоит.

— Вот возле нее и встретимся, чтоб не разойтись!

На этом разговор был закончен. Гадалка положила трубку и поспешила в направлении, ставшем ей уже известным. Укутанная женщина все так же сидела возле ведра с семечками, а нахальные стайки воробьев по-прежнему кружили вокруг нее. Милославская достала кулек с оставшимися семечками и высыпала их птицам, невероятно обрадовавшимся такой щедрости. Торговка хитро прищурилась и, обнажая беззубый рот, прошамкала:

— А типерича для себя купи!

— Да нет, спасибо, как-нибудь в другой раз, — ответила Яна и стала смотреть по сторонам, пытаясь разглядеть вдалеке Валерию.

Через некоторое время она увидела приближающийся женский силуэт и узнала Вершинину. Та слабо махнула гадалке рукой и остановилась. Скорым шагом экстрасенс направилась навстречу знакомой.

— Здравствуйте еще раз, — с грустью вздохнув, тихо произнесла та.

— Добрый день.

— Сомневаюсь что это так, — задумчиво сказала Валерия.

— Что? — не поняла Милославская.

— Сомневаюсь в наличии доброты вообще в нашем мире.

Яна промолчала и двинулась вперед. Вершинина заспешила за ней. Экстрасенс шла и думала о своем последнем видении. Полученная информация не давала ей покоя. Постепенно объявления о продаже недвижимости вытеснили в ее сознании объявления о работе. Хотя и по поводу первых у гадалки не было никаких стоящих соображений, от версии значимости вторых она вообще мысленно отказалась.

Единомышленницы проходили мимо одного из новеньких киосков Роспечати.

— Постой! — воскликнула Яна.

Она наклонилась к маленькому стеклянному окошечку и что-то начала говорить продавцу. Та удивленно пожала плечами и стала вытаскивать из разных стопок газеты. Через некоторое время Милославская держала в руках приличную кипу и, улыбаясь, подходила к Вершининой.

— Что это? — изумилась та.

— Вот... — с несколько глуповатым выражением лица протяжно произнесла гадалка. — мне надо с этим поработать.

Когда экстрасенс раздумывала о видении, ей пришла мысль, что неплохо бы было вообще полистать газетки такого типа. Это, возможно, привело бы ее к новым соображениям, могущим стать решающими в развязке дела. Особых надежд Яна, конечно, не возлагала, однако, данная процедура не являлась лишней.

— Как же мы теперь... С этим? — удивленно бормотала Валерия.

— Решено! — выпалила гадалка. — Вы едете одна!

— К-как?...

Милославская не хотела пока рассказывать девушке о последнем видении, дабы излишним волнением не лишит ее с трудом давшегося настроя на очную ставку с возможным преступником. Тем более, ничего конкретного Яна сама сказать еще не могла. Поэтому экстрасенс отложила разговор на эту тему на более позднее время.

— Вот так! — как ни в чем не бывало заявила гадалка Валерии. — У меня появилась срочная работа.

— Яна Борисовна... Вы же обещали... — беспомощно лепетала перепуганная неожиданной переменой обстоятельств Вершинина. — Я прошу вас...

Валерия говорила тихо и ненастойчиво, однако в ее глазах было столько мольбы и ужаса, что Милославская не смогла не пойти ей навстречу.

— Ладно, — подумав, решительно произнесла она, — едем вместе. Я тебя вручаю Семену Семенычу Руденко — это мой товарищ, хороший человек, в обиду тебя не даст, головой ручаюсь — а сама еду выполнять вот эту работу, — гадалка потрясла стопкой газет, которые держала в руках, — договорились?

— Не знаю... Все это так ужасно! — девушка закрыла лицо ладонями.

— Бежим! — крикнула вдруг Милославская. — Наш трамвай!

На самом деле они проходили мимо остановки, к которой по счастливой случайности в этот момент подошел трамвай. Он и разрешил сложившуюся ситуацию, поскольку, оказавшись в транспорте, Валерия послушно села возле Яны и всю дорогу молчала, глядя в окно. На вопрос, о чем она думает, девушка ответила: «Настраиваюсь!» Больше гадалка с ней не заговаривала до самых ворот известного учреждения.

— Вот мы и прибыли, — объявила экстрасенс, — идем, нас уже ждут.

Руденко встретился Милославской сразу же, в коридоре, он отдавал приказание какому-то молоденькому рядовому, по всей вероятности, служащему водителем.

— Сема! — крикнула Яна и тут же осеклась. — Ой! Товарищ капитан!

Три Семерки обернулся и недовольно посмотрел на подругу. Тот самый молоденький рядовой прыснул и, еле сдерживая взрыв смеха, выскочил в дверь. Руденко быстрыми шагами подошел к гадалке и, отчеканивая каждое слово, шепотом, жестко произнес:

— Ты что меня, посмешищем что ли сделать хочешь? Се-ома, — передразнивая, тоненьким голоском протянул Семен Семеныч, — какой я тебе здесь Сема? А? Этот молокосос итак надо мной постоянно посмеивается! Вчера вот в бутылку из под портвейна воды налил и под стол поставил, я — хватъ, ну, думаю, сюрприз! Хлебнул и чуть не поперхнулся от досады. А он: «Это для поливки цветочков, товарищ капитан, водичку-то отстаивать надо!» Вот сволочь! А теперь по твоей вине еще и Семой за глаза звать будет! Я так борюсь за свой авторитет среди молодежи! А ты... Со своей извечной нежностью! Лучше крикнула просто, по-мужски: «Три Семерки!» — и все тут. А то...

— Семен Семеныч! Да ладно тебе, что-то ты не на шутку разошелся! Успокойся! — смеясь, сказала Милославская.

— Ла-адно, ла-адно, — передразнивал разбушевавшийся Руденко. — На самом деле, ладно! — более спокойно, но, тем не менее, взволнованно произнес он через несколько секунд. — Готова? — Три Семерки сурово посмотрел на Валерию и вопросительно кивнул головой. — Они все здесь. Всего пятеро.

Вершинина, взбудораженная чересчур агрессивным поведением капитана милиции, стояла немного позади Яны и с видом перепуганного кролика смотрела в пол. Казалось, для нее лучше сейчас провалиться сквозь землю, исчезнуть навсегда, чем идти на очную ставку с потенциальным преступником под опекой не менее отвратительного ей в данный момент Руденко. Девушка уже успела ощутить циничное безразличие и холодность милиции к ее ужасной личной трагедии, им казавшейся повседневной банальностью.

Валерия умоляюще посмотрела на гадалку. Семен Семеныч, заметив это и поняв, что погорячился, произнес:

— Не бойся, в обиду не дам! Тем более Яна Борисовна с нами! Она все опасности предвидит, — Три Семерки ухмыльнулся.

— Семен Семеныч, — поспешила сообщить Милославская, — дело в том, что я еду домой...

— А что это у тебя? — перебил Руденко, только сейчас заметивший стопку газет в руках подруги.

— Ты не даешь сказать! Еду домой, чтобы заняться этим и...

— Что-нибудь новое? — вновь перебил Три Семерки.

— Ты не исправим! — разочарованно покачивая головой, протянула гадалка. — Короче — у меня появилась срочная работа я должна ехать домой и заняться ею. Мое присутствие здесь необязательно, поэтому оставляю Валерию под твоей опекой и удаляюсь, — гадалка развернулась и пошла к выходу.

В глазах Семена Семеныча загорелся огонек любопытства и азарта. Казалось, он начинал понимать, что это дело похоже на настоящий лабиринт, в котором ему без участия подруги не разобраться. Он потцовски посмотрел на девушку и с видом, внушающим доверие, сказал:

— Пройдемте.

Открыв дверь на улицу, гадалка обернулась и крикнула:

— Семен Семеныч, вечером жду! Валерия!

Вершинина сразу же остановилась.

— Желаю успеха! — воскликнула экстрасенс. — Скоро увидимся и все обсудим.

Девушка нерешительно и слабо улыбнулась и последовала за удаляющимся Руденко.

* * *

Приехав домой, гадалка первым делом приняла ванную, облачилась в один любимых домашних халатов, сварила себе кофе, и, взяв чашечку, прошла в кабинет, где ее поджидала стопка недавно купленных газет. Она принялась рассматривать их, задаваясь сотнями вопросов, способных натолкнуть на подходящую мысль. Яна не только внимательно изучала объявления о работе и продаже недвижимости, она пробегала глазами и другие рубрики такого рода, пытаясь хоть где-то найти подсказку. Прочитанные газеты, одна за другой, падали на пол, где, играя, их разрывала на части развеселенная этим занятием Джемма.

Так Милославская и не заметила, как, устав, она задремала прямо в кресле. Неизвестно, сколько времени провела бы она так, если бы надрывный лай собаки и стук щеколды не разбудили ее. Потирая заспанные глаза и выглядывая из-за занавески, она увидела Руденко, возмущенного, по его предположению, отсутствием приятельницы, столь необходимой в данный момент. Гадалка стукнула несколько раз в стекло костяшкой указательного пальца и махнула Семену Семенычу рукой, давая понять, что она дома и сейчас откроет. Тот с облегчением вздохнул и, сняв фуражку, присел на корточки. Очевидно, минувшая часть дня прошла для него

нелегко.

Позевывая, Яна отодвигала железный засов.

— Спишь что ли? — посмеиваясь, спросил Три Семерки. — А, говорит, работа ее одолела! Хи-хи!

Милославская ничего не ответила и только часто моргала, не в силах сразу отойти ото сна. Зайдя в дом, она прошла на кухню и взялась за джезву.

— Ты все так же жить не можешь без своего кофе? — спросил Руденко. — Смотрю, недавно пила, — он покосился на невымытую чашку, которую Яна по пути к выходу занесла сюда из кабинета.

— Угу, — опять зевая, ответила Милославская, — иначе я не проснусь. По городу намоталась, устала. К тому же гадала опять, ты же знаешь, сколько это отнимает сил.

— Знаю, — несколько пренебрежительно ответил Три Семерки, но тут же заговорил другим тоном: — Ну что, давай скорей, выкладывай свои новости!

— Сначала ты свои! — уже бодрее проговорила гадалка. — Как прошла очная ставка?

— У-у-у-у! — безнадежно протянул Руденко. — Мне обрадовать тебя нечем. Вершинина никого не узнала.

— Может испугалась просто? — не поверила экстрасенс.

— Да нет, ты же знаешь, ее никто не видел, и не знал, кто на них смотрит, так что бояться нечего. Девчонке это объяснили. К тому же я психолога приглашал, с ней поговорили, успокоили и т. д и т. п.

— Ты хоть с ней обошелся должным образом? — заперезживала Яна, зная, сколь бесцеремонным может быть порой ее приятель.

— Не беспокойся, домой отвез, да еще мороженное купил! Жалко, знаешь ли стало... Дите совсем!

— Поздновато тебя пробрало! — ухмыльнулась Милославская. — И все-таки — может, она просто не вспомнила никого? — гадалке никак не хотелось верить в бесполезность проделанной работы.

— Вряд ли! Утверждает, что уверена на все сто в своих показаниях. Говорит, не видела никогда никого из этих мужчин.

— Ну она же не помнит!

— Говорит, чувствует! Сердце ей подсказывает!

— И все-таки... — настаивала на своем Яна.

— Забудь это! — перебил Три Семерки. — В девчонке я сам не уверен, но у них у всех есть алиби на то время. Это проверено.

— Гм... — промычала Милославская. — Это уже серьезно! — она

замолчала на минуту, обдумывая сказанное Руденко, а потом продолжила: — тем не менее, отказываться от других шагов по этому пути нельзя!

Семен Семеныч не стал перечить, потому что доказательства, которые могла привести гадалка на этот счет, интересовали его куда меньше, чем то, зачем она накупила такую кипу газет.

— Рассказывай скорее, чем таким интересным ты сегодня так была увлечена!

— Подожди, подожди, я думаю! — отмахнулась Яна, размышляя о пресловутом автомобиле цвета морской волны.

— Оставь это на потом! — Семен Семеныч брезгливо поморщился. — Я же не для того приехал, чтобы молчаливо созерцать твои раздумья!

— Ты прав! — Милославская кивнула. — Кофе?

— Давай, — согласился Руденко, — только с бутербродом, я голодный, как собака, — увидев, что гадалка собирается произнести какую-то фразу, он предугадал и опередил ее: — можешь не объяснять, знаю, что ничего съедобного в твоём холодильнике нет, поэтому и прошу только бутерброд, уж этим ты, по обыкновению, бываешь богата!

Накрывая на стол, Милославская принялась рассказывать приятелю о своём последнем видении и делиться полным недоумением.

— Да... Кхе-кхе-кхе, — засмеялся Три Семерки, выслушав, однако, до конца, — ну ты придумала! Здесь орудовал какой-то маньяк-извращенец, а ты хочешь повесить это на риэлтеров. Извини, но подобными забавами они не увлекаются! К тому же люди это обеспеченные, бабы им сами на шею вешаются, так что вряд ли они станут увозить двух девчонок за город, чтобы изнасиловать! Больше ведь с них взять нечего!

— Ты их прямо святыми представил! — возмутилась Яна.

— Нет, ну почему?! С криминалом они в последнее время в самых тесных отношениях, только не с таким, как этот! У них все замешано на бабках! Каждая сделка — просто деньги, криминальная сделка — большие деньги! Так что это просто не их стезя!

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовалась гадалка, — поподробнее об этом криминале!

— Какое это имеет значение?! — отмахнулся было Семен Семеныч.

— Возможно, самое прямое! В нашем деле любой факт может оказаться решающим, ты же знаешь...

Три Семерки молча согласился с подругой и поведал ей несколько свежих историй о недавних происшествиях такого рода, потрясших своей дерзостью город.

— Ну... — Руденко провел двумя пальцами по усам. — Начну с

самого примитивного. Обычным явлением является то, что при регистрации сделки продавец и покупатель по взаимному согласию, желая избежать налогов, в договоре указывают гораздо меньшую сумму, чем та, которая уплачивается в реальности.

— Естественно, — согласилась Яна, — так делает каждый второй, это всем известно. Люди не хотят делиться своим кровным с государством, которое и так их без конца нагревает.

— Затем, — продолжал Три Семерки, — тот, кто получил деньги сполна, заранее руководимый мошенническими интересами, подает в суд иск с просьбой признать сделку недействительной.

— На каком основании?

— О-ой! при желании наши бюрократы всегда найдут причину! Естественно, она тоже предварительно продумывается.

— Что же это может быть?

— Ну ты сама знаешь — для осуществления сделки нужна куча бумажек. Можно, например признать недействительным акт обследования жилищно-бытовых условий ребенка, который будет проживать в данном помещении. На нем должны стоять, если я не ошибаюсь три подписи, но чаще всего они делаются рукой одного человека, и никакого акта в действительности зачастую вообще не проводится. Бумажка дается и все. Учителям, допустим, или воспитателям, охота за свои копейки только из-за чьего-то перезда эти акты проводить?

— А покупателю-то это зачем? Он живет и радуется... — не поняла Милославская.

— Да это я так, к примеру говорю! Это к тому, что причину всегда отыскать можно! Слушай дальше. Как правило, по решению суда продавцу возвращается его квартира, а покупателю деньги. Но он получает сумму, указанную в договоре, а не действительную, доказать которую на тот момент невозможно. Как говорится, что писано пером... Так человек может остаться при ста семидесяти тысячах вместо уплаченных им двухсот пятидесяти.

— Хитро придумано! И в то же время как просто! — изумилась Милославская.

— Можно сказать гениально, — согласился Семен Семеныч, — а все гениальное просто! — А с залогами этими как мудрят!

— Как же? — гадалка по-прежнему не оставалась безучастной.

— Например, ты ищешь квартиру. Находится посредник. Он предлагает тебе неплохой вариант, однако, подставной. Как это всегда бывает, просит залог, к примеру, пять тысяч. Тебе, чтобы купить эту

квартиру, нужно продать свою. Тот же посредник-мошенник находит покупателя, являющегося также подставным лицом. Он дает тебе залог только три тысячи. Клянется, что больше пока нет. В день назначенной сделки взмыленный ложный покупатель твоей квартиры сообщает, что сделка сорвалась, платит тебе сумму, вдвое превышающую залог. Однако и покупка выбранной тобой квартиры срывается, и ты тоже должна уплатить удвоенную, к примеру, сумму. А поскольку данный тобой залог выше, пять ведь больше трех, ты в убытке, а мошенникам прибыль. Ты им ни за что ни про что платишь десять тысяч, а они тебе только шесть. В итоге — на лапе недобросовестного посредника четыре тысячи, заработанные без особого труда.

— Тоже недурно... — едва слышно проговорила гадалка, ошеломленная такой информацией.

— А что здесь удивляться? До сих пор находятся те, кого облапошивают, продав квартиру с невыписанными жильцами!

— Неужели? И что же за этим следует?

— Что? Невыписанный жилец утверждает, что обстоятельства его жизни резко переменились и переезжать ему некуда. На вопрос о деньгах он отвечает, что все уже потратил, но согласен выплачивать их частями из своей зарплаты. Ты, думаю, представляешь себе размер средней заработной платы у нас в городе. К тому же мошенник обычно предоставляет справку о мизерной заработной плате, получаемой им весьма нерегулярно.

— Я однажды читала в какой-то газете, что семье с двумя детьми пришлось проживать с невыписавшимся жильцом, так как ни им, ни ему пойти было некуда. Соответствующие органы ничего поделать не могли! Куда же смотрит правосудие? — недоумевала Милославская.

— Дело в том, что поскольку этот невыписавшийся не отказывается выплачивать деньги, то суду к этому всему придраться практически невозможно. По существующим законам из зарплаты можно высчитывать не более тридцати процентов, поэтому возвращать утраченное обманутый покупатель будет до самой смерти.

— Ловко, ничего не скажешь! Обводят вокруг пальца простых людей, отдающих, возможно, последнее, — задумчиво произнесла Яна.

— Я бы не сказал! — Руденко отрицательно покачал головой. — Вернее так бывает часто, но нередко на удочку попадают и сильные мира сего, то есть люди довольно деловые и осведомленные.

— Неужели?

— Угу, — Семен Семеныч почесал в затылке и принялся, наконец, пить кофе, который уже давным-давно остыл.

Яна молча делала то же самое, хотя и предпочитала только горячий напиток. Однако, погруженная в задумчивость, сейчас она не отдавала себе в этом отчета.

— Так что, милая моя, — вставая из-за стола, добавил через некоторое время Три Семерки, — ты смотришь не в ту сторону и напрасно теряешь время. Агентства по недвижимости не могут иметь к этому никакого отношения.

У Яны возникала как-то мысль, что, вероятно, в преступлении замешана не вся фирма в целом, а какой-нибудь ее работник в частности. Но теперь, после последнего видения, какое-то внутреннее чувство подсказывало ей, что следует присмотреться именно к риэлтэрству и что дело Валерии Вершининой гораздо серьезнее и запутанней, чем это кажется на первый взгляд. Молчаливо согласившись с Руденко, она, тем не менее, не отказалась от своего мнения и по-прежнему верила в правильность пути, подсказанного картами.

Семен Семеныч уже обувался, и Яна, только что очнувшись от своих мыслей, бросилась к порогу. Джемма, как полноправный член семьи, стояла рядом с гостем и энергично повиликала хвостом.

— Там открыто? — Три Семерки кивнул на калитку.

— Нет, я провожу, — ответила Милославская.

Когда она отодвигала засов, ее вдруг осенило:

— Сема! Подожди пять минут! У меня дело, не требующее промедления! В городе. Подкинешь?

— Вот ненормальная, — дружески посмеиваясь протянул Руденко, — покоя не знаешь! И чего тебе на месте не сидится? Опять небось какая-нибудь бредовая идея в голову пришла!

— Ну так ты подождешь? — с нетерпением спросила гадалка.

— Куда ж я от тебя денусь? Только давай быстро!

— Слушаюсь, товарищ капитан! — Яна кинулась назад в дом и принялась собираться.

Она решила облачиться в ту же одежду, в которой была утром, причесалась, подкрасила губы и побежала к выходу, так как и без того нетерпеливый Руденко, наверное уже проклинал ее.

— Вот и я! — заявила она, усаживаясь в машину.

— Это можно сравнить с явлением Христа народу! Тебя только за смертью посылать!

— Семен Семеныч! Хватить причитать, я даже глаза не накарсила!

— Итак красивая, — отрезал Руденко и нажал на газ.

В планы Милославской входило посещение какого-нибудь

«Интернет-центра». Там, на одном из сайтов она надеялась найти информацию, более исчерпывающую, чем та, которую предоставил ей приятель. Желание присмотреться к квартирному предпринимательству разгоралось в ней все сильнее и сильнее, а Семен Семеныч вряд ли бы стал давать еще какие-то объяснения, так как он был на сто процентов уверен в том, что Яна ошибается. Судьба совсем юной девушки и деятельность бизнесменов-хищников в его понятии являлись несовместимыми категориями.

— Признайся, — хитро улыбаясь, обратился к подруге приятель, — куда ты так спешишь?

— На свидание, — даже не подумав, как-то автоматически выпалила гадалка.

Три Семерки присвистнул и после этого всю дорогу молчал.

* * *

Яна открывала сайт за сайтом. Она пыталась найти что-то, могущее иметь связь с расследуемым ею делом или, по меньшей мере, относящееся к риэлтэрской деятельности. Около получаса прошли для нее абсолютно безрезультатно. Гадалка было совсем отчаялась, но внезапно она напала на подборку статей под названием «В сетях квартирных аферистов». Название заинтересовало ее и, внутренне собравшись, она принялась изучать ее.

Как и в разговоре с Руденко на эту тему, здесь все начиналось с самого примитивного, давным-давно всем известного из личного опыта или опыта знакомых, из средств массовой информации и т. д. Тем не менее, мошенники продолжали действовать по этой схеме, находились люди, с легкостью ловившиеся на такой крючок, поэтому Милославская не обошла вниманием эти сведения.

Самым общеизвестным назывался способ продажи одной квартиры нескольким людям одновременно. Яна попыталась в эту схему вписать причастность Ирины и Валерии, но у нее ничего не вышло. Тот же результат был после изучения следующего примера, сообщавшего об элементарном применении фальшивых документов. При помощи ненастоящих бланков и печатей в таких случаях оформлялся липовый договор купли-продажи, естественно, что следствием этого были долгие и безуспешные попытки несчастного покупателя по предъявлению прав на чье-то жилье. Для осуществления аферы подобного типа преступники обычно снимают квартиру на короткий срок, и, пока ее хозяин где-нибудь

отсутствует, продают ее по фальшивым документам.

Этот пример несколько не удивил гадалку, поскольку такие случаи были довольно распространенными в городе и известными каждому, мало-мальски имеющему отношение к продаже недвижимости.

Много еще чего вычитала здесь гадалка. Однако, судьба Валерии никак не связывалась ни с одной из этих историй. Тем не менее она просидела за работой довольно долго, так как прежнее чувство правильности намеченного пути так и не покидало ее. Милославская на всякий случай сделала множество пометок в своем блокноте. Она устала, разболелась голова, поэтому «Интернет-центр» пришлось покинуть.

Остановив такси, Яна договорилась с водителем о месте назначения и цене, и, плюхнувшись в машину, продремала всю дорогу до дома.

— Что? — испуганно ответила она сонным голосом, когда шофер в очередной раз спросил ее о том, куда ехать дальше.

Они уже были в Агафоновке, и до дома гадалки оставалось совсем недалеко, просто таксист не знал названной улицы и ему пришлось разбудить странную пассажирку.

— Куда дальше? — с улыбкой повторил мужчина.

— Да тут рядом, — торопливо заговорила экстрасенс, — вверх по улице.

Через пару минут она была на месте. Поблагодарив водителя и расплатившись с ним, Милославская, сонная и уставшая, прошла в дом, покормила Джемму и, не раздеваясь, плюхнулась на кровать.

* * *

Поезд мчался прямо навстречу Милославской. Она стояла у него на пути, на рельсах, смотрела на тепловоз и не могла двинуться с места. Яна пыталась кричать, но, хотя рот и открывался, не раздавалось ни звука. Она так же тщетно пыталась сойти с места — ноги ее не слушались. Когда состав оказался буквально в нескольких метрах от нее, он дико загудел, и от этого сигнала гадалка проснулась.

Яна сразу села на постели. Ее сердце часто билось. Гадалка провела рукой по лбу — на нем выступили капли пота. Милославская глянула на часы и обнаружила, что проспала довольно долго. Она заторопилась быстрее подняться и продолжить работу. Посмотрев на себя, она вспомнила, что не раздевалась вчера, наверное, поэтому ей и снились всю ночь ужасы. Хотя можно было в них увидеть и предупреждение

надвигающейся опасности.

Чтобы избавиться от неприятного тяжелого чувства, навеянного сном, Яна приняла душ и по традиции стала готовить кофе, всегда приносивший ей бодрость и хорошее настроение. Гадалка посмотрела на джезву и брезгливо поморщилась: на ней застыли пригоревшие капельки кофе, стремящиеся когда-то вырваться из посуды. Чтобы не портить приятные ощущения, вызываемые всегда ежедневной процедурой принятия этого напитка, Милославская решила начистить джезву до блеска. Она поставила ее в раковину и обильно посыпала эффективным импортным чистящим порошком для серебра. Посмотрев на упаковку, экстрасенс вслух прочла:

— «Пождать пять минут». Хорошо, так и сделаем.

В глаза ей бросилась сумочка, которую она небрежно обронила в прихожей вчера, когда вернулась. Яна подняла ее и стала заботливо выкладывать содержимое, в числе которого, конечно, оказались и карты.

— Вопросов у меня к вам много, — с нежностью проговорила она, будто общалась с живым существом, — даже больше чем было.

С этими словами гадалка уселась за стол и разложила перед собой все карты. Первым оказался «Взгляд сквозь оболочку». Она вспомнила о минувшем видении и подумала, что неплохо было бы, если б эта карта еще раз явила ей объявления о продаже недвижимости и более конкретно дала понять, на чем следует сосредоточить внимание.

Милославская, смешав все остальные, поближе подвинула «Взгляд сквозь оболочку» и накрыла его ладонью. Она думала о Валерии и всем том, что с ней произошло. Видение началось внезапно и довольно быстро. Только принесло оно гадалке совсем не то, что она ожидала.

Где-то в тумане показались силуэты двух молодых людей. Они виднелись смутно, однако, то что фигуры являлись мужскими, различалось без особого труда. Яна не могла понять, где находятся эти объекты: дома, на улице, в общественном месте, — все вокруг них застилала пелена. Зато каждая деталь одежды мужчин просматривалась настолько хорошо, будто лежала на прилавке магазина перед придирчивым покупателем. К несчастью, о лицах этого нельзя было сказать. Гадалка различала их смутно. Тем не менее отдельные черты Яне запомнились достаточно ясно.

Видение погасло. Оно было коротким, но достаточно емким по содержанию. Милославская запуталась еще больше: теперь ее мысли вращались вокруг трех деталей: машины цвета морской волны, объявлений в газете и силуэтов двух незнакомцев, присоединившихся ко всему этому совершенно неожиданно. Каким бы печальным это не являлось, с течением времени вопросы по делу Валерии Вершиной не сокращались, а,

наоборот, прибавлялись. В принципе, три эти факта можно было как-то связать между собой, но не нашлось еще тех деталей, которые превратили бы обрывочные сведения в логическую цепочку.

Единственной свидетельницей по-прежнему оставалась Валерия. Сейчас Милославская имела, что ей сказать, да и девушка нуждалась в поддержке и успокоении после очной ставки. Поэтому Яна решила побыстрее развязаться с домашними делами и мчаться вновь в центр города, к Вершининой.

Забытая джезва лежала в раковине, а гадалка, увлеченная раздумьями, искала ее по всем шкафам и вслух ругала себя за несобранность. Потом, наконец, взгляд ее упал на раковину, и она, увидев искомое, расхохоталась. Порошок давно разъел все пятна, и Яне осталось только протереть посудину тряпочкой и приготовить в ней кофе.

Через некоторое время экстрасенс уже наслаждалась напитком и обдумывала предстоящий разговор с Валерией. Подробным рассказом о своем видении она наделась вновь пробудить в девушке воспоминания, хотя бы смутные. Хорошо было бы, если имеющиеся факты, машина и эти парни, например, оказались взаимосвязанными. По мнению Милославской процесс воспроизведения различных деталей в памяти в таком случае обещал оказаться более легким, поскольку Валерия кое-что уже вспомнила.

Джемма, по виду хозяйки понимающая, что та опять куда-то собирается, глядела на Яну и тихо поскуливала. За вчерашний день она истосковалась в одиночестве, поэтому мысль вновь остаться без Милославской, в четырех стенах, казалась ей, наверное, ужасающей.

— Ну что ты, Джемма? Успокойся, — ласково обратилась гадалка к любимице.

Однако та продолжала свое многозначительное поскуливание и безотрывно смотрела на хозяйку.

— Между прочим, — с притворной сердитостью заметила Милославская, — ты мне мешаешь думать!

Джемму это замечание нисколько не тронуло, и она продолжала придерживаться выбранной линии поведения.

— Ну что ж... — Яна встала из-за стола. — Так и придется брать тебя с собой! И в кого ты такая настырная?

Собака тут же пулей бросилась к порогу и энергично завиляла хвостом. Милославская около получаса потратила на сборы, после чего, наконец, порадовала овчарку выходом на улицу. Дойдя до более оживленной дороги, гадалка поймала такси. К счастью, на этот раз водитель не чинил никаких препятствий к провозу собаки, возможно

потому, что Яна, наученная горьким опытом, сразу заявила, что за провоз собаки заплатит.

Доехав до нужного места, она сразу направилась к Вершининым, зная на этот раз место расположения их дома и квартиры. Она опять застала только Валерию.

— Вы? — встретила она гадалку тем же вопросом, что и в прошлый раз.

— Я.

— Заходите скорее, мне столько надо вам рассказать! Это было так ужасно!

Дальше последовал поток возгласов и реплик о минувшей очной ставке. Валерия делилась своими чувствами и переживаниями столь эмоционально, что даже расплакалась, и Милославской пришлось ее успокаивать. Джемма, очутившись в квартире, тут же приютилась в углу, у порога, и мирно дремала там все время, пока ее хозяйка здесь находилась, так что присутствие собаки не создавало никаких препятствий к общению.

— Ничего-ничего, — твердила гадалка, — теперь все это позади. Кстати, а где Наталья Евгеньевна?

— На работе.

— Она знает об этом?

— Конечно. Я ей сразу же рассказала.

— И как она восприняла новость? — поинтересовалась Яна, беспокоясь о том, что клиентка может оказаться недовольной столь крайними мерами или своим полным неведением.

— Как-как? Каждой матери жаль своего ребенка. Плакала, конечно...

Яна помолчала немного и приступила к запланированному разговору:

— Помнишь, ты прошлый раз кое-что вспомнила?

— Д-да, — судя по виду, девушка не могла понять, к чему клонит гадалка.

— Я надеюсь это случится и сегодня. Я опять гадала.

— И что? — Валерия заметно оживилась.

Милославская в мельчайших деталях описала Вершининой увиденное. Она коснулась всего, даже цвета пуговиц на пиджаке одного из парней. Лица, как уже было сказано Яна так хорошо не видела, но, тем не менее, о цвете волос, стрижке и других мелочах, она смогла Валерии сказать.

Девушка отрешенно смотрела в одну точку, и по лицу ее невозможно было определить, какие чувства она сейчас испытывает.

— Валерия, — осторожно позвала Милославская.

— Что? — меланхолично ответила Вершинина.

— Тебе не кажется это знакомым? Хотя бы детали? Печатка на мизинце... Оторванная нижняя пуговица...

— Кажется, — тем же тоном произнесла Валерия, — этим-то оно и ужасно, что кажется знакомым.

— Продолжай, продолжай скорее, — Яна встала и взволнованно заходила по комнате.

Девушка молчала. Посмотрев на нее, Милославская тоже тихо села на свое место и перестала задавать вопросы. По лицу Вершининой не трудно было угадать, что в ее мозгу идет напряженная мыслительная деятельность.

— Знаю, — прошептала, наконец, Валерия. — Я их знаю!

— Кто они? — тоже шепотом спросила гадалка.

Лера пожала плечами.

— Помню себя в машине. Как в тот раз, понимаете? И они с нами. Один за рулем, один рядом, на соседнем сиденье. Они хорошие.

Девушка замолчала.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Милославская.

— Вежливые. По разговору всегда можно узнать, что из себя человек представляет.

Яна весьма скептически относилась к тем меркам, какими мерят современные девицы своих потенциальных избранников. Однако, она решила выяснить у Вершининой все подробности, восстановившиеся в ее памяти.

— И что же они из себя представляют? — спросила экстрасенс.

Девушка постепенно оживилась и стала отвечать на вопросы более внятно.

— Помню, как один из них предложил коньяк. Дорогой очень.

— Почему дорогой? Он цену назвал?

— Нет. Бутылка была в упаковке, какую редко на наших прилавках увидишь. Я в этом немного разбираюсь. Дедушка коллекционером был.

Валерия вновь замолчала.

— Ясно... — Яна тяжело вздохнула, — в общем, они оставили о себе хорошие впечатления. Это твои друзья?

— Не знаю, Яна Борисовна не знаю! Не помню! Ничего не помню! И не верю, что вспомню!

— Но ты же вспоминаешь!

— Что вспоминаю-то? Ерунду всякую! Разве она в чем-то может помочь?

— Пока нет, но со временем может обнаружится важность твоих воспоминаний, — успокаивала Милославская.

В соседней комнате зазвонил телефон. Валерия, задумавшись, не реагировала.

— Валерия, звонят, — Яна потрясла собеседницу за плечо.

— Слышу, — ответила та и, не торопясь, побрела к телефону.

Милославской хорошо было слышно, как Вершинина сняла трубку и вслед за «Алло» послышались ее восторженные возгласы приветствия. Через минуту она забежала в комнату, где оставалась гадалка и взволнованно произнесла:

— Яна Борисовна, подождите пожалуйста, это бабушка!

Судя по нежной интонации, с какой разговаривала Валерия с бабушкой, их разговор обещал быть долгим. Однако, свою беседу с девушкой гадалка считала незаконченной, поэтому она все же решила дождаться Леру. От нечего делать Яна стала глядеть по сторонам, пристально изучая интерьер небольшой, но очень уютной комнаты. Она надолго залюбовалась галереей живых цветов, расположенных на специально предназначенной для этого этажерке. Все они были в керамических горшочках одного типа, но разных тонов: голубого, нежно-розового, зеленоватого. Здесь соседствовали фиалки, глоксинии, карликовый спатифиллум, небольшой фикус, диффенбахия. Рядом, на журнальном столике, в беспорядке были разбросаны средства, которые, вероятно, способствовали более эффективному уходу за растениями: распылитель, маленькая желтая леечка, флакон с каким-то жидким удобрением, цветной гравий в прозрачной стеклянной банке.

Взгляд Милославской случайно упал на нижнюю полку этого журнального столика, сплошь заваленную газетами. Она решила достать одну из них и полистать, чтобы убить время. Газеты были набиты плотно, поэтому, потянув верхнюю, Яна нечаянно вывалила на пол целую стопку. Сев на корточки, гадалка торопливо собрала все, села на кресло и стала просматривать корреспонденцию. Сверху лежали несколько номеров районной газеты «Большая река». Название показалось Милославской незнакомым и заинтересовало ее. Однако, пробежав глазами первую же страницу, она убедилась в полной никчемности и безынтересности содержащейся в ней информации. Здесь, как в старые, но отнюдь не добрые времена, с ложным подобострастием расписывались достоинства руководящих органов, восхваляемая работа которых на деле оказывалась реальной очень редко.

Яна отложила все газеты с этим названием в сторону и стала просматривать стопку дальше. Валерия продолжала увлеченно беседовать по телефону, наверное, позабыв, что ее дожидается гостья. Гадалка

пролистав пара номеров красочных молодежных журналов, приобретенных, очевидно, Валерией, и тоже отложила их, так как они предназначались для особ юного возраста и потому Милославской оказались неинтересными.

Наверху оказалась газета, развернутая посередине. Представшие страницы показались экстрасенсу до боли знакомыми. Ее сердце бешено заколотилось. Посмотрев на второй лист, она неожиданно обнаружила объявление следующего содержания:

1На высокооплачиваемую работу (1–2 часа в день) требуются две 1девушки не младше восемнадцати лет. Требования: внешние 1данные, коммуникабельность, энергичность, ответственность.

Мысли бешеным потоком стали проноситься в голове гадалки. Сначала она принялась ругать себя за игнорирование этой части своего видения: ведь именно она и оказалась имеющей смысл, все ее исследования агентств по недвижимости теперь являлись бесполезными. Опомившись, Яна поняла, что глупо сейчас тратить на это время. Дрожащими руками, она достала из сумочки записную книжку и стала переносить в нее номера указанных телефонов, адрес и сам текст объявления. Буквы выходили корявыми, а слова неразборчивыми, однако это в данный момент не имело значения.

Из соседней комнаты слышались слова прощания, и Милославская стала прятать записную книжку назад в сумку. Руки не слушались ее, блокнот два раза падал на пол, и, в конце концов помяв несколько страниц, Яна все же спрятала его. Газета все еще оставалась у нее в руке, хотя уже слышны были приближающиеся шаги Валерии. Гадалка схватила в охапку все остальные издания и стала тискать их в стол. Однако, торопливость только повредила ей: газеты и журналы с громким шелестом посыпались на пол.

— Что это? — смеясь спросила Валерия, представшая в дверях комнаты.

Настроение ее резко переменилось в лучшую сторону, очевидно, она поддерживала с бабушкой искренние дружеские отношения.

— Это газеты, — с глупой улыбкой ответила Милославская. — Я просматривала, пока ты говорила. И вот видишь... Посыпались... — Яна пожала плечами.

— Ничего страшного, — девушка махнула рукой, — оставьте, я уберу.

— Да я сама уберу, — настойчиво произнесла Яна.

Вершинина удивленно посмотрела на нее и опустилась в кресло. Боязливо оглянувшись на девушку и убедившись, что та задумчиво глядит

в сторону, гадалка быстро засунула газету с объявлением между какими-то журналами и более спокойно и даже аккуратно стала укладывать на место остальное.

— Бабушка такая удивительная! — с улыбкой на лице отрешенно проговорила Валерия.

— Что? — переспросила Яна, не расслышавшая вопроса, но девушка ей даже не ответила, думая о своем.

Милославская встала, одернула одежду и, кашлянув, обратилась к Вершининой:

— Ну что ж, мне пора!

— Так скоро? — удивилась Валерия. — Мы же еще не поговорили...

— Не хочу тебе надоедать....

— Что вы! Не говорите ерунды! — возразила девушка.

— Нет-нет, мне пора. Я совсем забыла, что у меня назначена встреча! — как бы опомнившись воскликнула гадалка.

На самом деле она, конечно, говорила неправду. Просто новая информация свалилась на нее, как снег на голову, а делиться ей с Вершининой она пока не собиралась, поскольку та и так была излишне травмирована последними событиями. Беседу с Валерией Милославская отложила на потом, а пока заторопилась убраться из ее дома, чтобы обдумать произошедшее и начать действия в новом направлении. Такого поворота событий она не ожидала, поэтому ей сейчас трудно было собраться с мыслями. Валерия, возможно, почувствовала что-то неладное, но она, скорее, отнесла это к обиде гадалки на ее слишком долгую беседу по телефону.

— Вы извините, если что не так, — виновато говорила она экстрасенсу, когда та уже перешагнула порог квартиры.

— Не думай об этом, — успокаивала ее Яна, — все в порядке. У меня на самом деле срочное дело.

— Какая вы деловая женщина! — дружески посмеиваясь, сказала Валерия.

На этом женщины распрощались. Спускаясь по лестнице, Милославская тщательно анализировала все имеющиеся факты. Поскольку печальная трагедия с Вершининой и ее подругой произошла совсем недавно, можно было надеяться, что причина объявления еще имеет силу. То есть на ту работу, о которой в нем говорилось, пока требуются люди. Во всяком случае сейчас еще обращение по этому вопросу не выглядело глупо. Именно это подтолкнуло гадалку ехать по указанному в газете адресу прямо сейчас.

Вспомнив текст объявления, вернее, требования, предъявляемые в нем кандидатам, Милославская подумала, что, возможно, она будет выглядеть слишком самонадеянно, поскольку, хотя она и была еще молода, называть себя девушкой ей раньше не приходило в голову. Тем более объявления такого рода всегда предполагали наличие внешности, близкой к той, какую можно увидеть на обложках журналов. Впрочем, воспоминание о комплиментах, которыми ее щедро одаривали знакомые и незнакомые мужчины, взбодрило гадалку и придало ей уверенности в себе. Представив себя стоящей перед оценивающим взглядом потенциального шефа, она улыбнулась и вслух сказала:

— М-да... Бывает и хуже!

Мимо по случайности проходила ярко размалеванная девица лет шестнадцати, у которой из-под едва прикрывающей ягодицы курточки виднелись тоненькие, далекие от идеальных, ножки, обтянутые черными капроновыми колготками.

— Ч-че-о? — хриплым, прокуренным голосом гаркнула она.

Яна, даже не поняв в чем дело, уставилась на девицу с вопрошающим взглядом.

— Да ты на себя посмотри! — не менее вызывающим тоном протянула та.

— Что? Что-то не так? — наивно произнесла гадалка, оглядывая себя с ног до головы.

— Да у тебя все не так! — по-блатному растягивая слова, прогнусавила девица.

Вслед за этим она более пристально оглядела Милославскую и, видимо не найдя подтверждения своим словам, перепрыгивая сразу через две ступеньки, пустилась вверх по лестнице. Яна, так и не поняв, что случившееся было вполне предсказуемой реакцией на случайно произнесенную ей фразу, стояла в недоумении. Джемма, уловив несколько агрессивный тон беседы, оскалилась и принялась рычать.

— И чем я ей не угодила? — хмыкнув, произнесла гадалка, глянув на собаку, и двинулась вперед.

Выйдя на тротуар, она издалека увидела приближающуюся желтенькую «Волгу»-такси и бросившись к дороге, замахала рукой.

— Пожар? — иронично спросил водитель остановившейся машины, выглянув из окна.

— Что-то вроде того, — тем же тоном ответила Яна, усаживаясь на переднее сиденье.

— Куда прикажете? — посерьезнев, обратился к Яне таксист.

Милославская достала блокнот, открыла его на странице, оставшейся заложённой наспех брошенной авторучкой, и с трудом разбирая собственный почерк, прочла: «Топорковская, 177».

— Возле Агрономического техникума что ли? — спросил водитель.

— Вроде, — ответила Милославская, — в общем-то, я не знаю точно.

Топорковская была одной из центральных улиц, и Яна, конечно, знала ее месторасположение, однако указать нахождение дома под конкретным номером являлось довольно сложным. Впрочем через несколько минут езды оказалось, что водитель был прав в своих предположениях. Машина, прошмыгнув мимо Агротехникума, со скрипом затормозила возле сто семьдесят седьмого дома, оказавшегося старым, но довольно большим зданием со множеством темных узеньких коридорчиков, похожих на перепетии лабиринта.

— Благодарю, — произнесла Милославская и протянула таксисту назначенную им сумму.

— Всего хорошего, — хитро прищурившись, ответил тот. В его взгляде легко читалась мгновенно вспыхнувшая симпатия к Милославской, и, наверное, если бы не работа, он был бы не прочь пофлиртовать с нею.

Гадалка с минуту простояла на тротуаре перед зданием, подняв голову и окидывая его изучающим взглядом. При беглом осмотре казалось, что оно еще довольно прилично на вид, но стоило присмотреться, как в глаза начинала бросаться местами осыпавшаяся штукатурка, обнажавшая серые неприглядные пятна. Рамы давным-давно никто не красил, а стекла не мылись, наверное, уже несколько лет, и сквозь них трудно было различить лицо человека, даже если он пристально смотрел на улицу. Тем не менее по своей архитектурной ценности этот дом мог посоперничать со многими другими, это-то и задержало Яну возле входа.

Она оставила Джемму в нескольких метрах от порога, с трудом открыла тяжелую металлическую дверь и ступила на серый мраморный пол, от которого необыкновенно веяло холодом. Отопительный сезон еще не начался, и воздух внутри был каким-то сырым и тяжелым. В общем, первые впечатления гадалки, произведенные на нее этим заведением, являлись далекими от приятных.

Увидев перед собой широкоую железную лестницу с массивными деревянными перилами, Яна уверенно двинулась вперед.

— Дамочка! Дамочка, вы куда? — услышала она вслед чей-то скрипучий голос.

— Мне в сто тридцатую комнату, — виновато произнесла Милославская, понимая, что переоценила свои права.

— А документы, моя милая, кто же предоставлять будет? Пропуск есть? — из маленького окошка остекленной вахтерской будки высунулась голова, усеянная многочисленными мелкими седыми кудряшками, между которыми откровенно блестела лысина. Подойдя поближе, Милославская уловила запах химического состава «Локон» используемого обыкновенно в парикмахерских для искусственных завивок. Очевидно, старушка приступила к исполнению служебных обязанностей сразу же после посещения Салона Красоты.

— Пропуска нет, — гадалка вздохнула.

— Ну... паспорт тогда предоставьте, моя дорогая, — проскрипела бабуля, так и не убирая свою физиономию из окошка, в котором она, казалось, могла застрять навсегда: настолько оно было маленьким.

Милославская принялась рыться в своей сумочке. Документов, удостоверяющих ее личность, там не оказалось.

— Ох, у меня и нет ничего, — приняв глубоко разочарованный вид, произнесла Яна. — Но мне очень-очень надо туда попасть! Что же других способов не существует?

— Каких? Кхе-кхе-кхе... — вахтерша ядовито ухмыльнулась. — Честного слова что ли?

— Ну... — Милославская не находила, что сказать.

— Идите, записывайтесь, — старуха вздохнула и, ловко изогнув шею, просунула голову назад, в будку. Очевидно, это движение давно вошло у нее в привычку. — Ходят тут, ни документов у них, ничего! Анархия! Никакого порядку! — ворчала вахтерша, доставая из стола пухлый засаленный журнал учета посещений.

— Что писать?

— Я еще ей буду объяснять, что писать! — еще более возмущенно воскликнула старуха. — Женщина, вы что, первый раз что ли?

— А что, первого раза разве не бывает? — Яна от спокойствия преходила в контрнаступление.

— Ну смотрите тогда, что другие пишут! Каждому объясни, расскажи! А голова-то ваша для чего?!

Милославская глянула на соседние записи и, ориентируясь на них, указала дату, фамилию, время прихода в здание и поставила свою подпись. Вахтерша выдернула у нее журнал, едва-едва дав ей закончить запись. С трудом сдерживая взрыв справедливого возмущения, гадалка вздохнула и стала подниматься по лестнице. Ей пришлось немало попетлять о коридорам, пока она не оказалась перед дверью с нужным номером. Дверь была закрыта, но за ней слышались голоса и звуки работающей

оргтехники.

Милославская немного постояла, раздумывая, а затем, стукнув тихонько в дверь несколько раз, приоткрыла ее. Никто не обратил на это внимания, из чего не сложно было понять, что посетители здесь явление частое. Яна шагнула внутрь и закрыла за собой дверь. Работники, вернее, работницы, по-прежнему занимались каждая своим делом.

— Добрый день! — тогда громко сказала Яна. — Я по объявлению.

После этих слов в комнате воцарилось молчание, и женщины любопытно уставились на нее.

— Молодая, коммуникабельная и все такое прочее, — заявила гадалка. Глаза присутствующих округлились.

— С приятной внешностью, — добавила Милославская.

— Ну это мы видим, — из кабинета, смежного с этим офисом, показался высокий молодой мужчина, — только мы не можем понять, нам она зачем?

— Что? — не поняла Яна.

— Приятная внешность, — потирая указательным пальцем у виска и с трудом сдерживая улыбку, произнес мужчина.

— А вам что, — парировала гадалка, — неприятные нужны?

— Кто?

— Ну эти... коммуникабельные, энергичные, ответственные... — голос Милославской с каждым словом становился все тише, поскольку она начинала понимать, что попала в смешное положение.

— Женщина, вы по какому вопросу? — наконец, спросила одна из сотрудниц, которую, по-видимому этот бестолковый разговор отвлекал от какой-то важной работы.

— По объявлению, — задумчиво и с чувством самоиронии произнесла Яна.

Ей пришлось объяснить цель своего визита и даже зачитать из блокнота текст объявления и адрес работодателя.

— А-а-а! — понимающе протянул мужчина. — Это не к нам!

— А к кому? — удивилась гадалка.

— Дело в том, что вы немного припоздали.

— Что нашли уже?

— Да нет! Послушайте! — мужчина повысил голос. — Мы в этом офисе всего пару дней. Новенькие, понимаете? — он говорил теперь с Милославской как с ребенком или как с человеком до которого долго доходит.

— Понимаю...

— Что здесь было до нас, и кто им требовался — понятия не имею. Впрочем, я не уверен, что это объявление к ним относится, просто предполагаю.

— То есть... — задумчиво проговорила гадалка. — Вы совсем недавно арендовали этот офис и к авторам объявления не имеете никакого отношения? — Яна закончила начатую фразу с необыкновенным чувством разочарования.

— Совершенно верно, — обрадованный скорым выводом Милославской, мужчина одобрительно закивал головой. Все остальные в этот момент вновь приступили к той работе, которая по вине Яны ими была прервана.

— Да... Это новая проблема... — гадалка вздохнула.

— Да вы не переживайте! — мужчина бросился ее успокаивать. — Для таких, как вы, работа всегда найдется. Вы же сами сказали: «Коммуникабельная»...

Яна не дала незнакомцу договорить и, чтобы еще раз убедиться в правильности своих предположений, спросила:

— Так вы не знаете своих предшественников по этому помещению?

— Нет!

— А чем они занимались, или хотя бы как называлась их контора?

— Нет, я этим даже не интересовался.

— Извините, — сказала Милославская и вышла из комнаты. Мужчина, выглянув в коридор, долго еще с сочувствием смотрел ей вслед.

Спускаясь по лестнице, Яна раздумывала о том, кто бы мог посвятить ее в интересующую информацию. Первое, что пришло ей в голову — беседа с не слишком радушной и доброжелательной вахтершей. Надежд на нее, конечно было мало, однако попытаться стоило. На данный момент это был самый быстрый способ получения сведений.

Услышав знакомый голос, Яна подошла к перилам и, свесившись, посмотрела вниз. Вахтер разговаривала с неизвестно откуда взявшимся охранником в сизо-серой пятнистой форме. На плече у него была черная эмблема, на которой ярко-желтыми буквами значилось: «Бюро охраны „Стальные ворота“», из чего, собственно, гадалка и поняла, кем является этот молодой человек.

Перебросившись с сослуживицей парой фраз, он уселся в черное крутящееся кресло и взялся за принесенные распространителями свежие бесплатные газеты, содержащие, в основном, рекламные объявления. Гадалка миновала лестницу и остановилась буквально в метре от вахтерской будки. Старушка не обращала на нее внимания, хотя не могла не

видеть, что перед ней стоит человек. Яна решила говорить напрямик, и сходу заявила:

— Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Вы не уделите мне минуточку внимания?

— А разве я вам его сегодня недостаточно уделила? — проскрипела вахтер, так и не поднимая глаз на Милославскую.

— Да, вы были очень любезны, — с трудом пересилив себя, сказала гадалка. — Но предполагаемый разговор касается другого: я веду частное расследование.

— Это становится интересным... — гнусавым голосом произнес молодой охранник, от нечего делать прислушивающийся к разговору.

— Да, расследование частное, назависимое, — повторила Милославская.

Старушка недоверчиво посмотрела на гадалку, а потом перевела вопрошающий взгляд на охранника.

— И что бы вы хотели услышать от нас? — с некоторой иронией в голосе спросил парень.

— Подожди, подожди, Валера! — перебила его старушка. — Надо выяснить все обстоятельства. Что за расследование? По какому делу? Кто вы вообще такая?

— Я — Яна Борисовна Милославская, экстрасенс. Помогаю людям тогда, когда действий милиции оказывается недостаточно.

— Хм, — ухмыльнулась вахтер, — так вы против милиции? Умнее их? Интересно-интере-есно...

— Нет, почему же? — стараясь не обращать внимания на саркастические нотки возразила Яна. — Я очень тесно сотрудничала и сотрудничаю сейчас с капитаном милиции Семеном Семенычем Руденко. Просто иногда обстоятельства складываются так, что людям требуется дополнительная независимая помощь.

— И что это за ситуация на этот раз? — все так же иронично поинтересовался охранник.

Милославской пришлось вкратце рассказать печальную историю, произошедшую с Валерией и Ириной, не утаив самых ужасающих ее подробностей. Выражение лиц ее слушателей в процессе разговора постепенно менялось, и в конце концов, на них не осталось и следа иронии и предвзятой недоброжелательности.

— Итак, — продолжала Милославская, — мне во что бы то ни стало надо узнать, какая фирма арендовала сто тридцатую комнату до тех, кто там сейчас находится.

— Это какая сто тридцатая, Валера? — вахтер вопросительно посмотрела на парня. — Возле БТИ что ли? На втором этаже?

— Угу, — закивал головой охранник.

— О-о-ой... — разочарованно протянула старушка. — Да это комната у нас невезучая какая-то.

— Как это? — не поняла Яна.

— Да там «постояльцы» без конца меняются! Одни обанкротились, других лицензии лишили, третьих... уж и не помню чего. В общем, мы к переездам из сто тридцатой уже давно привыкли и даже перестали обращать на них внимание. Воспринимаем как закономерность. Несерьезные они какие-то.

— А сейчас там кто? — спросила Яна.

— Не знаю кто. Новенькие! — ответила вахтер, опередив Валеру.

— Да меня, собственно, не они интересуют, а их предшественники, — поправилась Милославская. — Кто они?

— А с этими, если я не ошибаюсь, Ада Михайловна, — охранник посмотрел на вахтершу, — дело обстоит еще хуже. Проработав здесь несколько дней, они съехали.

— Да-да... — Ада Михайловна задумалась, как бы припоминая что-то. — Да, так и было.

— Но чем они хотя бы занимались? — спросила гадалка, которой не хотелось терять надежду.

— Уж чего не знаем, того не знаем, — старушка развела руками. — Они как мгновенно появились, так мгновенно и исчезли. Даже документы соответствующие нам предоставить не успели. Валер, были списки?

— Да какие списки! — тот махнул рукой. — Другие обычно недели две раскачиваются, а эти ничем не лучше!

— А о каких списках речь? — поинтересовалась гадалка.

— Ну как же! — возмущенно воскликнула вахтер. — Пока мы в лицо всех сотрудников не запомним, мы обязаны проверять у них пропуска и сверять их фамилии с теми, которые должны быть указаны в предоставленном списке сотрудников! А у этих, съехавших, не было не то что списков, но и пропуска они не успели оформить!

— А они, как я, записывались? — спросила Милославская.

— Должны! — Ада Михайловна выдвинула ящик своего стола и достала оттуда знакомый Милославской журнал.

Там на самом деле содержалось несколько записей, оставленных посетителями сто тридцатой комнаты. Однако, глянув на них, Яна сразу же поняла, что они вряд ли чем-то могут помочь делу. Ведь поставленная кем-

то корявая подпись практически ни о чем не говорила, а фамилия, указанная рядом, вполне могла являться вымышленной, поскольку наличие паспорта, как убедилась гадалка, вовсе не являлось обязательным. Ни адреса посетителей, ни каких-то других ценных данных в журнале не содержалось.

— А администратор здания мог бы посвятить меня в курс дела? — с надеждой выпалила гадалка.

— Не знаю, — охранник с сомнением пожал плечами, — сейчас точно нет.

— Почему?

— Он в командировке.

— Надолго?

— По-моему, недели на две.

— Как жаль... — Яна вздохнула. — Может быть, вы хотя бы запомнили, как они выглядели?

— Кто? — проскрипела Ада Михайловна.

— Сотрудники... — неуверенно ответила Милославская.

— Женщина-а, — укоряюще протянула старушка, — в этом здании более десятка фирм, к которым приходит масса посетителей. Мы и их-то запомнить не можем, а об однодневках и вовсе не может быть и речи!

Яна молча направилась к выходу. Она окончательно была запутана. В ее сознании смешались сведения об убийстве, изнасиловании, сделках с недвижимостью, о работе для симпатичных девушек и веселом катании на автомобиле. Однако, пока никакой связи между звеньями этой цепи не обнаруживалось. В сознании Милославской вновь всплыли детали видения, явившего ей образы двух молодых людей. Они должны были иметь какую-то причастность к произошедшему, и гадалка стала мысленно перебирать все возможные варианты этого.

Вдруг она представила себе, что те парни и авторы объявления — одни и те же лица. В этом случае гадалка могла описать их внешность вахтеру и охраннику и убедиться в правильности или же ошибочности своего предположения. Простояв у входа несколько минут, Милославская обернулась и вновь вошла в здание. Она приблизилась к своим недавним собеседникам и опять завела с ними разговор на ту же тему, чем немало их удивила. Яна во всех деталях описала внешность молодых людей. Впрочем, большая часть внимания в этом описании уделялась их одежде, так как, как уже было сказано ранее, лица она видела недостаточно хорошо.

Охранник и вахтер несколько не порадовали ее своими ответами, так как экстрасенсу пришлось услышать ту же самую фразу: «Организаций в

здании много, сотрудников еще больше, посетителей еще больше, поэтому ничем помочь не можем!» Разочарованная, гадалка вновь вышла на улицу и встала возле входа в здание. Дворник, наводивший здесь порядок, стал смотреть на нее с подозрением, но он боялся обратиться к ней с претензиями, видя, как сидящая в нескольких метрах от хозяйки собака ревностно следила за всем с ней происходящим.

Милославская, погруженная в раздумья, не замечала этого. Она думала о том, что раз в видениях появились образы двух молодых людей, она должна была как-то воспользоваться этой информацией, и действия ее не должны были оказаться бесплодными.

Просто ходить по улице и дожидаться встречи со знакомыми незнакомцами, хотя и в провинциальном, но все-таки довольно большом городе, было глупо и бессмысленно. И гадалка постепенно пришла к выводу, что ей следует вновь воспользоваться помощью Руденко, который, учитывая Янины сведения, мог составить фоторобот и, как следствие этого, организовать поиски подозреваемых. По понятным причинам, Милославской это просто было не под силу, а вот органам милиции несложно и очень привычно.

Единственным, но довольно проблематичным обстоятельством оставались уговоры Семена Семеныча, который мог заартачиться и, как обычно, высказывая недоверие к видениям гадалки, создавать препятствия на этом пути. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев такие разговоры Яны с приятелем заканчивались ее победой, поэтому она решила поскорее разыскать Три Семерки и воодушевить его на новый этап сотрудничества.

Милославская посмотрела на часы и сделала вывод о том, что Семена Семеныча в это время, вероятнее всего, можно застать на работе. Зная, насколько маловероятен успех разговора по телефону, она решила ехать прямо в отдел и обсудить вопрос на месте. В случае согласия Руденко, в котором гадалка была почти уверена, Три Семерки мог сразу же отдать соответствующие распоряжения относительно составления фоторобота (естественно, привлекая ко всему этому Яну). Таким образом экономилось огромное количество драгоценного времени.

Она взяла в руку поводок и, с трудом удерживая стремящуюся вперед Джемму, двинулась к дороге, чтобы остановить машину. Однако десятки автомобилей пролетали вперед, не реагируя на ее голосующие жесты. Движение здесь было очень оживленным, поэтому не каждый мог легко припарковаться. Тем более большую часть обочины дороги заполнили служебные и личные автомобили работников и посетителей учреждений,

размещенных в этом здании. Возможно, конечно, некоторые отрицательно реагировали на собаку и спешили проехать мимо. Впрочем, Яна, не долго думая, перебежала на противоположный тротуар и села в троллейбус, как раз затормозивший в это время у остановки.

Многие в транспорте безглаголиво сторонились высунувшей язык овчарки, кто-то, напротив, глядел на нее с умилением. Джемма на это не обращала абсолютно никакого внимания, она чувствовала, что хозяйке предстоит проделать какую-то важную работу, и настраивалась на преодоление трудностей, которые вполне могли возникнуть. Нередко случалась, что Джемма выручала хозяйку из беды.

Доехав до нужной остановки, гадалка покинула троллейбус и направилась вперед по улице. Ей нужно было пройти около двух кварталов, чтобы достигнуть нужного места. Джемма торопливо бежала вперед, и Яна тоже прибавила шагу. Вскоре они очутились перед входом отдела внутренних дел, в котором работал Руденко.

На входе Милославскую, как обычно, остановил дежурный. К ее огорчению, он сообщил, что Три Семерки несколько минут назад отъехал в неизвестном направлении. Гадалка разочарованно вздохнула, но на печальные раздумья у нее сейчас не оставалось времени, поэтому она сразу же взялась за трубку телефона и первым делом позвонила приятелю домой. В данный момент он вполне мог обедать, хотя по роду профессии ему редко удавалось это делать, тем более в стенах родного дома. Однако, проверка всех вариантов никогда не являлась лишней. Это подтвердилось и в этот раз. На звонок ответила Маргарита Ивановна. Она сказала, что Семена Семеныча нет дома, однако буквально через минуту сообщила, что он вошел в дверь.

— Семен Семеныч, это Яна! — радостно сообщила Милославская, когда тот подошел к аппарату.

— А-а! Здорово, коли не шутишь! Как дела?

— Об этом позже! — выпалила гадалка. — Ты домой надолго?

— Какой надолго! — возмутился Три Семерки. — Рита позвонила, говорит, заскочи, мол, за пирожками, ну, я и заехал, жрать хочу, как собака!

— А потом куда? — спросила гадалка.

— Служить Отечеству, куда же еще?

— В отдел или нет?

— Угу, — промычал Руденко, очевидно, уже жуя солидный кусок пирога.

— У меня к тебе дело, — сообщила Яна, — я сейчас заеду.

— Давай, — сразу согласился Семен Семеныч и положил трубку,

наверное, не в силах выдержать соблазнительного аромата, идущего от блюда с печеностями.

* * *

— Дело собственно вот в чем, — с ходу начала Милославская.

— Поожди-подожди, дай хоть очухаться! — Три Семерки закрывал машину, одной рукой придерживая огромный пакет с пирожками.

Яна ждала его уже около получаса, поэтому сразу же, как только он показался из машины, приступила к беседе.

— Идем, — скомандовал через некоторое Семен Семеныч, и гадалка послушно засемила за ним.

Оказавшись в кабинете, Руденко запер дверь на небольшой шпингалет и на кипельно-белой салфетке, вероятно, тоже припасенной для него Маргаритой Ивановной, принялся раскладывать еще не остывшие пирожки. Он жадно смотрел на них, хотя судя по несвойственному ему терпению, дома Три Семерки пару-тройку пирожков оприходовал.

— Эх, чаю бы! — мечтательно закатив глаза, протянул он.

— Что ж ты дома не попил? — удивилась Милославская.

— Попил бы! Да ты со своими делами! Срочно! Срочно! — Семен Семеныч передразнил подругу.

— В этот раз я так не говорила, не ври, — с притворной обидчивостью протянула Милославская.

— Не говорила, но я по голосу это чуял! — Три Семерки погрозил приятельнице указательным пальцем.

— Ладно, ладно, ну тебя, — гадалка пренебрежительно махнула рукой.

— Присоединяйся! — Руденко жестом пригласил подругу поучаствовать в трапезе, сам одним махом проглотив небольшую ватрушку.

Румяные корочки рогаликов, ватрушек и прочих печеных премудростей были настолько аппетитными, что Милославская с удовольствием забыла о всех диетических ограничениях и тоже приступила к еде. Джемма, любимым кушаньем которой последнее время являлся собачий корм «Чаппи» и то облизывалась и, поскуливая, сглатывала слюни. Яна протянула ей лоснящийся от жира беляш и приготовилась начать разговор с другом. Некоторое время она молчала, зная, что Семен Семеныч, как и любой мужчина, добрее в сытом варианте, а в голодном — он просто зверь. Поэтому только увидев румянец довольства на его лице, она

спросила:

— Фоторобот можешь организовать?

— Чей?

— Двух парней из видения!

— Опять видение! — возмущенно воскликнул Руденко.

Яне пришлось вкратце сообщить приятелю о всех новых для него фактах расследования, ставших ей известными. Руденко внимательно слушал, не противореча, но и не высказывая согласия. В конце концов, он сказал:

— Для фоторобота нужны мельчайшие детали, а ты говоришь, что лиц четко не видела!

— Но это не значит, что я не видела их вообще! — возразила гадалка. — Те люди с улицы, данными которых пользуются для составления фотороботов, думаешь, во все вглядываются пристально? Нет, они сообщают о том, что по случайности осталось в их памяти!

— М-да... — задумчиво протянул Три Семерки.

— В общем, Сема, — Яна решила воспользоваться его минутным молчанием, — нечего время тянуть, давай действовать!

— Действовать... Ну найдем мы их. Дальше что? Скажем: «Извините, но вы нам привиделись в страшном сне!»? — Руденко зло ухмыльнулся.

— Зачем им что-то говорить? — возразила экстрасенс. — Можно ведь установить наблюдение... В конце концов, Валерия может что-то вспомнить, или какие-то факты еще всплывут...

— Откуда? Опять из видения?

— Ну почему? Тебе ли не знать, что события порой развиваются непредсказуемо!

— Ну что мне с тобой делать! — воскликнул Руденко. — Идем!

Он покидал оставшиеся пирожки в стол, небрежно утерся салфеткой и сунул ее туда же. Яна послушно последовала за ним, и вскоре она уже давала ответы на вопросы о том, как выглядели те молодые люди из ее видения. Естественно, Руденко пришлось сочинить небольшую историю, в которой Милославская якобы сыграла роль свидетеля, и таким образом молодые люди в рассказе Милославской выглядели вполне правдоподобно.

На этом гадалке пришлось распрощаться с приятелем, поскольку он спешил на какое-то производственное совещание. Да и оставаться здесь не было смысла: Семен Семеныч отдал приказание о распространении фоторобота, и теперь оставалось только ждать.

У Яны были кое-какие планы на покупки, и, пока появилось свободное время, она решила пробежать по магазинам. Поймав такси, Милославская

доехала до Крытого рынка. Посмотрев по сторонам, между Детским миром и ЦУМом она выбрала Детский мир и направилась туда.

У входа бойкий парнишка торговал аудио и видеокассетами. Экстрасенс поймала его завистливый взгляд на собаке и решила этим воспользоваться. Она купила у парня несколько кассет и, беседа о них, постепенно перевела разговор на то, что, к сожалению, с собаками не пускают в магазин. Продавец с удовольствием согласился последить за овчаркой, и на этом проблема с Джеммой была решена.

Магазин встретил Милославскую гвалтом людских голосов и шумом работающего эскалатора. Гадалка принялась бродить по первому этажу. Она рассматривала сверкающие витрины с косметикой и парфюмерией, любовалась поистине волшебным кружевом на импортном белье. Все здесь манило к себе и вызывало страстное желание во что бы то ни стало совершить покупку.

Зайдя в один из отделов, окруженный рядом прозрачных стеклянных витрин, Яна залюбовалась великолепным фарфоровым чайничком. Он стоял в одной из витрин, через которую были видны проходящие мимо по коридору другие покупатели. Один из промелькнувших силуэтов показался гадалке знакомым. Присмотревшись, она узнала Валерию. Та ее не заметила и стала тоже что-то выбирать в соседнем отделе. До Милославской доносились ее слова: «Для бабушки...». Яна пригнулась, чтобы не быть замеченной. Она сама не знала, что ей руководило в этот момент.

Продавцы, перестав замечать покупателей, с любопытством глядели на гадалку, которая гусиным шагом пробралась к кассе и, спрятавшись за будкой, в которой она находилась, стала наблюдать за Вершиной. Девушка, ничего не подозревая, разглядывала шерстяные разноцветные платки с кистями, очевидно, размышляя, какой из них имеет больше шансов понравиться ее бабушке.

Яна просидела так минуты две-три. Затем ей пришла мысль воспользоваться отсутствием Валерии и поговорить с ее родителями о найденном ею и выделенном их дочерью объявлении. Она глянула на часы. Время приближалось к вечеру, поэтому вполне можно было застать дома Наталью Евгеньевну, по крайней мере спустя полчаса, которые гадалка рассчитывала потратить на дорогу.

Вершинина, так ничего и не купив, пошла по магазину дальше, в обратную сторону. Милославская встала и как ни в чем не бывало направилась к одному из выходов, к счастью, находящемуся поблизости. Продавцы, простояв с открытыми ртами еще несколько минут, в конце

концов переглянулись и залились дружным смехом, очевидно, приняв Яну за сумасшедшую.

Милославская поблагодарила парня за любезность с его стороны, но уйти так сразу ей не удалось, поскольку тот засыпал ее вопросами о родословной Джеммы, ее образе жизни, характере и т. д. Яна пожалела, что взяла собаку с собой, но другого выхода у нее просто не было. Сегодня она отсутствовала дома целый день, и оставить собаку одну в четырех стенах было бы просто бесчеловечно. По крайней мере по отношению к соседям — Джемма порой от тоски начинала нестерпимо и очень громко выть под дверь, чем вызывала вполне оправданное недовольство ближайших соседей, которые ее воя не слышать не могли.

* * *

— Кто там? — раздался из-за двери голос Натальи Евгеньевны.

— Это я, Яна Борисовна Милославская, — ответила гадалка.

— Ой! Яна! Подождите минуточку, — вслед за этими словами из-за двери послышалась торопливая возня, и через минуту перед Яной предстала Вершинина-старшая, одной рукой запахивающая халат.

— Извините, — оглядев хозяйку с ног до головы, сказала Милославская и вошла в квартиру, — я опять не одна. Со мной Джемма.

Собака юркнула в знакомый ей угол.

— Ничего-ничего. Я только с работы пришла. Вот видите, даже не успела переодеться, — Наталья Евгеньевна принялась застегивать пуговицы халата. Она торопилась, руки ее дрожали от волнения, и из-за этого у нее не выходило то, чего она хотела.

Вершинина только закрыла дверь, как раздался звонок.

— Это Саша! — радостно воскликнула она.

Яна пока не знала, кто такой Саша, поэтому она с любопытством стала смотреть на дверь. Наталья Евгеньевна так же торопливо открыла ее, и на пороге показался высокий худощавый мужчина, глядя на которого гадалка сразу вспомнила Валерию.

— Добрый вечер, — произнес он низким приятным голосом и протянул Милославской руку: — Вершинин, Сан Саныч.

— Я поняла, — улыбнувшись ответила Яна, — дочь очень на вас похожа.

— Это тот самый экстрасенс, — поспешила представить гостью Наталья Евгеньевна, — Яна Милославская, Яна Борисовна. Проходите,

Яна, в зал, я сейчас. Саша, ты ужинать будешь? — Вершинина понеслась на кухню.

— Нет, ты вот лучше у госпожи Милославской спроси, а я в кафе перекусил.

— А Валерии нет дома? — приняв непонимающий вид, спросила гадалка.

— Нет, — крикнула из кухни Наталья Евгеньевна, которая там уже гремела тарелками, собирая, очевидно на стол.

— А вот, кстати, от нее записка, — удивленно произнес Сан Саныч, — усаживаясь в кресло напротив Яны.

Вершинина сразу прилетела в зал и вопрошающе посмотрела на мужа:

— Что? — в ее глазах читалось необыкновенное волнение.

— Ничего особенного! — ответил Сан Саныч. — Поехала покупать подарок бабушке ко дню рождения, а мы-то бессовестные об этом совсем забыли!

— О-о-ой! — разочарованно протянула Наталья Евгеньевна. — Я с этими неприятностями совсем закружилась!

— Зато Лера, кажется, возвращается к жизни, — улыбнувшись ответил Вершинин. — Видишь, магазины начала посещать!

— Да-да, — неуверенно поддакнула его супруга.

— Девочку постигло огромное горе, как, впрочем и всех нас, — сказал мужчина, глядя на Яну.

— Я знаю, — ответила гадалка.

— Ну что ж, — произнесла Наталья Евгеньевна, чтобы сменить тему разговора, — идемте к столу, Яна, расскажете, какие у вас новости.

— Я хотела бы прежде выяснить у вас кое-что, — приняв более серьезный вид, сказала гадалка.

— Что? — испуганно в один голос спросили Вершинины.

Милославская по порядку стала рассказывать сначала о том, что ее привело сегодня утром к Валерии, а затем о своей удивительной находке. Вершинины слушали о парнях открыв рты, их глаза горели живым интересом и надеждой. Но когда Яна стала рассказывать об объявлении, выражение их лиц резко переменялось. Они даже стали похожи друг на друга в этом застывшем выражении удивления.

— Не искала ли ваша дочь работу? — спросила гадалка.

— Не-ет! — воскликнула Наталья Евгеньевна.

— Подожди-подожди, — задумчиво проговорил Сан Саныч, — кажется она как-то поговаривала об этом...

— Когда? — удивилась Вершинина.

— А помнишь, шубу ей захотелось норковую длинную, как у Лейлы? Мы же сказали, что нам она не по средствам, на короткую, мол, еще согласны и так далее, а она про работу начала...

— Точно, было такое, — подтвердила Наталья Евгеньевна.

— Ну а вы что? — с нетерпением спросила Милославская.

— Отказали, конечно! — вновь в один голос воскликнули супруги.

— Отказали?

— То есть мы были против, — поправился Сан Саныч. — а что вы хотите сказать этими вопросами? У вас есть какие-то предположения?

Яна высказала мысль, что поиски работы могут быть как-то связаны с произошедшей трагедией, поскольку такое объявление она видела в своем видении. Парни из другого видения, по словам Милославской, тоже должны иметь какое-то отношение ко всему этому.

— Кажется, дело продвигается, — задумчиво, но в то же время обрадованно произнес Вершинин. — А вы молодец, Яна Борисовна! — после этих слов мужчина немного помолчал, а потом добавил: — Я полагаю, что поиски работы вполне имели место быть.

— Как? — ахнула Наталья Евгеньевна.

— Вот так, — ответил ей муж.

— Ты от меня скрывал? — спросила она его недоуменно.

— Нет, просто я думаю, что Валерия, учитывая наше несогласие с ее намерениями, могла просто утаить от нас поиски работы.

— Я с вами согласна, — Милославская кивнула головой.

— Неужели... — прошептала Наталья Евгеньевна.

В это время в дверь позвонили. Вершинины сидели задумавшись и не реагировали на звонок. Тогда в двери стал поворачиваться ключ. Яна предположила, что пришла Валерия, и оказалась права.

— Посмотрите, что я приобрела! — радостно крикнула она из прихожей. — Ой! Джемма? Что, у нас Яна Борисовна?

Сан Саныч кинулся встречать дочь.

— Да, ты права, — он поцеловал Леру, прижал ее к себе. — Мы все тебя дождаемся. Ты, кажется, в хорошем настроении?

— Ага. Вы будете смотреть, что я приобрела или нет?! Бабушке наверняка понравится!

Валерия зашла в зал, поприветствовала мать и гадалку и достала из сумки великолепный белый пуховый платок. Она накинула его на себя — он был огромным: закрывал всю спину и впереди свисал до колен. Девушка казалась в нем настоящей королевой.

— Ах! — только и смогла сказать Наталья Евгеньевна.

— Да, маме это понравится, — согласился Сан Саныч. — Ты нас выручила! Мы-то и не вспомнили!

— А бабушка знала, что вы такие, — по-детски выпятив губы, пробормотала Валерия, — она мне позвонила и сделала приглашение, хотя свои всегда без приглашения приходят!

— Просто она понимает, в каком мы сейчас положении, — тихо произнес Сан Саныч, однако дочь его услышала и сразу погрузилась.

Здесь в разговор вступила Милославская. Она решила взять самое трудное на себя, поскольку матери и отцу пострадавшей сделать это было гораздо сложнее. Яна начала с полунамеков, но постепенно она подошла к разговору о найденном ею объявлении. Текст его гадалка помнила наизусть, поэтому она процитировала его девушке без запинок. Та хлопала глазами и абсолютно не понимала, о чем речь. Милославской пришлось вновь повторить сказанное, но девушка ни о каких поисках работы ничего не помнила. В конце концов, в ее глазах появились слезы, и она стала отчаянно шептать:

— Я же говорила, что ничего не помню, ни-че-го!

Наталья Евгеньевна кинулась успокаивать дочь и сама расплакалась. Однако Валерия быстро взяла себя в руки и выразила готовность к дальнейшей беседе. Навести ее на воспоминания попытался Сан Саныч. Он говорил очень мягко и ласково, с любовью, хотя нетрудно было угадать, как он волнуется.

Неизвестно, сколько бы продолжалась эта беседа, если бы Милославскую не посетила идея найти в журнальном столике ту газету и показать ее девушке. Возможно, посмотрев на нее, она что-то могла вспомнить.

— Наталья Евгеньевна! Сан Саныч! — воскликнула гадалка. — Вы мне позволите? — Яна на минуту замялась.

— Что? — нерешительно спросила Вершинина-старшая.

— Можно мне принести ту газету?

— А где она? — Наталья Евгеньевна привстала.

— В журнальном столе, в комнате Валерии.

— Идемте, конечно, — Сан Саныч торопливо двинулся в направлении комнаты дочери.

Он включил свет и, жестом руки обведя комнату, произнес:

— Она в вашем распоряжении!

— Неловко, конечно, все это, — проговорила Яна и подошла к столику.

Она присела на корточки и стала пальцами перебирать лежащие стопкой газеты. Милославская слегка приподнимала каждую из них в

надежде найти ту, в которой одно объявление было обведено желтым выделителем текста.

— Да вы выньте их все! — посоветовал Вершинин, стоявший в дверях.

— Можно, да? — откликнулась гадалка и, посмотрев на Сан Саныча, вынула верхний слой газет и положила его на пол.

Вскоре она нашла искомое. В этот момент в дверях уже стояли и Наталья Евгеньевна, и сама Валерия. Они с любопытством и некоторой тревогой наблюдали за действиями гостя. Когда Милославская достала газету и развернула ее перед семейством, девушка резко переменялась в лице. Она молча подошла к экстрасенсу, взяла у нее ее находку и отправилась на кухню, на ходу бросив:

— Мне надо побыть одной.

Наталья Евгеньевна вопросительно посмотрела на мужа, но тот в ответ только пожал плечами.

— Идемте в зал, — шепнула им Яна, — не надо ее беспокоить сейчас.

Все молча уселись в рядок на диван и несколько минут безмолвствовали. Потом Сан Саныч, первым не выдержав этого напряжения, стал насвистывать непонятную мелодию. Женщины продолжали молчать, но вскоре, и без того взволнованная Наталья Евгеньевна, воскликнула:

— Ты перестанешь или нет? Невыносимо! И так нервы на пределе!

Вершинин хотел было что-то возразить, но на пороге комнаты появилась Валерия.

— Не надо ссориться, — сказала она. — мне есть что вам сказать!

— Вспомнила? — несмело прошептала ее мать.

— Я вспомнила это сразу, как только Яна Борисовна показала объявление.

— Вот видишь, доченька, — затараторила Наталья Евгеньевна, — не зря мы психологичку или... как там ее... посещали! Все на пользу пошло! Ты сегодня-то у нее бы...

— Не знаю, мама, что пошло на пользу, — холодно ответила Валерия, перебив мать на полуслове — науке не верить нельзя, конечно, но я почему-то больше убеждена в силе Яны Борисовны.

— Этот спор ни к чему не приведет! — вмешался в разговор Сан Саныч. — Психотерапевт подготовила почву, на этом ей спасибо, а Яна Борисовна этой почвой воспользовалась — я так считаю. Но разве это сейчас важно?

— В самом деле, — сказала Милославская, — давайте лучше послушаем Валерию.

— Наконец-то, — вздохнув с облегчением, произнесла девушка. Все замерли в ожидании.

— Может, мне и нечем вас обрадовать, но тем не менее, это что-то! Я помню обрывки разговора.

— С кем? — выпалила Наталья Евгеньевна, но муж тут же дернул ее за рукав.

— Не знаю! — отчаянно воскликнула девушка. — Я даже не могу сказать, какая может быть связь между этим объявлением, — Валерия потрясла газетой, — и тем, что всплыло в моей памяти. Я помню обрывки разговора, неизвестно когда и с кем произошедшего, о том, что будет установлен телефонный аппарат в счет оплаты за аренду квартиры.

— Квартиры? — не сдержавшись ахнула гадалка.

— Да. — сухо ответила девушка.

— У вас что-то есть на этот счет? — поинтересовался Сан Саныч.

Милославская вспомнила свое видение, в котором перед ней предстало не одно, а два объявления: одно о работе, другое о продаже недвижимости. Ее опять охватили сомнения. Сначала она придала значение «квартирной» рекламе, потом на первый план выступили поиски работы. Теперь разобраться с ними стало еще сложнее, поскольку в вершининской газете выделено было объявление о работе, а в памяти Валерии всплыла тема недвижимости. Так или иначе, между всем этим обнаруживалась связь, пусть неясная пока, но тем не менее довольно ощутимая.

— Да... — задумчиво проговорила она, даже не слыша вопроса, заданного ей главой семейства.

Сан Саныч спрашивал еще что-то, но Яна была глубоко погружена в свои раздумья. Больше всего ее сейчас занимало то, какое вообще отношение имеет ко всему этому трагедия, произошедшая с девушками. Как гадалка ни старалась, но информации у нее пока явно не хватало, для того, чтобы связать это все воедино.

— Яна Борисовна! — донеслось до нее наконец.

— А? — отрешенно произнесла она.

— Что же вы молчите? — спрашивала Наталья Евгеньевна. — Можно ли из слов Леры сделать какие-то выводы?

— Пока нет, — ответила гадалка, собравшись с мыслями. — Я должна еще раз все взвесить, возможно, погадать...

— Честно говоря, — начал Вершинин и, кашлянув, продолжил: — раньше я не верил в эти всякие магии, но теперь, должен признать, преклоняюсь перед такими, как вы!

— Преклонения я не требую, — сухо сказала Яна. — Знаете, я

наверное, пойду. Уже поздно, да и Джемма заждалась и вообще устала за день. Мы ведь с ней целый день сегодня путешествуем.

— А как же ужин? — удивленно произнесла Наталья Евгеньевна.

— Как-нибудь в другой раз, — пожалв плечами, произнесла гадалка и встала.

Воцарилось неловкое молчание. Супруги-Вершинины непонимающе смотрели на гостью. Валерия прошла в свою комнату и закрылась в ней.

— Всего доброго, — слегка улыбнувшись, произнесла гадалка, — как что-то появится, я обязательно вам сообщу. Да, кстати, Валерию сейчас советую не тревожить. Наберитесь терпения, ей гораздо тяжелее, чем вам.

— Да-да, конечно, — Наталья Евгеньевна одобрительно закивала головой.

— Джемма, на выход! — воскликнула гадалка, обратившись к собаке, поднявшейся на ноги и ждавшей команды от хозяйки.

На улице уже начинало смеркаться. Яна взяла собаку за поводок и медленно побрела по улице. Ей не хотелось никуда спешить. Она желала просто отдохнуть, расслабиться, уйти мыслями далеко-далеко от проблем практически минувшего дня. Ей встречались прохожие. Кто-то из них спешил, кто-то так же, как и Яна, прогуливался. Милославская их почти не замечала, потому что всецело была погружена в собственные раздумья. Сначала она никак не могла отвлечься от дела Вершининой, но потом одна мысль, цепляясь за другую, постепенно и незаметно вывели ее из этого замкнутого круга.

Так гадалка добралась до одного из городских скверов. В нем раздавался звонкий собачий лай. Посмотрев направо, Яна заметила, что несколько человек выгуливали здесь своих четвероногих любимцев. Она тоже отпустила поводок и дала Джемме команду «Гулять». Та, обрадованная прекрасным шансом размяться, пустилась вперед и сразу же принесла хозяйке палку средней величины и стала смотреть на Милославскую умоляюще, прося, чтобы та поиграла с нею. Яна с удовольствием откликнулась на призыв и несколько минут посвятила этому увлекательному и для нее, и для Джеммы занятию. Затем она заметила, что другие хозяева собак занимаются со своими питомцами на специально оборудованных здесь турниках. Яна уже давно не уделяла внимания тренировке Джеммы, поэтому сейчас, когда у нее высвободилось время, она решила посвятить его собаке.

Овчарка послужила для гадалки в этот день средством психологической разгрузки. Впрочем, так бывало часто: уставшая и разочарованная, Милославская начинала беседовать с единственным в ее

доме живым существом и через некоторое время обнаруживала — стресс нейтрализован. Выходя из сквера, она заключила, что все-таки не зря брала с собой Джемму, хотя ее присутствие в течение всего дня создавало только проблемы.

Покинув парк, оставивший только приятные впечатления, Милославская двинулась вперед по тротуару. До Агафоновки дойти таким образом она, естественно, не собиралась. Но какое-то тайное внутреннее чувство мешало ей торопиться домой. Мимо пролетел трамвай, в котором громко звучала заразительная и веселая популярная музыка. Яна с завистью посмотрела ему вслед и увидела табличку, свидетельствующую о том, что вагон следует в поселок, где проживает она. Задиристо простучав колесами по рельсам, трамвай остановился возле специально предназначенного для этого остановочного пункта и не спешил отправляться дальше, поскольку пассажиров внутри пока было слишком мало. Милославская решила воспользоваться этим моментом и побежала к остановке. Едва успев до закрытия дверей, она прошла в салон и уселась на одно из мягких сидений. Музыка звучала все так же громко. Она бодрила и поднимала настроение. Так что Милославская вернулась домой в прекрасном расположении духа.

Перешагнув порог своего жилища, она сразу же направилась в ванную, включила горячую воду, а сама стала избавляться от надоевшей за день одежды. Джемма, уставшая, сразу же растянулась на своем любимом коврикe. Посмотрев на нее с любовью и заботой, гадалка пошла в ванную, размешала в воде несколько колпачков великолепной ароматной пены и с удовольствием погрузилась в эти фантастические шипящие гребни.

* * *

Утро стояло солнечное и тихое. Нежась на шелковой, иссиня-черной простыни Яна смотрела, как за окном стайка воробьев о чем-то судачила, расположившись на ветках раскидистого дуба. Когда Милославская подыскивала себе жилье и впервые пришла посмотреть этот дом, она немало была удивлена столь огромным и раскидистым деревом, служащим настоящим украшением всей улицы. Наверное, наличие этого сказочного дуба прямо под окном дома тоже повлияло тогда на ее выбор.

Воробьи сидели, нахохлившись. Очевидно, было довольно прохладно. Распушив свое небогатое оперение, они казались пухлыми и круглыми, как шарики. У Милославской в комнате было тепло и уютно, и, когда она смотрела на поживавшихся птиц, это ощущение комфорта только

усиливалось.

Вдруг воробьи разом вспорхнули, и от этого резкого движения совсем пожелтевшие листья, доживавшие на дереве свои последние дни, посыпались. Гадалка предположила, что птиц кто-то спугнул. Собачий лай, раздавшийся в эту же минуту в прихожей стал тому подтверждением. Нехотя встав с постели, Яна босиком прошла к окну и, не отодвигая занавески, так как гадалка была облачена только в кужевное неглиже, посмотрела на улицу. У ворот стоял Руденко. Милославская перевела взор на часы и обнаружила, что сегодня она проснулась намного позже, чем обычно.

Стукнув пару раз пальцами по стеклу, она жестом дала понять приятелю, что сейчас выйдет. Руденко понимающе кивнул головой и, широко открыв рот, принялся звучно позевывать, отчего и без того перепуганные воробьи совсем передумали возвращаться на дерево. Семен Семеныч, уловив через тюлевый занавес очертания полуобнаженного Яниного тела, сунул руки в карманы, давно треснувшие по швам от частого такого его действия, и стал прохаживаться из стороны в сторону.

Милославская распахнула створки шифоньера и достала первый попавшийся под руку халат, оказавшись недавней ее покупкой — на нем еще моталась на капроновой леске картонная этикетка. Наскоро накинув его на себя, она пустилась к двери, на ходу застегивая длинную молнию.

Руденко за воротами насвистывал мелодию старой комсомольской песни, зовущей только вперед. Милославской сразу стало понятно, что приятель чем-то необыкновенно взволнован.

— Ты что-то быстро соскучился, — посмеиваясь, произнесла она из-за калитки.

Семен Семеныч ответил, что рабочие дела привели его в этот район, и отказаться от соблазна навестить ее и узнать, каким финалом окончились вчерашние похождения гадалки, он просто не мог.

Яна впустила Три Семерки, а сама направилась в ванную, чтобы привести себя в порядок. Руденко тут же принялся за приготовление кофе, очевидно, сам проголодавшись и поняв, что подруга только-только поднялась с постели и еще не завтракала. Помешивая закипающий напиток, он периодически перебрасывался с гадалкой репликами, основное содержание которых, в основном, заключалось в подшучивании над ее слишком продолжительным сегодня сном. Семен Семеныч приписывал Яне приятные, но затянувшиеся ухаживания ночного кавалера, на что она отвечала шутивными угрозами разделаться с другом при первой же возможности.

Выйдя из ванной, Яна обнаружила приятеля в своем кабинете. Он поставил поднос с двумя чашечками кофе на столик, а сам разглядывал, как новую, уже давно знакомую ему статуэтку египетской кошки.

— Ну так что? — спросил он, глядя на подругу, распутывающую огромное махровое полотенце, чалмой завязанное на ее голове. — Вчерашний день много крови, как я погляжу, из тебя выпил? Отоспаться не можешь? Во сколько легла-то?

— Подожди, давай по порядку, — прервала его гадалка. — Что там с фотороботом?

— Пока все по нулям, — ухмыльнувшись и пожав плечами, ответил Руденко.

— А вообще? Я имею в виду расследование дела Вершининой.

— Тоже все глухо.

Видя недовольную гримасу на лице подруги, Семен Семеныч добавил:

— Работы сейчас полно, просто зарываемся! Вот сегодня утром, например...

— Ты кофе пей, — перебила его гадалка, — а то остынет.

Семен Семеныч послушно взял чашку и, обжигаясь, стал звучно прихлебывать дымящийся напиток.

— Так ты этим утренним событием так взволнован? — вновь возобновила разговор Яна.

Руденко удивился пронизательности подруги, но она объяснила, что его выдала та воинственная мелодия, которую он насвистывал, ожидая ее.

— Да, я этим возволнован, — пальцами вытирая усы, подтвердил Три Семерки.

Затем он негодуя стал рассказывать о том, с чего начался сегодня его рабочий день. Правда, из слов Руденко трудно было понять, чем конкретно он недоволен: тем, что проблема возникла рано утром и испортила ему настроение, нарушила планы, тем, что он непосредственно не обязан заниматься подобными делами или тем, что подобные преступления, к сожалению, в России становятся банальными, поскольку происходят весьма часто.

Тем не менее, Милославская слушала приятеля с интересом, так как к этой истории даже чисто по-человечески трудно было остаться равнодушным. Как оказалось, отдел с утра посетила семья бывшего военнослужащего, которая прибыла подать заявление. Суть заявления состояла в том, что по неизвестно чьей вине подполковник ракетных войск Наровчатов, его жена и двое детей остались без крыши над головой. Приехав из другого города в этот на постоянное место жительства,

Наровчатовы приобрели через посредническую фирму «Аэлита» трехкомнатную квартиру. Когда же ошарашенное покупкой семейство прибыло со всеми своими пожитками к порогу жилища, перед ними предстала женщина, заявившая о том, что она является хозяйкой этой квартиры уже пятнадцать лет, никому ее не продавала и в ближайшее десятилетие не собирается. Каково же было удивление Наровчатовых, когда эта женщина сунула им под нос документальное подтверждение ее слов! Она, естественно, из своей квартиры убираться никуда не собиралась. Таким образом, Наровчатовым, не солоно хлебавшим, пришлось убраться ни с чем.

В этой истории многое оставалось неясным, как для Мирославской, так и для самого Руденко. Разобраться как следует во всех тонкостях произошедшего Три Семерки еще не успел, поскольку заявление еще только-только подали, а у него на утро было намечено несколько срочных дел, которые тоже не требовали отлагательств. Семен Семеныч, по пути заехав к Мирославской, собирался посетить одно подозрительное семейство, проживающее в Агафоновке и проходящее по одному из дел, а потом уже приступить к работе по заявлению Наровчатовых.

Однако Мирославскую рассказанное приятелем не оставило равнодушной. Более того, оно породило в ее мозгу серьезнейшие размышления и ассоциации. Упоминание о риэлтэрской фирме сразу обратило ее к фактам из недавнего видения и тому, что вчера вспомнила Валерия. Ко всему прочему, какое-то внутреннее интуитивное чувство подсказывало ей, что к сделкам с недвижимостью ей все-таки следует присмотреться. Поскольку фирма «Аэлита», услугами которой, к несчастью, воспользовались Наровчатовы, зарекомендовала себя как весьма подозрительная, по мнению гадалки, теперь она вполне заслуживала того, чтобы ее посетить и по возможности выяснить детали произошедшего с семьей подполковника. Яна надеялась обнаружить какую-либо связь с делом Вершининой или, в худшем случае, чем-то помочь в работе сверхзанятому Семену Семенычу.

— Ну а у тебя что? — закончив рассказ, спросил ее Руденко.

Яна вкратце рассказала обо всем, что удалось ей осуществить после того, как она рассталась вчера с приятелем. Гораздо подробнее она, конечно, остановилась на последнем — воспоминании Валерии об установке телефона в счет оплаты за аренду какой-то квартиры. Семен Семеныч правда, никакой связи или даже намек на связь с его рассказом не уловил и только недовольно промычал, озабоченный, очевидно, предстоящей по этому делу дальнейшей работой.

— Сем, у тебя адрес «Аэлиты» есть? — обратилась к приятелю гадалка.

— Да. А что? — ничего не подозревая, ответил тот.

— Ну ты же сейчас туда не собираешься?

— Нет.

— А я помочь тебе хочу. Съезжу, поговорю, поспрашиваю. может, выйдет из этого что...

— Да ну тебя! Испортишь все дело своими расспросами, важную птицу спугнешь! — деловито заявил Три Семерки.

— Се-ема! — ухмыльнувшись, протянула Милославская. — Я когда-нибудь тебе приносила вред? Портила что-то?

Руденко поморщился и отмахнулся, выразив этим нежелание говорить на данную тему.

— Ну так что? Адрес даешь? — не отставала Яна.

— Ведь признайся, Яна Борисовна, — Три Семерки погрозил подруге указательным пальцем, — тобой движет что-то другое! Не очень я верю в твою благотворительность!

— Сдаюсь! — тихо сказала Яна и подняла руки вверх, не желая давать ложные оправдания.

Ей пришлось еще раз поведать другу о последнем воспоминании Валерии и обосновать им свой интерес к фирме «Аэлита». Руденко от этой идеи в восторг, конечно, не пришел, однако, и особого недовольства не высказал. Он молча достал из заднего кармана брюк затертую записную книжку и, начеркав что-то на чистом листке, вырвал его и протянул Милославской.

— Благодарю! — не сумев сдержать радости, воскликнула гадалка. — Надеюсь, это поможет нам продвинуться вперед.

Семен Семеныч промолчал, но Яна знала, что и он тоже на это надеется. Распровавшись с приятелем, она принялась приводить себя в порядок: сделала укладку и слегка подкрасила глаза и губы. Из одежды она остановила свой выбор на черных облегающих брюках, коротеньком белом джемпере из ангоры, поверх которого накинула черный удлиненный пиджак из мягкой тонкой кожи. Теперь можно было отправляться в дорогу.

Судя по адресу, «Аэлита» находилась где-то в районе вокзала, так что времени на размышления в дороге у Яны вполне должно было хватить. Самое главное — предстояло придумать, как ей вообще завязать разговор на интересующую тему с представителями «Аэлиты».

Покинув дом, она быстрым шагом спустилась вниз по улице и сразу остановила такси. Водителю, к счастью, оказалось по пути с

Милославской, поэтому она, довольная, уселась на заднее сиденье и углубилась в собственные размышления. Клубок, казалось, начинал распутываться. Но в тоже время в нем обнаруживалось все больше и больше узлов, которые Яне предстояло развязать в ближайшие дни.

Мысленно перебрав несколько вариантов предстоящего разговора, Милославская остановилась на одном из них, который она подсознательно именовала «Вариант-блеф». Гадалка решила представиться сотрудником органов и провести своего рода допрос. Документа, способного удостоверить ее личность, она не имела. Однако, Яна надеялась, что он не потребуется. Ведь Наровчатов наверняка поставил риэлтэров в известность о подаче заявления в милицию, поэтому появления ментов в «Аэлите» вполне должны были ожидать. Более того, там к этому разговору, скорее всего, приготовились.

Милославская почти на сто процентов была уверена в успехе своего предприятия, однако, она продумала свои действия и на случай неудачи. Палочкой-выручалочкой, естественно, должен был стать Семен Семеныч, который так или иначе должен был в этот день тоже сюда приехать. Уж он-то удостоверение всегда носил при себе и во имя спасения подруги мог солгать, что она его коллега.

За размышлениями дорога прошла незаметно. Такси притормозило возле двухэтажного здания старого образца, нижний этаж которого был отделан современными материалами и выглядел вполне респектабельно. Над входом висела большая яркая вывеска, свидетельствующая о том, что здесь находится офис фирмы «Аэлита». Яна расплатилась с водителем и ступила на выложенный черным кафелем сверкающий паркет порога. Дверь, ведущая в помещение, была выполнена из натурального дерева. На ней красовалась круглая, тоже деревянная, резная массивная ручка.

Милославская вглядывалась в каждую мелочь, подсознательно надеясь увидеть что-то такое, что могло бы ей пригодиться в расследовании, привести к разгадке какого-нибудь преступления. Впрочем, подобное поведение просто вошло у нее в привычку вследствие частой необходимости выполнять такую работу. Да и сам склад мышления у Яны стал аналитическим, хотя от природы она была необыкновенно чувствительной и эмоциональной и чаще прислушивалась к сердцу, нежели к разуму.

Пока она смотрела по сторонам, в дверь и из нее проходили посетители. Они громко обсуждали свои проблемы и, простояв здесь несколько часов, любой вполне мог стать осведомленным в области торговли недвижимостью человеком.

Две женщины, подойдя к двери, остановились и отошли немного в сторону. Одна из них без всяких заминок произнесла:

— А вы все-таки покажите мне свой паспорт. Я должна и таким образом тоже убедиться, что из квартиры и вы, и ребенок выписаны.

— Пожалуйста, — ухмыльнувшись, ответила та и протянула собеседнице документ в прозрачной обложке.

Яна, шокированная историей, случившейся с подполковником Наровчатовым, подумала, что ухмылки в таких делах неуместны, поскольку в последнее время людей слишком часто обводят вокруг пальца и лишают главного — крыши над головой.

Гадалка открыла дверь и вошла в помещение. Она оказалась в длинном, узком и темном коридоре. Множество дверей вели в разные кабинеты, но ни одной из них не было указано, что за ней кроется. Двери были металлическими и тяжелыми, и этим они дополняли картину мрачности, царствующую здесь.

Торкнувшись в один из офисов, гадалка обнаружила, что дверь в него заперта. Яна постучала, но ответа не последовало. Вдруг открылась соседняя дверь и из нее вышла девушка, которая стала закрывать помещение на ключ.

— Извините, — обратилась к ней Милославская, — где мне найти директора «Аэлиты»?

— Вон его кабинет, — девушка указала на конец коридора, — но Саши сейчас нет.

— А где он? — поинтересовалась гадалка.

— Не знаю, он директор и нам не докладывается.

— Но ждать-то его стоит? — не отставала Яна.

— Не знаю. Впрочем, подождите, он сюда за день несколько раз заезжает. А вы, собственно, по какому вопросу? Может вам и девочки смогут помочь? Вас, вообще, что интересует — продажа, аренда? Старшая по аренде, Наташа, здесь, — затараторила девушка.

— Да-да, она для разговора тоже подойдет, — закивав головой, не совсем уверенно ответила Милославская.

— Видите вон ту дверь, — собеседница указала гадалке на дверь, соседнюю с Сашиной, — Наташа обычно сидит в том кабинете. Вслед за этим она глянула на часы и, ахнув, бросилась к выходу, сказав, что опаздывает на показ.

Яна, набравшись решимости, последовала в указанном направлении и, несколько минут простояв у двери, все же открыла ее. За черным рабочим столом сидела молодая белокурая девушка лет двадцати пяти и, хрустя

кукурузными палочками, просматривала газеты. Услышав, что дверь открылась, она подняла голову и вопросительно посмотрела на посетительницу.

— Я из милиции! — с порога заявила Милославская. — Мы можем поговорить?

— Да, заходите, — девушка указала жестом на крутящийся стул напротив ее стола и отложила газету в сторону.

Как видно, Милославская не ошиблась, предположив, что визита следователей здесь ждали — Наташа нисколько не удивилась появлению Яны. Она будто ждала этого момента, вернее, его ждал Саша, директор фирмы, поскольку, уехав по делам, он дал соответствующие распоряжения на этот счет наиболее компетентным сотрудникам. Усаживаясь на стул, Милославская пыталась оценить психологическое состояние Наташи. Девушка выглядела вполне уверенно, поэтому, скорее всего, либо «Аэлита» была в этом плане прекрасно застрахована, либо просто ни в чем неповинна. Впрочем, все это гадалке предстояло выяснить в разговоре.

— Я — Наташа, — сказала девушка и замолчала, очевидно, ожидая, когда и Милославская представится тоже.

— Яна Борисовна Милославская, — ответила гадалка.

В этот момент все внутри у нее сжалось, поскольку возможным вариантом дальнейшего развития событий вполне могло быть требование документа, удостоверяющего ее личность. Однако Наташа всего-навсего произнесла традиционно-вежливую фразу «Очень приятно!» и уставилась на гостью в ожидании интересующих ее вопросов. Яна моментально уловила эту мысль в выражении лица Наташи и быстро заговорила:

— Итак, я по делу Наровчатова.

— Догадываюсь, — глубоко вздохнув, сразу же ответила девушка.

— Да? — Милославская сделала удивленное лицо. — Почему?

— Знаете ли, наша фирма функционирует уже пять лет. Последнее время подобные агентства растут, как грибы, и, поверьте, удержаться на плаву, а тем более иметь добрую репутацию, в такой ситуации очень трудно. В общем, имидж честных маклеров достался нам отнюдь не легко. За пять лет работы мы, слава богу, неприятного общения с органами правопорядка не имели. А с этими Наровчатовыми, говоря без прекрас, просто-напросто влипли и огорчены не менее, чем сам подполковник. Город у нас небольшой, и, боюсь, информация о печальном инциденте распространится очень скоро. Уверена, что конкуренты тоже приложат к этому руку: пустят слухок в прессу и так далее. Так что «Аэлита» от этой сделки больше пострадала, чем получила прибыли.

— Погодите, погодите, — остановила собеседницу Милославская, — по вашим словам, вы и не виноваты совсем! Но, позвольте, вы оформляли документы, значит все апломбы — только ваша вина!

— Ха-ха! — Наташа саркастично ухмыльнулась. — Вы глубоко ошибаетесь!

— Почему? — с той же интонацией парировала гадалка.

— Вы мало осведомлены о тонкостях нашего бизнеса. К сожалению. Да, именно к сожалению! Существует не один вариант проведения сделки. В одном случае мы полностью берем на себя ее оформление, и тогда — да, при оформлении документации бываем чрезвычайно бдительны. Впрочем, некоторые российские умельцы и в такой ситуации могут осуществить свои махинации самыми непредсказуемыми способами. Второй вариант — «Аэлита» просто сводит продавца и покупателя...

— В смысле? — перебила Милославская.

— В самом прямом смысле! Мы просматриваем всю соответствующую нашей работе прессу. В одной из газет, например, обнаруживаем объявление человека, продающего или сдающего такую-то жилплощадь. В другой — человека, которого как раз такой вариант интересует. Но оба они категорически против оформления сделки через риэлтёрскую контору. Мы их сводим, и все! Естественно, не ради благих намерений — имеем от этого свой процент. И они удовлетворены, и мы тоже кое-что заработали. Конечно, здесь нам помогают не только газеты, но и расклейщики объявлений, находящиеся на столбах и прочих местах бумажки с интересующей фирму информацией.

— Наколько я понимаю, протянула Яна, — сделка с Наровчатовым носила именно такой характер?

— Да, вы правы, — ответила Наташа и закурила. — Так что... все остальное — только их личные проблемы.

— Почему это?

— Как почему? Мы не оказывали ни на продавца, ни на покупателя никакого давления. Они взрослые люди, имеющие право принимать любые решения.

— Но все же... — Яна на минуту задумалась. — как же махинация проскользнула мимо органов правосудия?

— Сделку оформлял частный нотариус, — Наташа пожала плечами.

— Да ситуация не из легких! — воскликнула Милославская и тоже закурила. — Вы мне можете сообщить адрес продавцов квартиры? Ой, что я говорю, какой адрес! — поправилась гадалка. — Паспортные данные или еще что-то о них...

- Нет! — Наташа вновь ухмыльнулась и развела руками.
- Но почему? — Яна не смогла сдержать своего раздражения.
- Они предложили свой товар по телефону!
- Как?!

— Вот так! Сказали, есть у нас то-то и то-то, помогите найти покупателя, и все дела! А платит за услуги, по правилам, покупатель. Так что, платил Наровчатов, а его злополучных партнеров мы и в глаза не видели! Кстати, у меня есть номер телефона, с которого они тогда звонили. У Саши телефон с определителем номера, а я, знаете ли предусмотрительная, — Наташа полистала настольный перекидной календарь и на одном из листов нашла искомую запись. Он оторвала листок и протянула его Яне. — Только не знаю, поможет ли это... Может, вообще, с автомата какого-нибудь звонили...

— Да... — Милославская выпустила струйку дыма. — Что же теперь делать? А где сейчас обитает полковник Наровчатов, не знаете? Мне бы с ним тоже побеседовать...

— А он что же милиции свои координаты не сообщил?

— Сообщил, почему же, — гадалка замялась, — я оставила блокнот в отделе. Знаете ли, спешила очень...

Наташа нажала кнопку телефонной АТС и произнесла:

— Ир, папочку мне принеси. Да. Да. Наровчатов.

Через некоторое время в дверях появилась та самая Ира, которая, поздоровавшись с гостьей, протянула своей начальнице прозрачную папку с какими-то бумагами и удалилась, хотя в ее взгляде легко читалось любопытство. Наташа порылась в принесенных бумагах и достала сложенный вчетверо листок, на котором был написан адрес подполковника. Затем она сообщила, что Наровчатов оставил свои координаты Саше в надежде, что «Аэлита» каким-то образом сможет разрешить его проблемы. Саша переписал данные себе в блокнот, а листочек Наташа предусмотрительно прибрала, поскольку предполагала, что он может понадобиться.

— Вы наверное знаете, — добавила девушка, — он с семьей у сестры сейчас обитает.

— Да-да...

Милославская молчала и думала, что еще спросить у Наташи и как действовать дальше. Сомневаться в словах девушки у нее не было причины, возможно, потому, что у той не было повода лгать. Ведь все сказанное ей легко подвергалось проверке при первом же разговоре с подполковником. Яне хотелось выяснить сейчас все мелкие детали

произошедшего, но внутренний голос ей говорил, что лучше удовлетвориться меньшим и поскорее убраться восвояси, пока не появился Саша, возможно, более предусмотрительный, чем его коллега. Он мог потребовать корочку, которой у Милославской, естественно, и в помине не было. Поэтому гадалка поднялась со стула и деловито произнесла:

— Ну что ж, мне пора. Конечно, хотелось бы выяснить еще кое-какие детали, однако, время поджимает, есть срочное дело. Думаю, сегодня работу с вами продолжит мой коллега — Семен Семеныч Руденко.

— Вы считаете, что выяснили не все? — не без иронии спросила девушка.

— Нет. Но у нас работа такая, и вам, боюсь, придется всвязи с этим пережить немало неприятных минут.

— Представляю себе... — услышав за окном пиканье дистанционного пульта управления замком автомобиля, Наташа обернулась и с улыбкой произнесла: — А вот и Саша.

— Да? — тоже почему-то заулыбавшись, воскликнула гадалка. — Как жаль, что мне некогда с ним говорить! Я спешу! — Яна схватила сумочку, лежавшую около стула, и торопливым шагом двинулась к двери.

Наташа, очевидно, не собиралась ее провожать, поскольку появление Саши ее чрезвычайно обрадовало — девушка достала из ящика стола небольшое зеркальце и принялась перед ним прихорашиваться. Милославской это было только на руку: оказавшись в коридоре, она столкнулась с невысоким коренастым парнем, который, очевидно, привыкнув к многочисленным посетителям, даже не обратил на нее внимания. Будь рядом Наташа — Яне наверняка пришлось бы объясняться, кто она и зачем, а это по понятной причине было нежелательно.

Покинув здание «Аэлиты», гадалка двинулась вперед по улице в неизвестном ей направлении. Она просто брела, задумавшись, прокручивая в уме минувший разговор с Наташей. Ее размышления прервали звуки энергичной, задорной музыки, несущиеся из окон здания, мимо которого она как раз проходила. Повернув голову, Милославская обнаружила вывеску, свидетельствующую о наличии кафе в этом помещении. Посмотрев на часы, она решила заглянуть сюда и перекусить, а заодно и поразмышлять в располагающей к этому обстановке.

Три каменные ступеньки вели вниз. Спустившись по ним, Яна оказалась перед массивной деревянной дверью, резным узором напоминающей необъяснимые бороздки на камне. Несколько позже она убедилась в том, что и внутри кафе было обустроено в стиле каменной пещеры. Это вызывало ощущение путешествия в неведомое далекое

прошлое, и находиться здесь было если не приятно, то по крайней мере интересно.

В центре одной из стен находился огромный настоящий камин, внутри которого вздрагивало танцующее пламя и потрескивали дрова. Милославская расположилась за столиком, ближайшим к камину. Кафе было практически пустым, поскольку основная масса людей собиралась здесь ближе к вечеру, а то и ночью. Пролистав принесенное юной официанткой меню, гадалка остановила свой выбор на овощном салате и стакане минеральной воды. Особого голода она пока не ощущала, а вот подкрепиться не мешало.

Ожидая свой заказ, экстрасенс опять углубилась в раздумья. Яна вдруг вспомнила о Валерии, о трагедии, случившейся с ней. Как ни странно, но история Наровчатова как-то отодвинула Вершинину на второй план. Сейчас она даже ее больше интересовала, увлекала и толкала к действиям. С другой стороны, гадалка чувствовала невидимую пока связь между этими двумя делами. Вразумительного объяснения этому чувству она не находила, но и не отказывалась от этой чисто интуитивной подсказки.

Официантка принесла одноразовую тарелочку с салатом. Прежде, чем приступить к трапезе, Милославская определила для себя дальнейший план действий. Адрес Наровчатова был у нее на руках, поэтому его посещение являлось сейчас первым быстрым и реально осуществимым делом. Даже если интуиция подводила ее — а это случалось исключительно редко, можно сказать было редчайшим случаем — польза от беседы с Наровчатовым все равно существовала. Во-первых, помощь другу ценилась и будет цениться во все времена. Во-вторых, немного развязавшись с этим делом, Семен Семеныч становился более свободным для расследования дела Вершининой. Конечно, всеми этими расследованиями занимался не только он, многие милиционеры несли за раскрытие персональную ответственность, но Милославская сотрудничала только с Руденко, поэтому только его степень задействованности в работе ее интересовала.

Яна хотела было уже запить съеденный салат минералкой, как вдруг услышала над собой низкий мужской голос:

— Можно к вам присоединиться?

Милославская подняла голову и увидела высокого, более, чем упитанного мужчину, собирающегося расположиться за одним столиком с ней. Она окинула взглядом кафе. Рядом было множество свободных мест, из чего ей стало понятно, какие цели незнакомец преследует. Однако противиться она не стала и убрала со свободного стула сумочку.

— Курите? — спросил мужчина и протянул Яне открытую пачку

«Кэмэл».

Гадалка взяла одну сигарету и, воспользовавшись своей зажигалкой, закурила. Незнакомец заговорил о погоде и о прочей ерунде, обычно упоминаемой в таких разговорах. Яна молчала и слушала. Когда тот предложил познакомиться, она небрежно пожалла плечами и назвала свое имя. Мужчина представился Андреем. В этот момент послышался звонок его сотового. Он стал выслушивать своего телефонного партнера, а Яна вспомнила об оставленном ей адресе Наровчатова и достала из сумочки листок, данный Наташей. Кроме адреса, на нем был указан и номер телефона. Являться к совершенно незнакомому человеку без предупреждения и приглашения было бы просто нелепо, поэтому наличие этого номера оказалось кстати.

Улица, на которой находилось кафе, была довольно безлюдной и глухой, и таксофоны на ней являлись подлинным дефицитом, поэтому гадалка завистливо глянула на сотовый Андрея и заметно оживилась в разговоре. Мужчина предложил что-нибудь выпить. Милославская согласилась при условии, что он одолжит ей на минуту свой телефон, по которому ей срочно требовалось позвонить. Андрей с радостью ответил на просьбу экстрасенса.

В ответ на приветствие Яны послышался мужской голос, который, как оказалось, принадлежал самому подполковнику Наровчатову. Здесь Милославская сотрудником органов представляться не собиралась. В-первых, человека такого ранга ей провести было значительно сложнее. Во-вторых, только утром он был в отделе и, наверное, планы милиции в его отношении на это день Наровчатову были небезызвестны. Поэтому гадалка сразу заявила о том, что ведет частное расследование по одному из дел, которое привело ее к его истории. Как это ни странно, но в голосе подполковника сразу послышались положительные нотки, и он высказал согласие к сотрудничеству. По-видимому, этот человек находился в такой степени отчаяния, что был рад возложить надежды на любую помощь и заинтересованность в судьбе его семьи. Яна была обрадована таким ходом дела и назначила встречу с Наровчатовым на ближайшее время.

Протянув Андрею его сотовый, она заметила выражение глубокого удивления на его лице.

— Что? — спросил гадалка.

— Профессия у вас интересная... — ошарашенно протянул он, ошеломленный случайно услышанным.

— Согласна, — ответила Милославская и улыбнулась, видя как уверенный в себе мужчина превратился на ее глазах в любопытного

ребенка.

— Вы это... из милиции что ли?

— Не-а, — задиристо ответила Яна.

— Частный детектив?! — воскликнул тот, и лицо его еще больше вытянулось.

— Не-ет! — Милославская захохотала.

— А кто же?

Яна вкратце описала стиль и методы своей работы, мало надеясь и интересуясь, поверит ли тот ей. Но Андрей привстал, взял руку Милославской в свою, слегка прижался к ней губами и на одном дыхании произнес:

— Такая хрупкая и нежная! Божественная! Преклоняюсь...

Яна острожно высвободила свою руку и, посмеиваясь, ответила:

— Благодарю!

Затем она немного помолчала, глядя, как Андрей усаживается на свой стул, с трудом умещаясь на нем, и добавила:

— Ну что ж, всего доброго, мне пора!

— Куда? — удивился тот, но потом совершенно другим тоном произнес: — Я подвезу?

Милославская не стала отказываться, полагая таким образом сэкономить время. Андрей зазвенел ключами и направился к выходу, забыв об обещании Милославской выпить с ним. По-видимому, он на самом деле был очарован ею.

Яна поспешно последовала за ним, заранее думая, как потом будет избавляться от ухаживаний навязчивого кавалера.

Андрей нажал на кнопку пульта дистанционного управления, болтающегося в связке среди ключей и шикарная «Ауди» цвета «металлик», стоящая среди других автомобилей, весело запиликала. «Недурно! — подумала гадалка. — На этой мы быстро домчимся!»

В своих предположениях она оказалась права. Машина летела, словно ласточка, а Андрей водил великолепно и легко маневрировал среди автомобилей даже в местах их большого скопления. Милославская держала в руках листок с адресом и высказывала возможные варианты нахождения дома 33 по улице Дегтярной.

— Сейчас отыщем, — успокаивал ее мужчина, — не беспокойтесь!

В этот момент гадалка обратила внимание на безымянный палец правой руки Андрея — на нем сверкнуло тоненькое обручальное кольцо, инкрустированное тремя бриллиантовыми крошками. Она вздохнула с облегчением, радуясь тому, что у нее появился вполне обоснованный мотив

для отказа в свидании, на котором мужчина наверняка стал бы настаивать. Ей просто-напросто было не до этого, тем более сейчас, когда обнаруживалась необыкновенная сложность и закрученность расследуемого дела.

«Ауди» свернула на Дегтярную и Яна стала более пристально смотреть в окно, пытаясь разобрать номера домов, указанные на табличках.

— А вот и он! — воскликнул через некоторое время Андрей и резко свернул к обочине.

— Вот и прекрасно! — воскликнула Милославская. — Пожелайте мне удачи!

— Еще успе-ею! — самоуверенно протянул мужчина и махнул рукой.

— Вряд ли, — вздохнув, ответила ему Милославская.

— Почему это? — Андрей удивленно захлопал глазами.

Ничего не сказав, Яна протянула свою руку к его руке и указательным пальцем стукнула несколько раз по блистающему кольцу.

— А-а-а — э-э, — невнятно протянул Андрей.

Милославская пожала плечами, сделав сочувствующее лицо.

— Но это не имеет значения! — воскликнул мужчина.

— Еще как имеет! — парировала Яна и вышла из машины.

Тот немного постоял, а затем, резко тронувшись с места, помчался прочь. Гадалка встала перед домом и, подняв голову, стала оглядывать его. Здание было старым, пятиэтажным, таким, какие называют «хрущевками». На одном из балконов стоял мужчина и нервно курил, делая затяжку за затяжкой. При этом он вглядывался вдаль, будто высматривая кого-то. У Яны мелькнула мысль, что это и может быть подполковник, и она вошла в этот подъезд. Дверь под номером 33 на самом деле находилась в нем. Милославская несмело нажала на звонок. За дверью через несколько секунд слышались торопливые шаги. Вскоре перед гадалкой стоял тот самый мужчина, которого она недавно видела на балконе курящим.

— Добрый день, — сказала она, — я Милославская.

— Заходите, я ждал вас.

— Вы один? — поинтересовалась Яна, снимая куртку.

— Да. Жена с сестрой и детьми ушли на рынок за продуктами.

Экстрасенс огляделась — квартира была маленькой, хотя и двухкомнатной. В коридоре едва-едва могли уместиться трое-четверо, а кухня, видная из прихожей, занимала не более пяти квадратных метров. Подполковник, уловив оценивающий взгляд гадалки, заметил:

— Здесь мы вынуждены сейчас ютиться всемером! Наша семья — четверо, да в семье сестры трое человек.

— Сочувствую, — произнесла Милославская. — Ну, куда мы с вами пройдем?

— Извините, — опомнившись, сказал Наровчатов, — идемте сюда, — он указал рукой на комнату, являющуюся, скорее всего залом. — Я Александр Петрович, — добавил подполковник, когда его гостья расположилась в кресле. — Пожалуйста, объясните еще раз, что вас привело ко мне. По телефону я не очень разобрал это.

Милославская подробно описала все свои шаги в расследовании дела Вершиной — от визита к ней Натальи Евгеньевны до того момента, когда Руденко сообщил ей о визите в отдел самого Наровчатова. Подполковник слушал внимательно, а когда гадалка закончила, спросил:

— Я все-таки не понял, какое отношение моя трагедия имеет к жуткому несчастью, произошедшему с этими девушками?

Яна объяснила, что подтвержденной фактами связи, на самом деле, пока нет, но что она ее чувствует на подсознательном уровне.

— К тому же, нить все равно ведет к риэлтэрской деятельности, — закончила Милославская, имея ввиду последнее воспоминание Вершиной.

Похоже, Наровчатов не очень-то верил в целесообразность таких выводов, но он не противоречил гадалке, обрадованный вновь появившейся надеждой. Яна, по видимому, внушала ему доверие — подполковник отвечал на все поставленные ею вопросы и в разговоре был необыкновенно тактичен. Казалось даже, он хотел оправдаться перед ней за свой прометчивый поступок.

Наровчатов с горечью поведал о том, что посвятив всю жизнь службе Отечеству, он полгода назад вышел на заслуженный отдых. Семья решила перебраться в этот город, откуда супруги были родом. Здесь у Александра Петровича жила родная сестра, а у его жены — родители. Продав свою двухкомнатную в Нерчинске, Наровчатовы выручили весьма небольшую сумму и могли рассчитывать здесь тоже на двушку, но только в периферийных районах.

Обратившись в посредническую фирму «Аэлита», подполковник совершенно неожиданно и быстро напал на выгодный вариант. Продавалась двухкомнатная в неплохом районе очень дешево. Она соответствовала всем предъявляемым требованиям — была отремонтирована, имела металлическую дверь и так далее. Наровчатов не очень-то доверял частным конторам, наслушавшись всякого об их махинациях, однако самостоятельные поиски не принесли желаемого результата, и он пошел в «Аэлиту». Предложенный маклерами вариант его

обрадовал еще и тем, что продавец тоже был против сделки с участием посредников. Александр Петрович заплатил за информацию и, ошарашенный, отправился по указанному адресу на просмотр жилплощади.

Его встретил молодой парень, показавшийся очень любезным. Подполковник тщательно осмотрел квартиру — его все устраивало: оклеенные потолочной плиткой потолки, современные обои, новый импортный линолеум, сантехника, кафель в ванной, туалете и на кухне и так далее. Однако хвататься за первое же попавшееся жилье ему казалось нелепым. Стоило хотя бы для сравнения посмотреть еще что-то. Как говорится, поспешишь — людей насмешишь, да и сам потом жалеть будешь.

Но, к неудовольствию Наровчатова, хозяин квартиры заявил, что продажа — срочная, и если он желает приобрести данную жилплощадь, то ему необходимо решиться в течение этого же дня, и на текущей неделе сделка должна осуществиться. Это, конечно, озадачило подполковника. Но, упустив такой хороший шанс, он обрекал себя на вечное жительство на какой-нибудь глухой окраине в самой заурядной квартирешке. Поэтому, посоветовавшись с женой, которая тоже посмотрела квартиру и которой тоже все понравилось, Александр Петрович согласился на покупку. Чем это все закончилось, Милославской уже было известно.

С грустью вздохнув, Яна хотела было выразить свое сочувствие Наровчатову, однако не стала этого делать, понимая, что только еще больше опечалит его.

— Как же все-таки это вышло? — спросила она, помолчав.

— Что? — Наровчатов закурил.

— Ведь вы проверяли правильность оформления документов, наличие всего необходимого при сделке? Как же вышло, что там оказался жилец, не ведающий о том, что его квартиру продали? И какое право он имеет оставаться там, если вы уже приобрели это помещение в собственность?

— Подождите-подождите, — прервал Яну Александр Петрович, — мне здесь самому многое непонятно! Я потому и обратился в милицию, что сам не в силах во всем этом разобраться. Пока от них ничего нового... Не знаю, шевелятся ли они там вообще! Их-то это не коснулось! А мне хоть в петлю! Здесь мы таким вот образом, всемером, долго не продержимся, а жить больше негде. У родителей жены однокомнатная малогабаритка... А я на свою пенсию вряд ли могу организовать полноценное питание своим детям, не то что арендовать жилье.

— Успокойтесь, Александр Петрович, — воскликнула гадалка, — во

всем разберемся. Я вам обещаю. А милиция тоже шевелится, не переживайте! Я лично проконтролирую активность Семена Семеныча Руденко. Общими усилиями что-то придумаем!

Подполковник промолчал, но в его глазах блеснул слабый огонек надежды.

— Вы мне адрес злополучной квартиры дадите? — спросила Милославская.

— Да, конечно, — Наровчатов утвердительно кивнул головой, — я его наизусть помню!

Он продиктовал Яне название улицы, номер дома и квартиры, а она поспешила перенести все это в свой блокнот. В этот момент загудел дверной звонок, и Александр Петрович поспешил в прихожую.

— Яна! — тихо воскликнул он.

Милославская, решив, что Наровчатов зовет ее, тоже вышла в коридор. Однако там она обнаружила высокую стройную рыжеволосую женщину с двумя большими пакетами в руках. Подполковник, увидев гадалку, сказал:

— Вот, это моя жена, как и вы, Яна, только Яна Алексевна!

Не успел он закончить эту фразу, как в дверях послышались радостные детские возгласы, вслед за которыми на пороге показались два огненно-рыжих, усеянных веснушками, мальчугана лет восьми-девяти, как две капли воды похожих друг на друга.

— Это сыновья мои, — горделиво заявил подполковник, — Кирилл и Матвей!

— Очень приятно, — ответила Яна и, представившись, протянула мальчикам свою руку.

Те захихикали, смущенные таким взрослым обращением с ними, а затем Матвей, очевидно, более шкодливый, торопливо пожал гостье руку.

— А где Маша? — спросил Александр Петрович у жены, вероятно, имея ввиду свою сестру, с которой те вместе покинули дом.

— Пошла к юристу знакомому, — сухо ответила Яна Алексевна.

Она не удивлялась визиту незнакомой ей Милославской, очевидно, женщина присутствовала при телефонном разговоре мужа с экстрасенсом, который закончился уговором о встрече. Передав мужу полные продуктов сумки, Яна Алексевна пригласила гадалку пройти в зал, но та отказалась, сказав, что спешит продолжить расследование. Наровчатова не выказывала ни особой радости по этому поводу, ни недовольства. Очевидно, она просто была введена в глубочайшую депрессию произошедшим и ни на что уже не надеялась.

Пообещав связаться с Наровчатовыми, как только появится какая-

нибудь новая информация, Милославская покинула квартиру, оставившую горький осадок в ее душе. Вряд ли кто-то, столкнувшись с подобной ситуацией, мог чувствовать себя иначе. Гадалка села на скамейку, стоявшую возле подъезда, и закурила. Она думала о том, что теперь ей не мешало бы выяснить, откуда предлагалась для продажи злополучная жилплощадь. Возможно, конечно, звонили, на самом деле, с телефона-автомата. Но мошенники могли и просчитаться в этом плане, не предполагая напасть на такую предусмотрительную, как Наташа, которая сразу же записала номер их телефона, воспользовавшись определителем. В этом случае у Наровчатова появлялись шансы на изменение сложившейся ситуации и торжество справедливости.

Однако один только номер телефона ничего не давал — следовало разузнать адрес, по которому телефон с таким номером был установлен. Милославская подумала о справочнике, который в такой ситуации вполне бы мог помочь. Но у нее такового не имелось, и она стала перебирать в памяти знакомых, у которых он мог бы быть.

Первый, кто пришел ей в голову, был Руденко. Она помнила, как Маргарита Ивановна, его благоверная супруга, как-то отыскивала при гадалке в справочнике адрес своей давнишней подруги, которой ей срочно по какому-то поводу понадобилось позвонить. Справочник у Руденко был довольно увесистый — толстый, в твердом красном переплете, по размерам похожий на какую-нибудь энциклопедию. Это Милославская хорошо помнила, поэтому и решила первым делом навеститься к жене приятеля. Его самого в такое время вряд ли можно было застать дома. Конечно, эта попытка не была стопроцентно обречена на успех, поскольку номера уличных телефонов в справочниках не указывались, да и сама книга могла устареть. Однако, как полагала гадалка, попытка — не пытка, и стоило использовать каждый предоставившийся шанс, способный превратиться в удачу.

Милославская вышла на обочину дороги и довольно быстро поймала такси, которое через несколько минут домчало ее к нужному месту. Дом, уже несколько лет служащий жилищем семейству Руденко, был длинной белой девятиэтажкой, построенной не так давно, но выглядевшей, тем не менее, весьма неприглядно. Как это часто бывает, на расстоянии нескольких десятков метров вокруг него несло нечищенным мусоропроводом, в котором очень даже по-хозяйски себя чувствовали разъевшиеся крысы. В подвале вечно текли трубы, отчего там установился просто тропический климат, в котором круглый год выводили потомство тучи назойливых комаров, ночами докучающих жильцам всей

девятиэтажки вплоть до верхних этажей.

Милославская в который раз осматривала эту девятиэтажку и с горечью думала о том, что Семен Семеныч, денно и нощно пропадая на работе, на большее никогда сам не заработает, а государство о нем и не вздумает позаботиться. Вспомнив о Наровчатове, она, однако, подумала, что важно иметь хоть какую-то крышу над головой, и Три Семерки в сравнении с подполковником выглядел сейчас просто счастливым.

Подойдя к лифту, гадалка обнаружила, что его пластмассовую кнопку, какой-то заботливый мудрец просто выжег, отчего вызвать его с первого этажа было просто невозможно. Вздохнув, Яна поднялась на нужный этаж пешком, и вскоре она стояла перед Маргаритой Ивановной, по счастливой случайности оказавшейся дома.

— Яночка! — как всегда радостно воскликнула она. — Заходите! Только Семы нет дома, — сделав грустное лицо, добавила женщина.

— А я нынче по вашу душу, — улыбнувшись, ответила гадалка.

— Ой! Как хорошо! Мы с вами так давно не болтали о том-о сем, — Маргарита Ивановна сложила руки на груди в молено жесте.

— Боюсь, что и на этот раз не поболтаем, — Милославская вздохнула с нарочитой грустью. — У меня к вам дело.

— Какое? Ой, ну что же мы с вами у порога стоим? Пройдемте на кухню, у меня обед готов.

Гадалка последовала за хозяйкой и через пару минут они обе уже сидели за столом.

— Мы с Семеном Семенычем одно дело расследуем, и нам срочно понадобилась ваша помощь, — начала Милославская.

— Да?! — удивленно, но в то же время с чувством гордости по поводу своей значимости воскликнула Маргарита Ивановна.

Яна изложила суть своей просьбы и женщина, сияя от счастья, тут же положила перед ней пресловутый справочник. Милославская, отказавшись от обеда, хотя тот и завораживал своим ароматом, принялась листать книгу. Она быстро отыскала в ней столбик, в котором значились номера, начинающиеся с той же цифры, которая была начертана быстрой рукой Наташи на вырванном ею листке. Гадалка не смогла сдержать радостного взгласа, когда ее взгляд уловил среди других номеров нужный.

— Боже мой! Какая удача! — громко воскликнула она и встала из-за стола.

Действительно, Милославская не ожидала, что все получится так быстро. К тому же она обнаружила, что данный номер принадлежал частному лицу — это значительно облегчало дальнейшие шаги ее

расследования. В справочнике был указан и адрес, и фамилия владельца. Теперь она спокойно могла отправляться туда и пытаться выяснить на месте, как позвонившим в «Аэлиту» удалось повернуть их грязную махинацию и вовлечь умного и опытного человека, подполковника ракетных войск, в сети аферы.

Ее огорчало лишь то, что связи с трагедией Вершининой по-прежнему не обнаруживалось. В этом расследовании гадалка пока не двигалась с места, хотя известий от нее очень ждали, и эти клиенты чувствовали себя не менее несчастными беспомощными, чем Наровчатовы. Тем не менее, Яна не хотела отказываться от намеченного пути, и собралась было уже покинуть квартиру Руденко, как Маргарита Ивановна, случайно глянувшая в этот момент в окно, практически завизжала:

— Сема! Семушка!

Вслед за этими словами, она взобралась ногами на табуретку, отчего та предупреждающе скрипнула, и примкнув головой к открытой форточке, горделиво закричала:

— Семушка-а, а я в расследовании поучаствовала! — женщина схватила со стола справочник и стала махать им перед стеклом.

Яна посмотрела в окно и обнаружила возле подъезда шокированного выходкой жены приятеля, который только что приехал и даже не успел закрыть дверь своей старенькой «шестерки».

— Слезь, ети ее мать! — с трудом сдерживая смех, крикнул тот через некоторое время. — Расшибесь-ся ведь!

Табуретка и на самом деле еще раз скрипнула и покачнулась, и Яна даже поближе подошла к Маргарите Ивановне, чтобы на всякий случай подстраховать ее.

Спустя несколько минут в квартиру вошел Три Семерки и, увидев Яну и захохотав, спросил:

— Ну, каким еще расследованием ты моей благоверной голову заморочила? А я ведь сразу понял, что это ты, Яна Борисовна!

Милославкая и сама рассмеялась, глядя на обиженную женщину, геройски продолжавшую стоять на стуле. Затем она поведала Руденко о последних сведениях, добытых ею, чему тот невероятно обрадовался.

— Как хорошо, что ты заскочил, — радостно говорила она, — сейчас сразу махнем туда!

— Ага! Только пообедаю! — согласился тот. — А я в фирму ту, в «Аэлиту» собрался, но думаю: «Надо поесть!», а то я голодный еще злее, тактичность в общении, понимаешь ли, не смогу соблюдать! Кстати, куда, ты говоришь, надо ехать?

— На Третий жилучасток, товарищ капитан! В самую его глушь, судя по адресу. Хотя... возможно, я ошибаюсь, — Милославская задумалась, мысленно представляя себе ту местность, в которую им сейчас предстояло отправиться. — Впрочем, что здесь гадать — сейчас все разузнаем! Итак, нас ожидает серьезный разговор с господами Грищенко. Во всяком случае, такая фамилия указана в справочнике.

— Разговор серьезный, ты права! — воскликнул Руденко, усаживаясь за стол. — Ну что, Маргарита, подавай на стол. Знаешь, Яна Борисовна сейчас заскочим в отдел, я кого-нибудь из хлопчиков с собой захвачу. Опасно все-таки все это! Они как-никак такие бабки на своих махинациях делают, видать люди серьезные, готовые к серьезной защите.

Маргарита Ивановна, державшая в этот момент половник с супом, едва не уронила его, услышав слова мужа.

— Опасно?... — тихо протянула она.

— Ничего серьезного, — сразу же переменяя тон, затараторил Три Семерки, — пустяки. Да, Яна Борисовна? — Руденко энергично стал подмаргивать Милославской правым глазом, отчего вся правая половина его лица перекашивалась и делала его невероятно смешным.

— Безусловно! — ответила гадалка, с трудом сдерживая смех. Она понимала, что жене приятеля ни к чему лишние переживания и поэтому поддержала Семена Семеныча в его лжи во спасение.

Чтобы не наговорить еще чего-нибудь лишнего, Руденко замолчал и стал, громко прихлебывая, улепетывать горячие щи. Яна тоже не отказалась от обеда и с удовольствием насладились этим простым, но искусно приготовленным кушаньем. Закончив трапезу чаем с лимоном, друзья покинули квартиру Руденко, едва-едва сумев внушить Маргарите Ивановне, что с ними все будет в порядке.

* * *

— Трофимов! Трофимо-ов! — неистово орал Руденко, разозленный тем, что его подчиненный не откликнулся на первый же зов своего начальника. — Я тебе организую три ночных дежурства вне очереди, собачий ты сын!

Трофимов, спешно удаляющийся в конец прилегающего к зданию отдела двора, сразу же обернулся.

— А? Да, товарищ капитан, слушаю.

— Я те дам слушаю! — Семен Семеныч догнал сослуживца и,

выпятив указательный палец, стал им трясти прямо перед носом молодого лейтенанта. — Почему сразу не реагируешь на приказы?

— А я не знал, что это приказ! То есть, я его не слышал, — притворяясь непонимающим, твердил тот.

— Эх, отвесил бы я тебе сейчас оплеуху, будь моя воля! — Три Семерки продолжал трясти своим пальцем. — А еще лучше — всыпал бы розгов, в соленькой водичке смоченных! — Руденко провел рукой по усам и продолжил: — А, ладно! Не время сейчас лаяться, садись в машину, едем на дело! Учти — дело важное! За все свои промахи отвечаешь головой!

— Вы ж все время говорите, у меня головы нет! — возмущенным тоном ответил Трофимов. — Чем же я отвечать должен?!

— Не головы, я говорю, а мозгов, — нравоучительно протянул Руденко, — а если еще и головы нет, ответишь ж.... Ой, извиняюсь, Яна Борисовна! — Три Семерки осекся, увидев за спиной Милославскую.

Все это время она находилась в машине, но, увидев, что между Руденко и его подчиненным разгорается нешуточный спор, убивающий драгоценное время, решила выйти и поторопить Семена Семеныча.

— Мужчины, некогда время тратить на пустые разговоры, — положив руки на плечи разгоряченных собеседников, произнесла Яна, — едьте скорее! Нас ждут дела более серьезные!

— Да-да, Яна Борисовна, идем! — торопливо ответил Руденко, а сам за ее спиной еще раз погрозил лейтенанту. — Да хотел капитана одного с собой взять, хороший мужик, знающий, но он уехал по какому-то делу, пришлось молодого этого привлечь, не знаю, будет ли в случае чего толк от него?

— Будет, будет, — ответила Милославская. — Ты сам не так что ли начинал?

Руденко смутился таким откровенным упоминанием об ошибках его молодости, хорошо известных гадалке, и больше не высказывал недовольства относительно поведения Трофимова.

— Кстати, я — Серега! — хитро прищурившись, проговорил тот и уселся на заднее сиденье рядом с Милославской. Затем он протянул ей руку.

— Яна Борисовна, — ответила гадалка и сделала ответное пожатие.

Трофимов начал сыпать какими-то глупыми и примитивными анекдотами, но ни Яна, ни Три Семерки его не слушали, потому что всецело были посвящены в размышления о предстоящих трудностях.

Так они миновали большую часть города и приблизились, наконец, к

району, называемому Третьим жилым участком. Дороги здесь оставляли желать лучшего, и старенькая Руденковская шестерка вся тряслась и грохотала на ее частых ухабах.

Милославская пристально вглядывалась в табличку с названием улицы, висящую на углу пятиэтажного дома, мимо которого они как раз проезжали.

— Брось, Яна! — обратился к ней Семен Семеныч. — Я предполагаю, что на Старой Загоре стоят совсем другие дома. Может, ошибаюсь, конечно, но, кажется мне, я на этой улице бывал когда-то и видел другое.

— Не пятиэтажки? — спросила гадалка.

— Не-а, эти старые хрущевки, можно сказать, лучшее, что здесь есть, — Три Семерки ухмыльнулся.

Через некоторое время единомышленники получили шанс убедиться в правоте слов Семена Семеныча. Вдоль трамвайных путей потянулись ряды настоящих лачуг, наводящих тоску и уныние. Дома были двух-трехэтажные, некоторые беленые, некоторые крашенные отвратительной желтой краской. Ремонт их проводился, по-видимому, давным-давно, и краска выцвела, штукатурка местами осыпалась, обнажая деревянные рейки, между которыми виднелась осыпающаяся глина. Первый этаж многих строений практически сравнялся с землей, а сами здания перекошились, будто отжившие свой век старики. Рамы редких окон были освежены краской, словно у их хозяев совсем опустились руки от безнадежного жилья в таких условиях. Вся эта картина дополнялась видом многочисленных маленьких палисадников, обнесенных убогими заборами, сооруженными ограждающимися от воров-алкоголиков старухами из найденных ими толстых коряг и сухих веток деревьев.

Яна смотрела на улицу с чувством глубокого сочувствия, зная, что жильцам этих злополучных домов, ожидающих расселения по причине сноса жилищ, еще долго-долго, а, может быть, всю жизнь придется ожидать осуществления своих самых заветных мечтаний. Наконец, она увидела табличку с искомым названием Старая Загора, и сообщила об этом Руденко. Тот сразу же свернул с дороги к домам и поехал по тротуару, вглядываясь в номера домов. Он неистово матерился, забыв о присутствии женщины, потому что тротуар здесь по преимуществу представлял собой засохшие земляные колеи, оставленные в грязную погоду колесами подъезжающих к домам машин. Впрочем, Милославская не обращала на невежество приятеля никакого внимания, потому что ей и самой хотелось выругаться, перечислив поименно всех чиновников местной администрации, обещающих активно улучшать жизнь населения только в

предвыборных компаниях.

Через пять минут езды дом под нужным номером был найден. Семен Семеныч завернул во двор и притормозил возле единственного подъезда этого двухэтажного здания. Возле него не было даже асфальтированной дорожки, но земля настолько притопталась, что напоминала гладкую бетонную площадку, местами поросшую травой-муравой. Справа от деревянного крыльца находились два пня, служащих, очевидно, скамейками всем желающим подышать возле двора свежим воздухом.

Милославская с Руденко решили идти вдвоем, а Трофимову приказали быть начеку и, в случае чего, обратиться в отдел с требованием помощи. Приятели ступили на невысокое деревянное крыльцо с облупившейся желто-коричневой краской. Две ступеньки вели вниз, в подъезд. На площадке первого этажа Яна и Семен Семеныч обнаружили две противоположных друг другу двери, на каждой из которых указывались по два номера. Увидев две металлические цифры, прибитых мелкими гвоздиками, гадалка прошептала:

— Это она!

— Останься здесь! — тоже шепотом произнес Руденко и указал Милославской на площадку под деревянной лестницей, ведущей на второй этаж. — Если все будет тихо через пару минут, то зайдешь.

— Не...

— Никаких возражений быть не может! Молчи, женщина! — Руденко пытался шутить, но по глазам его было видно, насколько он сам взволнован.

— Ладно, ладно, — Яна согласилась только затем, чтобы усиливающийся при споре голос Руденко не привлек постороннее внимание. Она кивнула головой и немного отошла от двери в сторону.

— Под лестницу! — Три Семерки вытянул руку и замахал ею на Яну, услышав, как за дверью послышались чьи-то шаги.

Однако, эти шаги никого не привели к этой двери, и он вздохнул с облегчением.

— Коммуналка? — рассуждал Семен Семеныч.

— Угу, — ответила Милославская, — за этой дверью еще две.

— Ну, с богом, — торопливо промолвив эти слова, Руденко нажал на звонок.

Яна, как и было приказано, скрылась под лестницу и, увидев довольно приличную щель между двумя ступеньками, прильнула к ней. Дверь, возле которой стоял Семен Семеныч, сквозь отверстие виднелась ей довольно хорошо.

В предвкушении скорой развязки этого дела сердце ее стучало чаще обычного. Казалось, она сама отчетливо слышала его взволнованные удары. Хозяева квартиры вскоре отреагировали на звонок, и послышались звуки поворачивающегося в двери ключа. Тот, кто открывал дверь не соблюдал никаких мер собственной безопасности, он не был осторожен, и это Милославской показалось странным. Хотя, возможно, мошенники просто-напросто не предполагали, что их логово обнаружено, и их путь превратился в лезвие ножа.

— Ну-ка марш домой! Все время вертишься под ногами! — послышался из-за двери звонкий женский голос.

Вскоре перед Семеном Семенычем предстала молодая красивая женщина с грудным ребенком на руках. Сзади за ее старенький выцветший халат держался, покачиваясь, еще один годовалый карапуз. Руденко от неожиданности открыл рот. Милославская тоже была немало удивлена. Эти господа на аферистов мало походили.

— Э-э-э-э-... — замявшись, протянул Руденко. — Телефон с таким номером принадлежит вам? — нашелся он, наконец, и протянул даме листочек с начертанным на нем номером.

— Да, а что случилось? — взволнованно спросила женщина, издали глянув на запись.

Семен Семеныч был в милицейской форме, поэтому у нее не возникло вопросов по поводу того, кем является незваный гость. Яна подумала, что, Руденко, возможно, лучше бы было как-то замаскировать свою личность. Но сожалеть об этом теперь не имело смысла, к тому же женщина вряд ли являлась матерой преступницей, способной повернуть такую ловкую махинацию.

— Ваша фамилия — Бирюкова?

— Да... Лидия Бирюкова. — тихо ответила женщина. — Да что, наконец, произошло?! — возмущенно воскликнула она.

Из комнаты запахло сбежавшим молоком, и она, не сказав ни слова, спешно удалилась, оставив дверь открытой. Три Семерки по-хозяйски переступил порог и оказался в квартире. Милославская отчетливо слышала, как Руденко спросил:

— Ваш муж дома?

Он не мог знать, есть ли у матери этих двух очаровательных малышек муж, но, чтобы выяснить истину, ему приходилось блефовать и уверенно задавать вопросы.

— Да, — ответила женщина, гремя посудой, — он с ночи пришел, отсыпается.

— А где он работает?

— На заводе, аппаратчиком. Слушайте, товарищ милиционер, мне эта безызвестность надоела! Закройте пожалуйста, дверь, а то дует — дети маленькие, и объясните, в чем цель вашего визита!

Три Семерки громко хлопнул дверью, и больше Яна происходящего разговора слышать не могла. Это ее, конечно, разочаровывало, однако она обретала все больше уверенности в непричастности этих жильцов к махинации, лишившей Наровчатовых крова. Обзаведясь такой суммой, причем абсолютно незаконным путем, они вряд ли стали прозябать здесь. Во-первых, большие деньги требуют больших растрат, во-вторых, оставаться на месте для них являлось, безусловно, опасным. К тому же, контингент людей был не тот — Милославская не могла взять в толк, зачем простому рабочему — аппаратчику понадобилось влазить в криминальные структуры, обрекая своих детей и красавицу жену на безрадостное существование в течение нескольких лет. В отношении самой Бирюковой у гадалки сомнений возникало еще меньше. Тем не менее, фактов, объясняющих, каким образом преступники могли звонить именно с этого телефона, не существовало, да и аферисты могли просто-напросто ловко замаскироваться под невинное семейство...

В принципе, Яна могла сейчас войти внутрь и послушать, чем владельцы данной квартиры будут оправдывать произошедшее — ведь они с Руденко договорились о ее праве принимать участие в деле в случае безопасной обстановки. Однако делать этого гадалка пока не стала. Она села на корточки и стала размышлять, кто бы мог звонить от Бирюковых в «Аэлиту». Напрашивались только два варианта:

А) их родственники:

Б) их соседи, делающие частые визиты и имеющие разрешение пользоваться телефоном.

Но оба эти варианта внушали гадалке мало доверия. Не потому, конечно, что близкие вряд ли бы стали так подставлять Бирюковых — подлецов сразу трудно разглядеть, а их на земле достаточно. Просто таким образом преступников слишком легко было бы вычислить, ведь сама махинация являлась достаточно сложной, скорее всего мошенники позаботились о том, чтобы их найти было так же трудно.

Эти варианты тоже, конечно, не мешало проверить, поэтому гадалка, стукнув пару раз в дверь квартиры Бирюковых, вошла туда, не дожидаясь разрешения. Лидия посмотрела на нее вопросительно, но Семен Семеныч объяснил:

— Это моя коллега, Яна Борисовна Милославская. Будьте добры,

отвечайте и на ее вопросы тоже.

— Да я вам все уже сказала! — возмущенно воскликнула женщина. — Я буду жаловаться! Что это за безобразие? Предъявляете совершенно необоснованные обвинения, время отнимаете!

— Во-первых, — раздраженно перебил ее Три Семерки, — мы не обвиняем вас, а пытаемся установить истину, во-вторых...

Семен Семеныч замолчал, потому что в этот момент в комнату вошел заспанный высокий худощавый мужчина, который, потирая кулаками глаза, спросил:

— Что здесь творится-то?

В его тоне не было ни раздражения, ни испуга, ни притворного безразличия. Он взял на руки ребенка, старательно собирающего в свой маленький кулачок крошки с пестрого паласа, и еще раз спросил:

— Кто вы и зачем пришли, объясните!

Он посмотрел на свою жену, а Руденко в этот момент разочарованно махнул Яне рукой, давая понять, что допрос этого семейства бесполезен и только отнимает у них время. Гадалка и сама это чувствовала. Лидия в ответ на слова мужа принялась взволнованно пересказывать ему состоявшийся с Семеном Семенычем разговор. У того глаза с каждым словом округлялись все больше и больше. В конце концов он произнес:

— Товарищ милиционер, вы что?! Да мы предыдущие несколько месяцев здесь вообще не жили! Лидка родила, так мы к теще перекочевали! Какой телефон, какие звонки, когда у нас своих два звонка день и ночь называют! — он кивнул на малышей, уже начинающих капризничать.

В этот момент гадалке пришла новая мысль и она воскликнула:

— А факта незаконного проникновения в вашу квартиру за это время не было?

— Н-нет, — посмеиваясь и пожимая плечами, ответил хозяин, — да у нас и брать-то нечего, — он обвел взглядом скромную обстановку комнаты.

— Да, — присоединился к Милославской Руденко, — ничего не пропало? Может, вы обнаружить не успели? Сбережения были какие-нибудь...

— Семен Семеныч! — перебила его Яна. — Да причем здесь сбережения?! Господа Бирюковы, вспомните лучше, все ли было по вашему возвращении так, как вы оставили при отъезде? Телефон, например. Ничего странного, вообще, не обнаружили?

— Да нет, — задумчиво протянула Лидия. — Вообще-то, он у нас сейчас почти всегда сейчас отключен — дети маленькие, спят несколько раз в день. А так все как было, так и есть! Знаете, у нас тут соседи даже

любопытные и к постороннему шуму восприимчивые, так что если кто-то и собирался устроить здесь погром в наше отсутствие, это вряд ли бы осталось незамеченным, и нам обязательно о случившемся сообщили бы. А так вернулись — все тихо, мирно... По-старому...

— М-да... — протянул Руденко и достал из старой потертой кожаной папки чистые листы бумаги для составления протокола допроса.

Милославская, не имея абсолютно никакого желания проводить время в бездействии, вышла из квартиры с целью присмотреться к этим дюже любопытным соседям, о которых вела речь Лидия. Она похлопала по карманам куртки в поисках зажигалки, но ее там не оказалось. Яна стояла на площадке того самого первого этажа. Она огляделась вокруг — зажигалка лежала на полу под лестницей, там, где гадалка недавно пряталась. Здесь же Яна неожиданно обнаружила оббитую жестью дверь с небольшим навесным замком. Очевидно, она вела в подвал. Естественно, его исследования Милославская просто не могла себе не позволить.

Наклонившись к замку и пристальнее присмотревшись к нему, гадалка подумала, что он заперт. Однако, серьезного впечатления давно проржавевшая железка не производила. Прежде, чем приступить к осуществлению задуманного, Милославская прислушалась, не выходит ли кто из жильцов из своей квартиры. Все было тихо. Яна дернула за дужку посильнее — она тут же выскочила из самого замка. По-видимому, он здесь висел чисто символически, для отпугивания любителей подвального времяпрепровождения. Осторожно, стараясь не греметь и не производить громких звуков, гадалка вытащила замок из толстой железной петли. Слегка потянув дверь за ручку, она не смогла ее открыть, однако сделать рывок не решалась — резкий скрип привлек бы внимание.

Пытаясь припомнить, что обычно делают в таких случаях, Яна на минуту призадумалась. Затем, ухмыльнувшись, она обеими руками взялась за ручку и попыталась приподнять дверь. Та была легкой, поэтому сразу поддалась. Потянув теперь дверь на себя, Яна без затруднений открыла ее. По-видимому, в подвале царствовала сырость, отчего старая фанера разбухла и мешала нормальному функционированию двери. Жильцы, скорее всего, к этому приспособились, поэтому и не предпринимали никаких действий, а вот гадалке пришлось немного помучиться.

Луч света энергичной быстрой стрелой мгновенно пробил непроглядную тьму подвального помещения. На правой стене, почерневшей от постоянной влажности и почти всецело запутанной сетями паутины, Милославская разглядела выключатель. Яна осторожно протянула к нему руку и произвела щелчок — внутри сразу зажегся свет. Он был

каким-то ленивым и тусклым, но тем не менее, его хватало на то, чтобы создать атмосферу сумерков, в которых вполне сносно можно было ориентироваться.

Вдруг с верхнего этажа послышались чьи-то громкие разговоры, затем звуки поворачивающегося в двери ключа и, наконец, шаги человека, намеревающегося спуститься вниз по лестнице. Гадалка с испугу резко налегла на дверь — та заскрипела и, зарапая пол, захлопнулась. Яна замерла в ожидании своего разоблачения. Удары собственного сердца сначала мешали ей слышать все остальные звуки. Потом, в конце концов, она вспомнила, что ей есть чем себя оправдать — с ней Семен Семеныч, и они оба ведут вполне законное расследование.

Однако, оправдываться ей не пришлось. Деревянная лестница настолько скрипела, что дверного скрежета тот человек просто не расслышал. Скорее всего это был мужчина, заядлый курильщик — проходя через первый этаж, он зашелся мучительным влажным кашлем, который, к счастью, помешал ему обратить внимание на отсутствие замка на подвальной двери. Все-таки лишние разговоры и объяснения только отняли бы время, а так Яна сразу же получила шанс осмотреть помещение, манящее ее своей загадочностью. Наверно, это чувство зародилось в душе гадалки еще в детстве, когда маленькими девчонками они с подругами с удовольствием совали нос туда, куда не следовало и где их могли поджидать самые невероятные приключения.

Милославская стала смотреть перед собой — вниз вели три массивные ступеньки. Дальше, вдоль залитой бетоном дорожки, располагались несколько дверей, сооруженных из досок. Каждая из них украшалась навесным замком, который, как говорится, не лает, ни кусает, а внутрь не пускает. Милославская спустилась вниз и встала перед первой из дверей. Между двумя ее досками зияла внушительная щель. Яна прильнула к ней, но видно все равно ничего не было. Вздохнув разочарованно, Милославская предположила, что эти небольшие отгороженные отсеки служат сараюшками для всякого лишнего в квартире хлама. Даже по другую сторону бетонной дорожки кто-то нагромоздил пустые ящики, старую эмалированную раковину, перемотанный изолентой шланг, а также прочую мелкую ерунду.

Милославская позаглядывала еще в несколько дверей, побродила по отдаленным закуткам подвала, но ничего подозрительного не обнаружила. Здесь все было так же, как бывает в подвалах небольших домов, оборудованных жильцами под подсобные помещения. Из углов равнодушно смотрели разнокалиберные пауки, мокрицы копошились там и

тут, с проржавевших труб местами капали холодные капли — ничего особенного.

Гадалка достала из кармана куртки пачку сигарет и зажигалку. Возле стены стояло старое кресло с ободранной гобеленовой оббивкой, вынесенное сюда, наверно, по причине приобретения новой мебели. Яна прошла к нему, слегка смахнула рукой пыль и села на краешек. Наверху слышались быстрые детские шажки, а затем удар — очевидно, падение. Следом разразился громкий детский плач, и раздались знакомые голоса. Это были Бирюковы. Милославская узнала и голос Руденко. Тут же ей стало понятно, что она находится прямо под квартирой, в которой сейчас вел беседу ее приятель.

Яна закурила и стала смотреть по сторонам. Пессимистические мысли бродили сейчас в ее голове — чем дальше она продвигалась, тем дальше уходила от нее истина. Где виновники смерти Ирины Черненко и глубочайшей депрессии Валерии Вершининой? Где аферисты, лишившие Наровчатовых законной крыши над головой? Кто они все? Связаны ли они? Думать об этом было не просто тяжело, а мучительно больно.

Милославская смотрела в одну точку. Вдруг она заметила провод, болтающийся у стены и, очевидно, выведенный из квартиры Бирюковых. Нет, на электрический он вовсе не был похож. Гадалка протянула руку и взяла провод, чтобы получше рассмотреть его. Она просто не смогла сдержать взрыв эмоций, вызванный увиденным и громко воскликнула:

— Наконец-то!

Даже человеку неосведомленному не составило бы труда распознать телефонный провод. Только ему в отличие от Милославской не пришло бы и в голову задуматься над тем, с какой целью он так старательно был сюда выведен и кем. Шнур висел здесь не просто так — оставалось только подключить телефонный аппарат и разговор с любым абонентом города становился доступным. Конечно, проверить это гадалка в данный момент не имела возможности, но проверки как таковой и не требовалось — все и так стало ясно.

Те, с кем «посчастливилось» столкнуться Наровчатову, наверняка звонили в «Аэлиту» отсюда. Продумано ловко — нечего и говорить. Семен Семеныч наверняка сейчас выслушал рассказ Бирюковых, суть которого состояла в их неоспоримом алиби на момент звонка. Их удивление по поводу появления милиции и подозрительных вопросов было вполне понятным. Вряд ли они имели какую-то причастность к случившемуся. Странно, конечно, почему именно эту семью выбрали аферисты. Но в будущем все обязательно должно было проясниться. Хотя возможны самые

нелепые причины — случайно подслушанный разговор о переезде к теще на весьма длительный срок и прочее.

Милославская о пол затушила сигарету и медленно побрела к выходу. Теперь она никого уже не опасалась, вернее, у нее просто не было на это сил. Яна просто открыла дверь, вновь вернула замок в прежнее положение и направилась к квартире Бирюковых. Руденко уже практически закончил составление протокола. Лидии и ее мужу оставалось только поставить свою подпись под фразой «с моих слов записано верно».

— Товарищ капитан, — сказала гадалка, появившись на пороге, нам срочно надо поговорить!

— Что? — непонимающе хлопая глазами, спросил Руденко. — Что случилось?

— Пройдемте в подвал, — ухмыльнувшись, произнесла Яна и посмотрела на Бирюковых, — вы тоже должны это видеть, идемте.

Супруги переглянулись между собой и приняли решение оставить детей на некоторое время у соседки. Первоначальное их раздражение уже исчезло, и им самим стало интересно добраться в этом деле до истины. Судя по всему, Руденко уже объяснил Бирюковым, что его привело сюда, а они не высказали поэтому поводу никаких соображений.

Милославская, Руденко и хозяйка названной квартиры подошли к подвальной двери. Яна вновь дернула за дужку, и замок открылся.

— Странно, — выпятив губы, протянула Лидия, — почему здесь не заперто?

— А что раньше замок был в нормальном состоянии? — спросила гадалка.

— Д-да, — неуверенно ответила женщина и посмотрела на мужа.

— До нашего отъезда — да, — пояснил тот, — а после возвращения — нет. Лида не особенно сейчас в этом осведомлена, сами понимаете, у нее, кроме сарая, дел хватает. Но на замок никто не обратил внимания. Старый уже, сломался и сломался! Поговорили с мужиками на лавочке, решили на новый сложиться, на этом все и закончилось.

— Боюсь, что он не сам сломался, — иронично произнесла Милославская, — кто-то очень заботливый помог ему это сделать.

— Что? — не понял муж Бирюковой.

— Как, кстати, вас зовут? — обратилась к нему экстрасенс.

— Анатолий, — спешно ответил тот.

— Анатолий, — продолжила Яна, — сейчас я вам кое-что покажу, и все станет понятно.

Все четверо спустились по уже знакомым гадалке трем ступенькам

вниз. Милославская провела их к проводу и указала молча на него. Первыми поняли произошедшее, конечно, мужчины. Лидия некоторое время безмолвно стояла, а потом обратилась к Анатолию:

— Объясни, что это?

Семен Семеныч, саркастично рассмеявшись, сказал:

— По телеку недавно в «Дежурной части» передавали, как один умелец присоединился вот так к телефону беспомощного старика-инвалида и длительное время общался с иногородней компанией «Секс по телефону». Когда ни в чем не повинному старику предъявили счет за весьма специфические услуги на энную сумму, он смотрел на предъявителя также недоуменно, как и вы сейчас смотрите на меня, а сексуальный мошенник благополучно скрылся. Понимаете теперь?

— Кажется, да... — тихо ответила Лидия. — Что теперь будет?

— Приятного мало, — проведя пальцем по усам ответил Руденко, — во всяком случае, покоя в ближайшее время не ожидайте, приедут эксперты и все такое прочее...

— Боже мой! — ахнула женщина.

Анатолий прижал ее к себе и попытался успокоить.

— Лидия, — сказала Яна, — если вы невиновны, — а я в это верю — то вам не о чем переживать и беспокоиться. Отправляйтесь сейчас к своим детям и попытайтесь успокоиться. Нам с товарищем капитаном пора.

Милославская потянула Руденко за рукав, тихо сказав:

— В машине поговорим, с них на сегодня достаточно!

Приятели сели в машину, где их ожидал измучавшийся Трофимов.

— Наконец-то! — смахивая со лба градины пота, воскликнул он. — Я уж извелся весь, товарищ капитан! Походил под окнами, поприслушивался — подозрительных звуков вроде нет, а сам переживаю — может случилось что. Но не захожу, вы ж велели здесь дожидаться! — лейтенант сглотнул скопившиеся от волнения слюни.

— Молодец-молодец! — с ласковой небрежностью протянул Семен Семеныч.

— Ну, как все прошло, товарищ Три С... Ой! Извините, — Трофимов, отвернувшись, хихикнул.

— Да ладно, — Руденко махнул рукой. — Все так называют, ничего не поделаешь. А прошло все хорошо. Вернее, хорошего во всей этой истории мало. Но главное, что мы с Яной Борисовной живые и невредимые возвратились! — Три Семерки поучающе потряс в воздухе указательным пальцем и нажал на газ.

Милославская сидела на переднем сиденье, и они с приятелем всю

дорогу беседовали о прошедшем визите к Бирюковым. Семен Семеныч говорил, что работы здесь еще полно и что ему придется здесь побывать еще не раз: все тщательно обследовать, вооружиться выводами экспертов и так далее. Для Яны же беседа с Бирюковыми была пройденным этапом, а то, о чем говорил Руденко — бюрократическими формальностями, бумажной волокитой. Она, как человек, ведущий самостоятельное независимое расследование от всего этого, к счастью, была освобождена. В голове у нее уже зрели планы на дальнейшие шаги расследования. Главным из них гадалка выделила для себя посещение того человека, который, сидя в проданной Наровчатовым квартире, заявил о своих правах на нее и дал семье подполковника вполне обоснованный от ворот поворот.

Семен Семеныч еще долго с неохотой говорил о предстоящей работе. Трофимов изредка ему поддакивал, а Милославская ушла далеко от них в своих размышлениях. Она вспомнила вновь о Валерии и вновь почувствовала незримое присутствие ее фигуры в том деле, которому она в данное время себя посвятила. Казалось бы, с тех пор, как она начала расследовать еще и наровчатовское дело, связь с убийством одной девушки и неудавшейся попыткой убийства другой себя еще не разу не обнаружила. Однако после нового открытия, сделанного Яной в подвале этого старого двухэтажного дома внутренний голос в очередной раз стал твердить ей о том, что она на верном пути не только в деле подполковника, но и в первоначально начатом ею расследовании. Тут же стало улетучиваться нарастающее чувство вины перед Вершининой и пессимистическое настроение, которое было начало овладевать Милославской. Однако в этой ситуации Яна еще острее почувствовала необходимость скорейшего нахождения фактов, доказательств, виновников случившегося.

— Да? — донесся до нее, казалось, откуда-то издалека голос Руденко, сидящего совсем рядом.

— Что? — переспросила Яна.

— Проголодались, говорю, мы все! Да?

— А... — понимающе протянула Милославская. — Да, конечно.

— Ничего, сейчас мы это исправим, — Семен Семеныч резко свернул к обочине, и гадалка увидела на противоположной стороне улицы кафе.

На самом деле ей хотелось подкрепиться, тем более, что впереди предстояло осуществить довольно серьезное дело. Яна знала, что Семен Семеныч прежде поедет в отдел, доложит там обо всем, посоветуется о дальнейших мероприятиях, поэтому не стала озадачивать его своими планами. Милиция, чуть раньше или чуть позже, все равно сделала бы тоже самое, что намеревалась в ближайшее время осуществить она. Только

ждать их гадалке было некогда, дела звали только вперед и вперед, без промедления.

Кафе оказалось весьма приличным заведением ресторанныго типа. Судя по свежему, очищенному дорогими кондиционерами воздуху, сверкающему полу, идеально белым скатертям на столиках, обед здесь не обещал быть дешевым. Семен Семеныч даже поморщился, вопросительно глядя на гадалку, но Трофимов шагнул вперед и в мгновение ока оказался у стойки бара. Бармен с необыкновенной любезностью протянул ему меню. Отступать в этой ситуации было просто глупо.

Семен Семеныч и Милославская сели возле одного из окон, и Руденко стал нервно перебирать пальцами по столу. Когда вернулся Трофимов, Три Семерки, сцепив от злости зубы, процедил:

— Расплачиваться ты будешь? Рванул вперед, орел!

— Да ладно вам, товарищ капитан! Я при кошельке, — Сергей многозначительно похлопал рукой по карману. — Мы ж мою первую зарплату, знаменующую месяц работы в вашем отделе не отмечали? Не отмечали. Я угощаю.

Руденко кашлянул и деловито заявил:

— Только без спиртного! Я за рулем. И, вообще, — на ра-бо-те!

— Даже «Три Семерки» брать не будем? — в голосе Трофимова чувствовалась явная ирония.

Руденко побагровел, но сдержался и только отрицательно покачал головой.

Вскоре перед ними стояли три порции овощной лазаньи с грибами под соусом. Глядя на это необыкновенно искусно украшенное и головокружительно пахнущее блюдо даже сытый вряд ли бы смог от него отказаться. Семен Семеныч, пытаясь найти выход своей злобе на молодого лейтенанта, подшучивающего над ним, воскликнул:

— Одна трава! Нашел че заказать!

— Ешь, Семен Семеныч! — подцепив вилкой кусок лазаньи, произнесла Милославская. — Это очень питательно и полезно! Посмотри — и морковь, и лучок, и сельдерей, и перчик, и помидорки. Масло, чувствуется, оливковое! А баклажа-аны! — от удовольствия гадалка закатила глаза. — А грибы-ы! А сы-ыр, которым посыпана эта великолепная лазанья! — Яна чмокнула кончики своих пальцев.

— Ну! — Руденко усмехнулся. — Чувствую, пацан тебе угодил!

Трофимов немного покраснел и, ни на кого не глядя, стал ковыряться в своей тарелке. Семен Семеныч же, забыв о высказанном поначалу недовольстве, уплетал так, что Яне пришлось несколько раз ему

напомнить, что чавкать в общественном месте неприлично.

* * *

Милославская в раздумье стояла перед десятиэтажным домом. Она пыталась сообразить, в каком из подъездов может находиться квартира под указанным номером. Во дворе, как назло, было пусто. Мальчуган лет семи, одиноко копающийся в сыром и холодном песке, не смог Яне внятно ничего объяснить, потому что вряд ли знал, в какой квартире живет он сам. В принципе можно было получить нужную информацию, ориентируясь по номерам, указанным на почтовых ящиках, но гадалке хотелось бы попасть в злополучную квартиру как можно скорее.

Наконец, из одного из подъездов вышли несколько мужчин, одетых в спецодежду. Они двинулись к ярко раскрашенной «Газели», на кузове которой значилось: «Суперсталь». Речь шла о самой популярной в городе фирме, занимающейся установкой стальных дверей, решеток, замков всех видов, сейфов любого назначения, банковского оборудования и прочего. Милославская подошла к одному из мужчин и спросила:

— Вы не подскажете, какие номера квартир в том подъезде, из которого вы вышли?

— А вам какую надо? — подозрительно глянув на гадалку, спросил один из них.

— Сто сороковую.

— Ха, — ухмыльнулся, закуривая, самый молодой из мужчин, — а мы только что отдэтова!

Яна заглянула в блокнот, чтобы напомнить себе фамилию той, которая, как и Наровчатова, заявила о своих правах на сто сороковую квартиру и спросила:

— Вы навещали Ильину Светлану Евгеньевну?

— Ну, допустим, — вновь вступил в разговор самый подозрительный.

— Если вы все выспрашиваете, чтоб ее грабануть, — посмеиваясь, сказал молодой, — то напрасно стараетесь. Мадам укрепила свою крепость по высшему разряду!

Яне стало понятно, с какой целью эти люди посетили сто сороковую квартиру. Ильина, наверное, смертельно перепуганная требованиями подполковника Наровчатова, решила либо сменить замок, либо вообще поставить новую дверь, более надежную.

Милославская двинулась к указанному подъезду и, представ перед

дверью с названным номером, обнаружила то, что и предполагала. Возле стосороковой квартиры валялись стружки и прочий мусор, свидетельствующий об установке новой двери, которая, между тем, успела уже запереться хозяйкой изнутри.

Не обнаружив звонка, Яна постучала кулаком. Обычный стук вряд ли легко было расслышать за столь массивной преградой. Некоторое время квартира хранила молчание, затем послышалось шуршанье и, наконец, звук открывающейся двери. Однако это оказалась еще одна дверь, предшествующая этой, и через некоторое время гадалка увидела, как глазок потемнел — явное свидетельство наблюдения изнутри. Милославская сделала как можно более миролюбивое лицо и стала ожидать традиционного для такой ситуации вопроса: «Кто там?».

Вместо этого таинственный незнакомец или незнакомка за дверью продолжали хранить молчание, наверное, прислушиваясь, а заодно и приглядываясь к тому, что творилось за дверью. Глазок, судя по его виду, давал максимальную возможность обзора подъездной площадки. Яну можно было увидеть сразу — она предстала перед дверью во всей красе, не уклоняясь от наблюдающего ока. Но, по-видимому, находящийся внутри человек подразумевал наличие рядом с гадалкой еще кого-то или просто соблюдал меры собственной безопасности.

Милославской, наконец, это нелепое молчание надоело, и она, надеясь на авось, спросила:

— Светлана Евгеньевна?

В ответ сразу же раздалось язвительное «Чи-и-во?»

— Будьте любезны, откройте дверь, мне с вами нужно поговорить, — стараясь придать своему голосу как можно больше мягкости и добродушия, сказала Милославская.

— Хм, — ухмыльнулся женский голос за дверью. — Жди!

Судя по всему, Ильина не собиралась быть гостеприимной, однако Яну сейчас радовало хотя бы то, что она нашла в жилище именно того, кого искала.

— Я пришла с добрыми намерениями! — активно жестикулируя от беспомощности, сказала гадалка.

— А я с добрыми намерениями говорю тебе до свиданья.

— Чего вы боитесь? — начиная раздражаться, но стараясь скрыть это чувство, произнесла Яна.

— Всего! — с нескрываемой иронией ответила женщина.

Она не уходила от двери, поэтому Милославская не теряла надежды на то, что разговор все-таки состоится.

— Поймите, семья, купившая вашу квартиру, оказалась в ужаснейшем положении! — экстрасенс стремилась вызвать у женщины чувство сострадания, но она, казалось, была непреклонна.

— А ты хотела бы, чтобы на их месте была я? Да в честь чего? Это мое жилье! Я его по закону пятнадцать лет назад получила! Откуда вы все взялись и чего ко мне привязались? Я щас милицию вызову! — вслед за этими словами послышалось удаляющееся шарканье тапочек.

— А я и есть милиция! — неожиданно для самой себя выпалила Милославская.

Воцарилось молчание, но затем хозяйка вновь подошла к двери и неуверенно стала открывать ее. Сначала Яна увидела узкую щель, а потом — через цепочку — половину женского лица, омраченного злобой и негодованием: сдвинутые брови, плотно сжатые губы, наморщенная кожа на переносице.

Гадалка сразу начала говорить, чтобы предупредить требование красной корочки.

— Я не совсем так выразилась. Я не милиция, я тот, кто ей помогает. Я экстрасенс. Вы столкнулись со страшными людьми, милиции одной тяжело их отыскать, я помогаю. Поймите, это беда не только Наровчатовых, но и ваша тоже. Повторяю — это опасные люди. Вдруг они захотят причинить вам зло? Вы же видели их лица, можете опознать... В ваших интересах быстрее отыскать их и принять необходимые меры!

Ильина стояла молча. То сердитое выражение не покидало ее лицо, однако к нему присовокупилась еще и глубокая задумчивость.

— Ладно, заходите, — сказала она, наконец, — но учтите: я, если что, подниму крик, а моя соседка предупреждена — в случае шума будет звонить в милицию, скорую помощь и другие подобные инстанции, так что одна из них приедет быстро.

Женщина сняла цепочку, и Милославская переступила порог ее квартиры.

— Уверена, у вас не возникнет никакой необходимости это делать, — произнесла Яна, снимая куртку и вешая ее на один из крючков деревянной вешалки. — Можете проверить, я е вооружена, — гадалка стукнула по карманам куртки и брюк и попыталась улыбнуться хозяйке. Та в ответ только недовольно вздохнула, однако пригласила Милославскую присесть на небольшой мягкий диванчик, приютившийся здесь же, в прихожей. Большого, на ее взгляд, гостя не заслуживала.

Яна стала усаживаться на диван, стараясь принять как можно более скромную и безобидную позу. Это она делала потому, что сама Ильина

скромно расположилась на краешке, ближайшем к выходу. Дверь в подъезд она оставила приоткрытой и то и дело на нее поглядывала, готовясь, наверное, в случае чего броситься прочь от экстрасенса.

— Итак, Светлана Евгеньевна, вы готовы к разговору? — через минуту молчания спросила Милославская.

— Да, — сухо и нехотя ответила женщина.

— Как же произошло, что вашу квартиру продали другим людям без вашего ведома? Я правильно вас поняла? Ведь вы утверждаете, что непричастны к произошедшему?

— Абсолютно непричастна! Я не-при-чем! — отчетливо проговаривая каждый слог, ответила Ильина.

— В чем же все-таки дело?

— Теперь я кажется смутно начинаю понимать, как все случилось, — задумчиво проговорила Светлана Евгеньевна.

Помолчав еще несколько минут, она поведала гадалке историю, пролившую свет на многие, до того неясные факты. Как оказалось, престарелой матери Ильиной сделали сложнейшую операцию на сердце. Светлана Евгеньевна являлась единственной дочерью больной, поэтому ей и пришлось осуществлять долгий и многосложный уход, требующий не только огромного количества душевных сил, но и максимальных затрат времени.

Престарелая имела небольшой частный домик в стороне города, абсолютно противоположной той, где жила Светлана Евгеньевна. Ездить туда-сюда было неудобно, да и накладно — проезд в общественном транспорте нынче стоит недешево, поэтому дочь больной решила на несколько месяцев совсем перебраться к матери, когда ту выпишут из клиники. Ее ничто не держало: с мужем развелась еще в молодости, сын и дочь давно выросли и жили отдельно.

Мать, Евдокия Федоровна, после операции должна была несколько недель находиться в больнице. Светлана Евгеньевна ухаживала за ней днем, а на ночь возвращалась к себе домой. Так, вернувшись однажды, она обнаружила возле подъезда, в котором жила, милицейскую машину и большое скопление людей. Как оказалось, ограбили ее соседей по площадке.

Произошедшее породило в воображении женщины множество страхов: ночью ей казалось, что кто-то возится ключом в ее замочной скважине, пытается пролезть через балкон и прочее. На утро, проснувшись, она пришла к выводу, что оставлять квартиру пустующей на время ее обитания у матери нельзя — ограбление соседей — достаточное тому

доказательство.

Одна из подруг подсказала Ильиной неплохой выход из положения: сдать квартиру в аренду на ближайшие два месяца. Светлане Евгеньевне такая идея пришлась по душе. Во-первых, надежнее, во-вторых, можно было выручить сумму, не только покрывающую оплату коммунальных услуг, но и компенсирующую в какой-то мере затраты на приобретение дорогостоящих лекарств для больной матери.

Этот же вечер Ильина потратила на расклейку объявлений. Она прикрепляла их к столбам и заборам, на углах домов и так далее. Отклик на эту информацию пришел на удивление скоро. На следующий же день ее посетил молодой человек, пришедший в невероятный восторг от благоустройства и уюта ее жилища. Это польстило хозяйке и расположило ее к пришедшему. Она и на самом деле недавно сделала капитальный ремонт, поэтому не сочла его слова за лживую лесть.

Осмотрев в квартире все до мелочей, молодой человек, сделав необыкновенно печальное лицо, заявил, что у него в данное время проблемы с деньгами, а жилье нужно срочно. Светлана Евгеньевна же требовала предоплату, чтобы не попасть впросак. Однако, гостю все же удалось ее разжалобить. Он поведал ей душещипательную историю глубокого семейного разлада. У него, якобы, недавно вернулся из тюрьмы брат, резко переменявшийся в характере. В квартире проживало шесть человек: мать с отцом, вернувшийся брат, сам молодой человек, его жена и грудной ребенок. Утром все, кроме освободившегося зека и молодой жены с ребенком, уходило на работу. Тут и начались скандалы.

Братец, потеряв в тюрьме психическое равновесие, резко раздражался, когда ребенок плакал, и обещал накрыть его подушкой. Поскольку малыш понимал крик очень часто, и, как следствие, угрозы учащались, женщина пожаловалась на происходящее мужу. Тот, естественно начал разборки с братом, который в свою очередь от всего отказывался и обвинял в непорядочности молодую женщину. История закончилась тем, что мать двух братьев разгневалась на невестку и стала гнать ее прочь вместе с дитем, а сыну говорила, что еще успеет найти себе другую, лучше и красивее. Естественно, что такой вариант молодого человека не устраивал, и он решил переехать с семьей от родителей, сняв квартиру.

У Светланы Евгеньевны, выслушавшей рассказ гостя, даже навернулись слезы, поскольку ее собственная дочь была со своей свекровью не в лучших отношениях. Жалость-жалостью, но потенциальному съемщику она все-таки заявила, что на иных условиях квартиру в аренду не отдаст. Однако у молодого человека на этот случай

был припасен свой вариант. Он предложил Ильиной в счет оплаты за проживание бесплатную установку телефона.

Предложение пришлось хозяйке по душе. Оно было выгодным с материальной точки зрения — стоимость установки телефона в реальности превышала назначенную Ильиной сумму. К тому же Светлана Евгеньевна о телефоне давно мечтала, а сейчас он стал просто необходим: престарелая мать, дети живут далеко, заезжают редко, а пообщаться с ними все время хочется — одиночество давит как-никак.

Чтобы создать вид просвещенной и серьезной дамы, Ильина стала расспрашивать парня о всех тонкостях предстоящей сделки. Тот стал давать уверения в полной ее законности. Якобы, существует довольно популярная фирма, много лет функционирующая на рынке городской связи. В этой фирме, по словам гостя, работал его дядя. Он-то и должен был оказать Светлане Евгеньевне через посредство своего племянника данную услугу. Молодой человек позже расплатился бы с ним по-своему. Впрочем, это уже не волновало загоревшуюся желанием установки телефона женщину.

Заметив расположенность хозяйки квартиры к этому делу, гость сказал, что на следующий день она должна явится по адресу, который он ей даст, со всеми документами на жилье и собственным паспортом. По его словам, все это было нужно для оформления соответствующих документов на установку аппарата. Светлана Евгеньевна в этих делах была мало осведомлена, поэтому не увидела в сказанном ничего подозрительного. В глубине ее души, конечно, зрели кое-какие сомнения, но она не придавала им никакого значения и на следующее утро в назначенное время явилась по указанному адресу.

Она попала в великолепно обустроенный, чистый и уютный офис, где ее встретила очаровательная девушка-секретарь. Она была необыкновенно обходительна, вежлива, тактична и воспитанна. Это окончательно укрепило веру Ильиной в то, что она имеет дело с порядочной и серьезной фирмой.

Радости Светланы Евгеньевны не было предела, когда девушка ей заявила, что все решится в ближайшие день-два, и она сможет сколько угодно звонить своим детям, родственникам и подругам. Такого быстрого течения дел, женщина, конечно, не ожидала. Со спокойной душой она отправилась в больницу к матери, которую обещали выписать этим утром. Врачи сдержали обещание, и женщина повезла престарелую мать к ней домой, а сама, конечно, осталась там, чтобы осуществлять уход. Ключи от своей квартиры она отдала парню, ведь ему срочно требовалось съехать от родителей.

Вечером следующего дня ее стали мучить разные тревожные мысли.

Чтобы развеять их, женщина решила вновь навестить столь понравившееся ей заведение и поговорить с любезной секретаршей о том, как все продвигается. Каково же было ее удивление и негодование, когда придя по знакомому адресу, она ни девушки, ни фирмы вообще не обнаружила!

В отчаянии Светлана Евгеньевна стала звонить своим детям, чтобы собрать семейный совет. Те сразу же заподозрили, что кто-то обзавелся ее документами с целью совершения мошеннической операции с ее квартирой — ведь удрученный семейными неурядицами арендатор тоже канул в никуда. Ильина ахнула, ее осенило, она вдруг стала понимать, какую совершила ошибку. Всем семейством несчастные поехали в юридическую консультацию. Там им посоветовали поскорее явиться в БТИ, чтобы заявить о случившемся и попросить их не регистрировать продажу квартиры по данному адресу.

Ильины почему-то перепугались, и приняли решение не рассказывать о том, как явился к Светлане Евгеньевне молодой человек и на каких условиях они с ним договорились об аренде квартиры. Сама хозяйка жутко боялась, что ко всему подключится милиция и признает правоту за мошенниками — ведь все документы были у них на руках, и, возможно, они уже успели ими воспользоваться. Поэтому на семейном совете женщине рекомендовали заявить о потере всех документов, мол, закружилась: мать больная, да и сама пожилая уже, беспамятливая. Ильина так и поступила. Когда же к ней заявилось семейство Наровчатовых, она поняла — квартира незаконно продана.

И вот теперь женщина превратила свое жилье в настоящую крепость. Она знала, что в бюро технической инвентаризации обо всем осведомлены, однако после случившегося опасалась всего и стала яростно соблюдать меры собственной безопасности.

Слушая Светлану Евгеньевну, Яна переживала море чувств, самых разных и неожиданных. Ей неоднократно хотелось перебить женщину, задать ей вопрос, но она боялась этим лишить ее желания откровенничать, поэтому так терпеливо и дослушала до конца. Ильина, закончив, достала из кармана платочек и стала утирать им наворачнувшиеся слезы. Милославская же думала о том, что ей рассказала Валерия о своем последнем воспоминании: она упомянула о разговоре, в котором прозвучала идея бесплатной установки телефона в счет аренды жилплощади. Вот она, та нить, которую гадалка так долго искала!

Но стало ясно не только это: экстрасенс вспомнила о бесследно пропавшей фирме, просуществовавшей на удивление недолго. Скорее всего, это была та самая контора, которая поначалу внушила столько

доверия одуроченной женщине. А та девушка... Та любезная и обходительная молодая леди... Уж не Вершинина ли это? Ведь у нее было найдено объявление о предоставлении работы, приглашающее именно по этому адресу, именно в этот кабинет!

— Послушайте, дорогая Светлана Евгеньевна! Кажется, я нашла ту девушку... — тихо произнесла Милославская.

— Что? Как? Где эта мерзавка? — встав с дивана, вскрикнула раскрасневшаяся Ильина.

— Тихо, — Яна встала с дивана и взяла женщину за руки, — успокойтесь. Эту, как вы говорите, мерзавку, тоже обвели вокруг пальца! Но она, к несчастью, пострадала гораздо больше, чем вы. Это, собственно говоря, и привело меня к вам.

Гадалка поведала женщине всю ту поистине шокирующую историю, произошедшую с Лерой и ее подругой. Загадка казалась совершенно разгаданной, а дело — доведенным до конца. Однако, во всей этой цепи не хватало самого главного звена — виновников двух ужасающих по своей неслыханной дерзости преступлений.

— Понимаете, — взволнованно продолжала гадалка, — мы можем их найти только благодаря этой девочке! Только она знает о об их замыслах! Знает, но не помнит... Но мы должны ей помочь! Я вам сейчас опишу ее внешность, а вы постарайтесь вспомнить, она ли это.

Светлана Евгеньевна согласилась на это, а гадалка в свою очередь стала описывать женщине внешность Валерии Вершининой в мельчайших деталях. Она подробно остановилась на описании глаз, их цвете, разрезе, назвала цвет волос, стрижку, форму губ и носа, особенность походки, манеры общения, голоса. Уже в середине ее рассказа Ильина начала одобрительно кивать головой и в конце концов уверенно заявила:

— Да, это она. Я не сомневаюсь.

— Вот и прекрасно! — воскликнула Милославская, не сумев сдержать разбушевавшихся эмоций. — Я уверена, теперь наши дела начнут быстрее продвигаться вперед. Кажется, страшная тайна произошедшего скоро перестанет быть тайной! Так... — Яна на минуту задумалась. — Мне срочно надо посетить девушку и сообщить ей и ее родителям о новых фактах расследования. Да и они, наверное, уже заждались, измучились в неведении, ведь я обещала с ними связаться в скором времени, а сама задержалась с новостями.

— Да поезжайте, — Ильина одобрительно кивнула головой, — пожалуй, вы быстрее доведете дело до ума, чем милиция.

— Ну что ж, Светлана Евгеньевна, — гадалка встала с дивана,

протянула руку к вешалке и стала снимать с крючка свою куртку, — извините меня за те неприятные минуты, которые доставил вам мой визит...

— Ну что вы! — хозяйка перебила гостью, как и она, поднявшись с дивана. — Вы уж меня простите!

— Не извиняйтесь, — сказала Милославская, — ваше поведение мне вполне понятно, так как оно закономерно. Ну что ж, всего доброго!

— До свиданья, — ответила Светлана Евгеньевна. — Успехов вам!

— Спасибо! — с улыбкой произнесла экстрасенс и скрылась за дверь.

Спускаясь по лестнице, она слышала раздающее на весь подъезд долгое щелканье нескольких запирающихся замков. Выйдя на улицу, Милославская с удовольствием сделала глоток свежего воздуха — атмосфера разговора на самом деле не была легкой, поэтому Яна, несмотря на несомненный успех, ощущала какую-то тяжесть на душе.

На улице заметно похолодало, но было безветрено и тихо. Кругом пахло кострами — дворники жгли сухую листву. Яна любила такую погоду, хотя она и навевала грусть, тоску по ушедшему лету, какую-то тихую печаль. Гадалка вспомнила одну из любимых песен своей молодости и, сев на скамейку, стала едва слышно напевать: «Листья жгу-ут...» Ей вдруг захотелось заглянуть в какое-нибудь безлюдное кафе и под звуки ненавязчивой приятной музыки выпить стакан вина.

Яна пошла к дороге и стала голосовать. Вскоре ее жест был замечен и рядом притормозила старенькая иссиня-черная «шестерка». Гадалка села на заднее сиденье и всю дорогу думала о минувших и предстоящих шагах вершининского дела. Она назвала водителю адрес кафе, находящегося неподалеку от дома Вершининых, того, в котором они однажды уже сидели с Натальей Евгеньевной. Милославская планировала немного отдохнуть в нем, а потом уж идти к Валерии.

Заказав нежный салат с сыром и маслинами и бокал белого дорогого вина, экстрасенс заняла место за одним из столиков. Конечно, это было кафе несколько другого профиля — за соседними столами посетители наслаждались, в основном, аппетитными кусочками гриля. Однако Яна пока не была настолько голодна, к тому же ее рабочий день, возможно, еще таил в себе массу трудностей, предполагающих активную деятельность, поэтому гадалка не хотела совсем расслабляться и засиживаться здесь надолго.

Вино ей подали сразу же, а вот салат пришлось немного подождать. Милославская хотела отыскать в сумочке зеркало, чтобы немного привести

себя в порядок. Открыв ее, она первым делом обнаружила карты, воспользоваться которыми она в этот день просто не могла из-за отсутствия свободного времени. Честно говоря, Милославская как-то соскучилась по ним и сейчас испытала непонятную потребность в общении с этими магическими картонками. Больше всего Яну на данный момент интересовало, кто преступники и как ей быстрее их найти. Она выложила перед собой в ряд все карты и, немного подумав, выбрала «Взгляд сквозь пространство». Все остальное гадалка отправила назад в сумочку, поэтому на происходящее далее никто из посетителей и работников заведения не обратил внимания.

Милославская накрыла карту ладонью и сосредоточила все мысли на интересующем ее вопросе. Постепенно она ушла в себя и перестала слышать рабочий шум, стоящий в кафе, гул немногочисленных людских голосов, музыку, медленно льющуюся из колонок небольшого музыкального центра. Однако, желанного тепла гадалка, как ни старалась, ощутить не смогла. В конце концов, Яна убрала руку с карты, и сделала глоток вина. Затем она закурила и стала прислушиваться к музыке.

Через некоторое время официант принес ей небольшую одноразовую тарелку с салатом, но она к нему не прикоснулась, продолжая с наслаждением слушать музыку. Это ее расслабляло и настраивало на какой-то хороший лад, а вино, глоток за глотком, поднимало жизненный тонус.

Так Милославская подошла ко второй попытке гадания. Она вновь опустила ладонь на карту. Закрыла глаза. Сосредоточилась. Тепло разливалось по всему телу, и очень скоро гадалка почувствовала знакомое ощущение покалывания в кончиках пальцев. Затем, как неожиданно начавшийся летний теплый ливень, на Яну нахлынули крутящиеся, словно облака пыли, пестрые картины, рассмотреть которые она не могла. Неожиданно одно из таких облаков выделилось изо всех других и стало вращаться в воображении экстрасенса все медленнее и медленнее, пока наконец, совсем не остановилось.

Сначала Яна даже не могла понять, что такое перед ней предстало, но потом сориентировалась и сообразила: явление показало ей салон какого-то автомобиля, причем в мельчайших деталях. Она увидела дорогие, красивые чехлы на сиденьях, автоматические стеклоподъемники, выполненный в форме необыкновенной царской короны автомобильный освежитель воздуха, рычаг коробки передач, внутри прозрачного набалдашника которого будто навеки застыл черный отвратительный тарантул и многое другое.

Каждая деталь на несколько минут задерживалась во внимании

гадалки, а затем ее место занимала другая, тоже задерживаясь и давая памяти шанс максимально вобрать в себя увиденное. У Яны было такое ощущение, будто она одна пробыла в этом салоне в течение дня, ожидая кого-то, и потому рассмотрела и запомнила все до мелочей. Постепенно вся эта картина вновь закружилась и через пару секунд совсем исчезла.

Милославская открыла глаза. В горле ее пересохло. На дне бокала оставалось еще несколько капель вина. Протянув к нему затекшую от напряжения руку, Яна поднесла его к губам и сделала глоток. В этот момент вино показалось ей настоящей живой водой, способной вернуть к жизни ушедшего из нее. Конечно, внезапно возникшая слабость никуда не исчезла, но все же экстрасенс смогла почувствовать себя немного легче, чем это было в первые минуты после гадания.

Теперь все мысли гадалки были заняты тем, что бы могла означать вся эта явившаяся ей картина. Вывод напрашивался только один: салон этого автомобиля и та машина цвета морской волны — единое целое, имеющее назначением сыграть важнейшую роль в раскрытии преступления. Иного, по мнению Милославской, просто быть не могло.

Так в ее расследованиях получалось очень часто, а можно сказать и всегда: карты помогали ей увидеть какие-то детали, которые на первый взгляд, ничем не могли ей помочь в разрешении дела, но постепенно находилась логическая связь между всеми ими, что и вело к удачному финалу истории. Поэтому, возможно, экстрасенс и заключила, что «Жигули» цвета морской волны не могут быть не связаны с только что увиденным ею салоном. Во всяком случае, так ей подсказывало сердце.

Автомобиль указанного цвета силами соответствующих органов, как уже было сказано, найден не был. Руденко предположил, что его просто перекрасили и пользовались им по липовым документам. Янино видение давало новую надежду на поиски: сменив цвет автомобиля, преступники вряд ли то же самое сделали с его салоном, тем более они были уверены в гибели обеих жертв. Помочь в поисках могла опять, конечно, только ГИБДД, а рассчитывать на ее участие в этом деле без содействия Руденко гадалке не приходило и в голову.

Поэтому визит к Вершининой вновь отошел у нее на второе место, а делом первостепенной важности стало общение с Семеном Семенычем. Милославская пододвинула к себе тарелку с салатом, съела половину и, поправив макияж, поспешила выйти из заведения. Надеяться застать Три Семерки дома не имело абсолютно никакого смысла, поэтому Яна решила вначале попытаться связаться с ним по домашнему, а в случае неудачи — по его рабочему телефону.

К счастью, неподалеку от кафе находилось почтовое заведение. Заглянув туда, Милославская приобрела новую таксокарту, поскольку те две, давно валявшиеся у нее в сумочке, оказались использованными и потому непригодными. Затем гадалка побрела вдоль по улице в поисках таксофона. Вскоре на углу одного из старых пятиэтажных домов она обнаружила искомое.

— Да, я слушаю вас, — услышала гадалка в ответ на первый звонок ласковый и протяжный голос Маргариты Ивановны.

— Добрый вечер, — стараясь не выдавать волнения, произнесла Яна, — это Милославская.

— Яна! — воскликнула та, и вслед за этим возгласом послышался ряд по-матерински заботливых укоров и вопросов, которые по-видимому в течение всего дня мучили томимую ожиданиями женщину.

Как выяснилось, Семен Семеныч, скрывшись сегодня вместе с Милославской, так еще и не был дома, и что самое ужасное — даже не позвонил. Естественно, ужасным это являлось для его жены, а для Яны вполне понятным. Руденко, вероятно, совсем потонул в рутине разрывающих его на части дел. Тревога Маргариты Ивановны, конечно, имела полное право на существование, и не только потому, что она женщина, жена, но и потому, что ей, по несчастью, случайно довелось услышать фразу об опасности расследуемого Яной и ее супругом дела. Безусловно, большая часть работы, выполняемая Семеном Семенычем, была такого рода, но он старался все это скрыть от и без того сверхчувствительной женщины.

— С Семеном Семенычем все в порядке! — поспешила успокоить Милославская. — Дело прошло успешно. Так что, Маргарита Ивановна, ваш муж скоро вернется домой. В целости и сохранности.

Яна поскорее повесила трубку, чтобы избежать еще кучи вопросов, которые женщина наверняка бы задала. На данный момент для гадалки было лучше обойтись без объяснений, поскольку она и сама не знала, где сейчас находится Три Семерки.

Следом Милославская стала набирать номер рабочего телефона Семена Семеныча. На этот раз ей повезло, и трубку взял он сам.

— Это Яна, — узнав друга по голосу, заявила экстрасенс.

— М-м-м-м... — промычал тот, додумывая какую-то мысль и одновременно отвечая на слова приятельницы.

— Дело есть, — спокойно произнесла Милославская. — Надо увидеться. Заскочишь?

— А может ты? Я скоро домой, только вот здесь разберусь кое с чем.

— Да нет, Сем! Я сама замоталась вся за сегодня, хочется побыстрее в родные стены, да и Джемма там, наверное, от переживаний с ума сходит.

— Так уж и схо-одит! — не скрывая иронии, ответил Руденко.

— Я сейчас твоей жене звонила, — тоже посмеиваясь, сказала Яна.

— И что? — ответил Три Семерки тоном, дающим понять, что он вполне представляет себе, какой была реакция Маргариты Ивановны.

— А-фы! — гадалка тяжело выдохнула. — Пришлось выручать тебя, но думаю, мой дорогой, тебе все же предстоит сегодня поучаствовать в серьезном разговоре с ней.

— М-да, — протянул Семен Семеныч. — А может по телефону решим все? — спросил он, желая, очевидно, поскорее оправдаться перед супругой.

Милославская знала, что таким образом ей будет гораздо труднее разъяснить ему, что к чему, и привлечь к сотрудничеству в очередной раз, поэтому она промычала:

— У-у-у... Я с таксофона говорю! Таксокарта не резиновая, да и очередь здесь! И вообще — разговор не телефонный! — на самом деле никого, кроме гадалки, возле аппарата, конечно, не стояло.

— Ладно, ладно, — нехотя протянул Руденко, — скоро буду! Еще минут сорок на работе плюс дорога.

Конечно, приятель вполне мог захватить Яну или просто встретиться с ней в каком-нибудь уютном местечке, но Милославская настолько устала, что сил на сорокаминутное ожидание возвращения Семена Семеныча с работы у нее просто не было. В глубине души она чувствовала некоторое чувство вины перед Маргаритой Ивановной, но, поразмыслив, гадалка заключила, что женщину она успокоила, и это ее оправдывало. Поймав такси, она с чувством облегчения направилась домой. Правда ей пришлось попросить водителя остановиться возле небольшого минимаркета, поскольку Руденко наверняка был голоден, а в холодильнике Яны ничего подходящего не стояло. Она набрала кое-каких полуфабрикатов: блинчиков с мясом, пачку пельменей, коробочку котлет, — и этим успокоилась, зная, что такое угощение Семену Семенычу придется по вкусу.

* * *

— Наконец-то! — обрадованно воскликнула Яна, открывая калитку приятелю.

— Жрать хочу! — с ходу заявил тот и, как только зашел в дом, стал рыскать глазами по столу.

К счастью, у Милославской все уже было готово, а разогретые в масле блинчики даже остыли и покрылись застывшей желтоватой жирной пленкой.

— Прощу! — гадалка жестом указала другу на стол.

Тот восхищенно присвистнул и сразу же приступил к трапезе. Гадалка, расположившись напротив него, стала рассказывать обо всем, что произошло с ней после того, как она рассталась с приятелем. Тот с набитым ртом периодически восклицал:

— Да ты фто! Ниче фыбэ!

Поведав другу историю, произошедшую с Ильиной, Милославская настроила его на хороший лад и тем подготовила к рассказу о ее последнем гадании. По словам Руденко, в милиции на счет дела Валерии Вершининой все было глухо, никаких новых фактов никто из сотрудников так же, как и он сам, не выяснил. Подобная ситуация сложилась и вокруг дела Наровчатова. Поэтому, на удивление Яны, выслушав подробное, детальное описание салона автомобиля из видения и ее выводы по этому поводу, Три Семерки только одобрительно закивал головой. Предложение Милославской давало новые шансы на успех при минимальных затратах. В непосредственные обязанности ГАИшников так и так входил осмотр машин, поэтому ничего особенного новый ход дела не предполагал.

— Да-а-а... — протянул Семен Семеныч, утирая лицо салфеткой, — ты права. Перекрасив машину и оформив липовые документы, преступники, скорее всего, успокоились. Конечно, я основываюсь на твоих видениях, поскольку вполне логичен и вариант продажи злополучного авто и покупки другого, не имеющего к тому грязному делу никакого отношения. В общем, проверка, предложенная тобой, расследованию не помешает. Сегодня же свяжусь с ГИБДД и обо всем договорюсь. Пусть уже ночью начинают действовать — а вдруг повезет, и завтра на нашей удочке окажутся те, кого мы ищем, а? — Руденко подмигнул Яне. — Кофе готов?

— Сейчас сварю, — ответила Милославская, обрадованная согласием приятеля, — люблю свеженький и горячий, ты же знаешь.

Гадалка достала свою серебряную джезву и приступила к осуществлению хорошо знакомого ей таинства. Руденко в это время сидел и, подперев голову рукой, бормотал какие-то несвязные фразы, размышляя о ходе расследования и только что рассказанном ему Милославской.

— Ты девчонку-то хоть обрадовала? — вспомнив и вдруг встрепенувшись, воскликнул Семен Семеныч.

— Собиралась было, да вот результат гадания помешал! — Яна развела руками. — Стала тебя разыскивать, так как это важнее.

— Поехали сейчас, — предложил Три Семерки, но потом, глянув на часы и присвистнув, недоумевающе качнул головой и сказал: — Да... Вряд ли это разумно! Да и мне, пожалуй, пора убираться восвояси, пока Рита всех на ноги не подняла!

— Ты прав, — поддержала его гадалка, — заявиться к Вершининым в это время я просто не имею права, — потом Яна подумала и добавила: — Хотя в критические моменты это оправдано, конечно, но сегодня я просто валюсь с ног, так что откладываю все до утра! Давай скорее пить кофе, а то Маргарита Ивановна, на самом деле, уже сходит с ума!

Семен Семеныч пододвинул к себе чашку, которую Милославская к этому моменту уже наполнила горячим дымящимся напитком, и, обжигаясь, стал громко прихлебывать его. Яна, улыбаясь, смотрела на друга, понимая, как ему сейчас хочется выругаться и как он старается сдерживать себя. Джемма, дремлющая в углу, периодически приоткрывала один глаз, реагируя на звуки, издаваемые Руденко, и эта ритмично повторяющаяся картина в конце концов заставила гадалку расхохотаться.

Три Семерки тоже не выдержал и прыснул от смеха, затем он отодвинул от себя чашку и, надев фуражку, направился к выходу.

— Я с утра к Вершининой поеду, — сказала экстрасенс, — так что, если что — вот ее телефон. Яна начеркала на лежащем на столе листочке несколько цифр и протянула написанное Семену Семенычу.

Гадалка проводила его до калитки, и, договорившись назавтра обязательно встретиться, приятели расстались.

Милославская, потягиваясь, вошла в дом. Ей хотелось прямо сейчас брякнуться на кровать, но в раковине терпеливо ожидала своей участи невымытая посуда, заниматься которой Яна на утро наверняка не нашла бы времени, поэтому ей пришлось пересилить себя и довести «кухонное» дело до конца. Стоя у раковины, она громко позевывала, не в силах бороться с настойчивым и назойливым сном. Закончив, гадалка направилась в ванную, где, опустившись в приятно теплую со взбитой пеной воду, она чуть было не заснула. К счастью, на выручку пришла Джемма, которая стала обеспокоенно поскуливать у двери. Еле выбравшись из воды, гадалка накинула на тело махровый халат, который быстро впитал в себя влагу, и дойдя до спальни, обессиленная, плюхнулась на постель.

На утро она открыла глаза, разбуженная настойчивым пиликаньем ненавистного ей в этот момент будильника. Нащупав рукой маленькую кнопочку, Яна нажала ее, и раздражающий звук прекратился. Милославская хотела подремать еще хоть с полчасочка, но внутренний голос твердил ей: «Поднимайся», поэтому в конце концов, она пришла к заключению, что не

отдыхает, а только прожигает драгоценное время. Успокоив себя мыслью о приближении финала расследуемого дела и, как следствие, о надвигающемся периоде покоя, Яна встала и принялась за сборы.

Через полчаса она уже стояла у порога и сочувственно глядела на Джемму.

— Опять дома и опять одна...

Собака, казалось, прекрасно понимала, как слова, так и настроение хозяйки. Она на бок наклонила голову, будто пытаясь показать свое огорчение.

— Ну ладно, — сказала Милославская и вздохнула, — пять минут в твоём распоряжении. Только во дворе, пока я курю. Сама понимаешь — финал дела — время напряжённое. Скоро станет полегче. С собой взять не могу. Помнишь, сколько хлопот с этим было в тот раз?

Собака уже давно не слушала хозяйку. Она рванула вперед и, радуясь предоставленной свободе, стала бегать туда-сюда, меряя своими огромными прыжками небольшое расстояние двора.

Вскоре Милославская уже спускалась вниз по тропинке, направляясь к дороге, где можно было поймать такси. Она мысленно представляла себе возможный ход дальнейших событий и готовилась к их самым неожиданным поворотам. Так, раздумывая, и делая все чисто автоматически, Яна и не заметила, как возле нее притормозил старенький «Москвич».

— Чего стоишь, подруга? — фамильярно обратился к ней водитель, которому на вид было не больше восемнадцати.

Ничего не отвечая, гадалка только назвала место назначения и, когда тот одобрительно кивнул головой, уселась на заднее сиденье. Конечно, таксист такого рода не внушал доверия, но выбирать сейчас не приходилось, тем более здесь, где в отличии от центра города, не всегда за пару минут можно было найти частного извозчика. Впрочем, дорога прошла довольно весело: парень вел великолепно и все время шутил, причем так остро, что гадалка во весь голос хохотала. Так она оказалась возле дома Вершининых в прекрасном расположении духа.

Позвонив в знакомую дверь, гадалка сразу же услышала торопливые шаги. Вскоре перед ней предстала Валерия. Вероятно, она только что поднялась с постели, поскольку на ней был накинут легкий халатик, под которым виднелась длинная фланелевая ночная рубашка.

— Яна Борисовна! — обрадованно воскликнула девушка. — Где вы пропадаете? Я вам вчера несколько раз звонила! У меня такие новости! Заходите скорее, идемте в зал!

Яна, оставив одежду на вешалке, последовала за Валерией, на ходу сообщив:

— Мне тоже есть, что тебе сказать!

Родителей девушки не оказалось дома, поэтому гадалке пришлось беседовать с недавней жертвой преступления один на один.

— Представляете, — задыхаясь от волнения, начала Лера, — мы же с мамой продолжаем посещать психо..., ну, в общем, врача. Так вот, на последнем сеансе я вспомнила, как настоятельно отказывалась от работы, которую поначалу вроде бы была согласна выполнять! Врач стала говорить: «Подожди, это не то!» Но я-то знаю, что то! Ну, вы понимаете, я имею в виду то объявление, вами обнаруженное. Врач говорила, мол, я студентка, какая еще работа!

— Подожди, подожди, — прервала Милославская девушку, — говори понятнее, что ты конкретно вспомнила! Разговор с врачом меня не интересует!

— Помню, как я закричала: «В дальнейшем я отказываюсь выполнять эту работу! Заплатите, и мы больше не увидимся!» А мне кто-то, тоже гневно, отвечает: «Но ты же согласилась!» Я ответила, что ошиблась и передумала!

— Все? — улыбаясь, спросила гадалка.

— Да... — сменив радость на разочарование, ответила Валерия.

— Больше ничего не помнишь? — еще раз спросила экстрасенс.

— Не-а, — девушка, казалось, была готова заплакать.

— Тогда я дополню эту картину тем, что разузнала, — заявила Милославская. — Ты готова к разговору?

— Да, — уверенно ответила Валерия.

— Выдержишь его?

— Яна Борисовна, да я уже столько выдержала! Поверьте, я стала сильнее! Сначала я находилась в таком шоке, что даже не говорила ни слова! Потом, не без посторонней помощи, стала более раскованной, конечно. А вот память так и не восстанавливается до конца!

— Все наладится, — Милославская положила ладонь на колено девушки и стала рассказывать ей обо всем, что узнала от Ильиной.

Яна вела неторопливый разговор, присматриваясь к реакции Вершининой, давая возможность ей обдумать сказанное, успокоиться. Ведь, как бы то ни было, все это являлось серьезнейшим испытанием для совсем еще юного человека, психика которого и без того после трагедии была нарушенной.

Валерия мужественно выслушала гостью, а, когда та закончила,

спросила:

— А как же ваше гаданье? Оно нам не поможет?

Тогда Милославская приступила к рассказу о своем последнем гадании, и о той просьбе, с которой она обратилась к Руденко. Вершинина явно нервничала, ей было нелегко. Яна по-матерински прижала девушку к себе и постаралась ее успокоить. Та только расплакалась в ответ, но потом сквозь рыдания проговорила:

— Спасибо вам огромное!

В этот момент зазвонил телефон. Утирая слезы, Валерия подошла к аппарату. Выслушав адресанта, она удивленно посмотрела на гадалку и протянула:

— Ва-ас...

Милославская предполагала, кто звонит и по какому поводу, поэтому заспешила поскорее подойти к трубке. С ней говорил Руденко. Он сообщил, что машина с примерно таким салоном задержана утром. ГИБДД с момента обращения Семена Семеныча вели работу. Ночью ничего похожего им не встретилось, а вот утром, когда поток машин бывает особенно бурным, несколько автомобилей они задержали. В этом направлении работали все КПП, а также другие сотрудники, просто патрулирующие по городу, иными словами, органы организовали нечто вроде плана-перехвата.

Три Семерки, приехав домой, все детали, увиденные гадалкой в видении, набросал на листок и с этим уже обратился в соответствующие инстанции. Естественно, телефонный разговор с ГИБДД не имел такой серьезности, поэтому, поднявшись утром пораньше, Семен Семеныч отправился в РЭУ ГАИ, где все разъяснил более подробно, и тогда уже началась более существенная работа в этом направлении. К счастью, она принесла плоды довольно быстро.

Инспекция безопасности дорожного движения задержала три автомобиля. Три Семерки, поездив по местам задержания, одного отпустил, так как многое в салоне его автомобиля не было похоже на рассказанное Яной. А вот двоих попросил остаться и стал разыскивать Милославскую, чтобы пригласить ее на осмотр. Естественно, одних только показаний Яны, основанных на видении, было недостаточно, поэтому Руденко, как и гадалка, надеялся на участие в опознании самой пострадавшей, ведь она являлась единственным в этом деле свидетелем.

— Я сейчас пока одна приеду, — ответила Яна приятелю, — а ей все расскажу и подготовлю.

Семен Семеныч вынужден был согласиться и повесил трубку. В планы гадалки не входило сиюминутное привлечение девушки к делу. Сначала

она намеревалась лично познакомиться с задержанными машинами и их хозяевами. Это помогло бы избежать лишнего травмирования Вершининой, да и вообще, не являлось нужным, ведь Милославская из своих видений знала, как выглядит салон, как выглядят те, с кем Валерия ехала куда-то. Посмотрев на Валерию, она вздохнула и сказала:

— Кажется, все приближается к концу. Задержали две машины, похожих по описанию. Я еду туда, а ты будь дома, сиди и жди звонка, скорее всего, скоро понадобится. Кстати, Наталья Евгеньевна надолго отлучилась, или она на работе?

— Да нет, мама скоро подойти должна, — взволнованно ответила девушка.

— Прекрасно, поддержка тебе понадобится. Приезжай, как только позвоню, с мамой. Постарайся успокоить ее заранее, хорошо? Ты же сильная? — Яна улыбнулась.

Эта улыбка, по-видимому, была очень нужна несчастной девушке, так как она сразу же переменилась в лице, и глаза ее просветлели.

— Угу, — промычала Вершинина и кивнула головой.

Гадалка встала и направилась к выходу. Выйдя из подъезда, она подошла к обочине дороги и поймала такси, которое довольно быстро домчалось ее в указанное Руденко место.

* * *

— Заходи, Яна Борисовна, — деловито протянул Семен Семеныч, увидев ее на пороге.

Возле стены стояли несколько обшарпанных стульев, на которых, вальяжно расположившись, восседали два молодых человека. Когда Милославская глянула на них, все внутри у нее сжалось — это были те, внешность которых она тогда смутно увидела в своем видении. Сомнений в собственной правоте на этот счет у гадалки не возникало, поэтому она поманила к себе пальцем Руденко и сказала:

— На пару слов.

Три Семерки нехотя подчинился, и приятели оказались за дверью кабинета, в коридоре.

— Это они! Отпускай того, второго! — шепнула Милославская.

— Уверена? — тоже шепотом спросил ее приятель.

— Более чем! Машину показывай!

Три Семерки повел подругу через черный вход на закрытый двор этого

отдела внутренних дел, где был поставлен задержанный автомобиль. Гадалке не понадобилось даже открывать его дверь — она прильнула к стеклу и через несколько секунд заявила:

— Победа!

Руденко просиял и, войдя назад в кабинет, воскликнул:

— Ну, хлопцы, рассказывайте, как девиц укокошили!

Реакция парней была вполне объяснимой и предсказуемой. Минуты страха и смятения они уже пережили, тогда когда их остановили на КПП, задержали и доставили в отдел. Ожидая приезда незнакомой им госпожи Милославской, задержанные внутренне готовились к предстоящему разговору, а собирались они прежде всего защищать себя от всяческих обвинений и нападок.

Чего тут только Яне не пришлось услышать: сначала весьма вежливые слова недоумения, потом возмущенные фразы о собственной непричастности к произошедшему, затем требования отпустить их и угрозы обращения в вышестоящие органы. В конце концов в адрес Милославской, о роли которой в этом деле, преступники, естественно не могли догадываться, посыпались всяческие проклятия, поскольку им было понятно, что уверенность к ментам пришла именно с ее появлением. К счастью при допросе присутствовали не только Семен Семеныч и Яна, поскольку уже через двадцать минут разговора задержанные стали вести себя так агрессивно, что на них пришлось одеть наручники.

Дождавшись этого горячего момента, Милославская намеком дала Руденко понять, что теперь можно огорошить молодых людей сведениями о том, что Валерия Вершинина по счастливому стечению обстоятельств осталась жива — не добили и землей плохо присыпали — и теперь может свидетельствовать против них. Естественно, такой ход действий по большей части являлся блефом. Ведь Валерия на самом деле помнила очень мало. Однако Яна была полна надежды, что вооруженная какими-то воспоминаниями и сведениями, полученными от гадалки, Валерия увидит преступников, их машину и под воздействием стресса-противоядия вспомнит все остальное.

Руденко проводил экстрасенса в один из кабинетов, откуда она смогла позвонить Вершининой. Та, очевидно, сидела в ожидании возле телефона, поскольку практически сразу сняла трубку и произнесла взволнованное «Алло». Милославская вкратце сообщила последние новости и сказала, что срочно нужно приехать в отдел. Трубку тут же выхватила Наталья Евгеньевна, появившаяся дома, и Яне пришлось объяснять все заново.

Затем она отправилась к входу в здание и решила там ожидать

Вершининых. Милославская курила и взволнованно ходила взад и вперед, оглядываясь по сторонам и пытаясь рассмотреть вдалеке знакомые силуэты. Через некоторое время к ней вышел Семен Семеныч, и они вместе стали проводить минуты ожидания.

Наконец, у противоположной стороны дороги притормозило желтенькое такси, и оттуда с тревожным выражением лица вышла Наталья Евгеньевна, а за ней — Валерия. Яна крикнула им и замахала рукой. Вершинины быстрым шагом двинулись навстречу гадалке и ее приятелю. Милославская осталась с ними, а Руденко заспешил в кабинет, где находились обвиняемые для того, чтобы перевести их в специальное помещение для опознания. Они в такой ситуации, как известно, Валерию видеть не могли, а она получала шанс рассматривать их до тех пор, пока не станет окончательно уверенной в своем ответе.

Через некоторое время Три Семерки появился на пороге отдела и замахал женщинам рукой. Все трое двинулись ему навстречу.

— Девочке сначала лучше машину осмотреть, — сказал он, глядя то на Наталью Евгеньевну, то на Милославскую.

Яна отвала Семена Семеныча в сторону и зашептала:

— А я думаю, надо сделать наоборот: сначала очная ставка. Ведь она увидит сейчас автомобиль, разволнуется, неизвестно, какой будет ее реакция... Лучше сразу показать ей этих, а уж как дополнительное доказательство — машину.

— М-да... — Руденко потер пальцем у виска и чуть позже решительно сказал: — Ладно, будь по твоему! Надеюсь, ты опять окажешься права.

Яне пришлось пройти с Натальей Евгеньевной в отдельный кабинет, а Три Семерки занялся Валерией. Удаляясь с ним по коридору, она оглядывалась на мать, и в ее взгляде было столько мольбы о помощи, что сердце гадалки невольно содрогнулась, не говоря о матери несчастной девушки. Вершинина-старшая рванулась было вперед, готовая вернуть дочь и прекратить все это, но Яна удержала ее, сказав:

— Вы должны были быть готовой к этому. Крепитесь, скоро все закончится. Лера выдержит, она сильная!

Наталья Евгеньевна достала из сумочки платочек и стала утирать им безмолвно катящиеся по щекам слезы. Затем женщины вошли в указанный Семеном Семенычем кабинет и уединились в нем, томимые горьким ожиданием.

— Она вспомнит, я это знаю, — тихо и торопливо заговорила Вершинина. — Когда мы выходили из дома, — женщина всхлипнула, — Лера мне сказала: «Мама я чувствую, как все близко, я знаю, что вернусь к

жизни, к нормальной жизни, и ничто не будет давить на меня изнутри!»

— Я тоже верю в вашу дочь, — сказала Яна и закурила.

Минуты ожидания тянулись мучительно долго, однако через некоторое время в комнату влетел Руденко и, рукавом вытирая пот со лба, радостно заявил:

— Ну, девки, все! Дело сделано!

— Где моя девочка? — со слезами кинулась к нему Наталья Евгеньевна.

— С ней сейчас беседует психолог, успокойтесь, — сказал ей Руденко, — с вашей дочерью все в порядке. Она просто молодец!

Вершинина-старшая слегка улыбнулась сквозь слезы и с чувством некоторого облегчения вздохнула.

— Она вне опасности? — спросила она Семена Семеныча уже более спокойно.

— Теперь да.

— Как же я вам всем благодарна! Ведь мы с того дня не знали покоя! Яна Борисовна! Товарищ капитан! — Вершинина не находила слов.

— Это всего лишь наша работа, — ответили Милославская и Руденко неожиданно для самих себя в один голос. Затем они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Все же гадалка не чувствовала полного чувства успокоения, поскольку во всей этой истории еще оставались моменты, не совсем ясные. Ей хотелось поскорее увидеть Валерию, обо всем ее расспросить, или же хотя бы побеседовать один на один с Руденко, который по стечению обстоятельств на данный момент был более осведомлен.

Наконец, через некоторое время в кабинет заглянул один из сотрудников и воскликнул:

— Вот вы где! Иди сюда.

Вслед за этими словами перед присутствующими появилась Валерия. Она как-то за это короткое время переменялась, стала взрослее и серьезнее.

— Мама! — кинулась она к Наталье Евгеньевне.

— Вам сейчас лучше побыть одним и отдохнуть, — сказал Вершининым Руденко, — вас отвезут.

— Да-да, конечно, — торопливо выговорила Наталья Евгеньевна.

— Вынужден предупредить, что вам придется поучаствовать еще во многих неприятных процедурах по этому делу, — проводя рукой по усам, сказал Три Семерки. — Поэтому сейчас пока вас отпускаю... отдыхайте.

Вершинины встали.

— Яна Борисовна, — обратилась Наталья Евгеньевна к гадалке, — вы

у нас будете сегодня?

— Да, конечно. Пусть сначала Лера придет в себя.

Как только мать и дочь скрылись, Милославская накинулась на приятеля с расспросами о том, как все прошло, и какие новые факты в этом процессе выяснились.

— Ну, Яна, я твой должник! — выпалил тот и, бросив фуражку на стол, плюхнулся на стул.

— Я теряю терпение! — с шутливой серьезностью заявила Милославская и погрозила другу пальцем.

Тот поведал ей историю, многое, в которой, впрочем, гадалке было уже знакомо. Валерия Вершинина тайно от родителей, которые были против того, решила подработать. Одно объявление ее заинтересовало, так как работа, занимающая мало времени, была высокооплачиваемой. Ей предложили проводить краткую приятную беседу с обратившимися в фирму и принимать у них принесенные документы. Девушке предложение пришлось по душе. Однако, узнав от Валерии о получении документов от первого клиента, хозяева решили спешно ликвидировать фирму. Девушке за работу они еще не заплатили и, по всей видимости, не собирались. Тогда она сказала, что вернет документы только в обмен за обещанное вознаграждение. При этом пообещала позвонить в милицию, так как все казалось ей теперь уж слишком подозрительным.

С ней обошлись очень вежливо, пригласили вечером приятно провести время, отметить сделку, а заодно и решить этот вопрос. Это девушку успокоило. Все же опасаясь, она пригласила с собой подругу — Ирину Черненко.

Свидание состоялось. Подруги сели в машину к двум молодым людям, и веселая компания заколесила по улицам. Девушки за приятной беседой и не заметили, как оказались за городом. Они забеспокоились, но парни не уступали и ехали вперед, говоря, что здесь для катания на автомобиле простору больше — не ГАИшников, никого. Через некоторое время тот, кто был за рулем, резко свернул с трассы в сторону леса, где чуть позже и случилось ужасное. Поиздевавшись над девушками, злодеи решили от них избавиться. Предварительно они выпытали у Валерии, где она спрятала полученные документы, и успела ли она заявить в милицию. Ирине не повезло, а вот Вершинина чудом выбралась, о чем злодеи и не догадывались.

Теперь Яна отчетливо видела во всей перепетии место Ильиной, Наровчатова, других персонажей и самой Валерии. Загадок больше не оставалось.